



*70-летию
советской милиции
посвящается...*



Саратов
Приволжское
книжное издательство
1986

67.99(2)116.1
Н80

Рецензент: *Н. Н. Водополов*, заместитель начальника Управления внутренних дел. Саратовского облисполкома, подполковник милиции.

Н80 «02 слушает...» [Сб. очерков]. — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1986. — 176 с.

Сборник очерков о работниках милиции Саратовской области, их мужестве в борьбе с правонарушителями, большой профилактической работе, которую они ведут по месту жительства.
Книга рассчитана на массового читателя.

Н 1203030000
153(15)—86

67.99(2)116.1

ОСЕНЬЮ СОРОК СЕДЬМОГО

Старожилы помнят, какими трудными были первые послевоенные годы. Не хватало продуктов, одежды, топлива, электроэнергии, транспортных средств. Отголоски войны сказывались не только материальными лишениями. В те годы не было, пожалуй, в Саратове жителя, не слышавшего о шайках грабителей, именовавших себя «Черной кошкой». За многими разбойными нападениями и грабежами, совершенными с целью захвата чужого имущества, за убийствами, казавшимися немотивированными, тянулся будоражащий людей слух о «Черной кошке», о том, что бандиты якобы проигрывают людей в карты. Такие слухи и сплетни были налетчикам на руку, и они подогревали, как могли, настроения беспokoйства и испуганности, используя их для того, чтобы облегчить совершение новых дерзких преступлений.

Начальник Управления НКВД по Саратовской области в конце 1945 года приказал всему начальствующему составу, включая сотрудников финансового отделения и поликлиники, получить огнестрельное оружие и, находясь в городе, иметь его при себе. Резко увеличилось число бригадмилльцев, — причем в основном людей молодых, с фронтовой закалкой, — патрулирующих по улицам самостоятельно либо вместе с работниками милиции. Принимались и другие меры, оказавшиеся в целом довольно действенными. Тем, кто совершил тяжкие преступления, реже удавалось уйти от ответственности, больше стало задержаний правонарушителей. В общем, в первой половине 1947 года обстановка в городе наконец заметно улучшилась, разговоры о «Черной кошке» приутихли. И вдруг осенью — вновь вспышка кровавых злодеяний. Ежедневно в милицию поступали тревожные сообщения о почных выстрелах, бандитах в масках, ограбленных



квартирах, сорванных замках, часах, снятых с рук прохожих.

...В мае 1947 года из мест лишения свободы был досрочно освобожден преступник-рецидивист Павел Капчук, 1923 года рождения. Ранним июльским утром пароход «Бородино», на котором Капчук намеревался добраться до Астрахани, подошел к Саратовской пристани. На нижней палубе люди еще спали на своих узлах и чемоданах, и сидя, и лежа, и чуть ли не стоя, в тесноте, не оставляя прохода для пассажиров. Капчук, оценив обстановку, не удержался от соблазна: не таясь, взял баул и гимнастерку с боевыми наградами случайного попутчика — демобилизованного солдата — и сошел на берег.

Родных и знакомых у преступника в Саратове не было. Утро было душное. Стояли длинные тихие очереди в хлебные магазины. Город Капчуку не понравился. В серой толчее Пешего базара Капчук познакомился с двадцатилетней Зиной Муляевой. Вид Капчука внушал доверие: солдатская гимнастерка без погон, орден Красной Звезды, медаль «За отвагу» на груди, те самые — ворованные, и Муляева с нехитрым прицелом поведала ему о своем одиночестве, стесненности в средствах, пригласила к себе. Так Капчук попал на Соляную улицу (теперь — улица Леонова) в дом к Елизавете Салимовой, где Муляева снимала угол, и тоже стал квартирантом.

— Мой жених, — счастливо улыбаясь, победным тоном сказала Муляева, знакомя Капчука с Салимовой и со своим родным братом Дмитрием, жившим неподалеку, тоже на Соляной улице.

У Капчука были длинное туловище, короткие руки и ноги, широкие плечи и узкая, будто девичья, талия, широченные ладони. На крупной круглой голове — редкие черные волосы, лицо плоское, глаза водянистые, неопределенного цвета. Верхнюю губу пересекали два небольших шрама.

Дмитрию Муляеву жених сестры поначалу не понравился.

— Морда, — окрестил он его.

Меткая кличка закрепилась, и те немногие, кто знал Капчука, между собой так его и называли.

В войну Салимова и Муляева, несовершеннолетние девочки, оставшиеся без родителей, сполна хлебнули лиха. Но с житейскими трудностями военных лет справи-

лись стойко. Окончание же войны будто размагнитило их, и обе повзрослевшие девицы бросились «наверстывать упущенное». Вечерами беззаботно проводили время со случайными людьми, имеющими какую-то возможность их накормить, помочь материально. Не без успеха старались завести знакомство, надо сказать — бескорыстное, с борцами, выступавшими в цирке, и при удаче весьма гордились этим. Капчуку немного понадобилось времени, чтобы определить взгляды на жизнь Салимовой и Муляевой, и он смело выложил перед ними свои ближайшие планы.

— Начну с «левых» заработков. Встанем на ноги быстро, не сомневайтесь. А там... женюсь. Заживем, как не снилось, — и Капчук, прищурясь, метнул многозначительный взгляд на Муляеву. Невеста, рисуясь, томно опустила глаза, скрывая радость, поджала тонкие, в ниточку, губы, поправила прическу.

Для «заработка» Капчук присмотрел на Симбирской улице небольшой домишко, расположенный в глубине двора, а себе в напарники подыскал вора-бродягу, некоего Кузина. При подходе к намеченному для налета дому преступников остановил для проверки документов участковый уполномоченный милиции Владимир Кузьмич Кутьин. Кузин без возражений протянул ему паспорт. Капчук, отступив на шаг, спокойно ждал своей очереди. Обнаружив, что в паспорте нет штампа о прописке и месте работы, Кутьин сунул документ во внутренний карман мундира и кивнул Капчуку: теперь, мол, ты предъяви свой паспорт. И тогда преступники с двух сторон набросились на милиционера.

Кутьин сумел нанести Капчуку столь сильный удар в лицо, что тот не удержался на ногах. Однако налетчики все-таки одолели работника милиции, жестоко и долго били его ногами. Капчук вытащил у лежащего Кутьина из кобуры револьвер системы Наган и забрал паспорт Кузина. Затем преступники поспешили скрыться, петляя по улицам. Найти налетчиков не удалось: трудно раскрывались нападения на граждан, совершаемые ночью на улице. Свидетелей почти никогда не было, преступник и жертва часто оказывались один на один.

Расставаясь в пустынном переулке, Капчук договорился с Кузиным, что, как только подыщется новая квартира для ограбления, он даст об этом знать. Кузин оказался нетерпелив. Не дожидаясь Капчука, он совершил

ночную кражу из квартиры Г. Частухина, жившего на улице Рабочей, дом 67. На следующий день при попытке сбыть ворованное на Верхнем рынке Кузин был задержан бригадмильцами.

— Болван,— возмущался Капчук.— Какой болван! Сам попер барахло на брехаловку! Нетушки, на этом я не влипну. Ищи-ка, Зинаида, надежного барыгу. Ну а если снова не повезет, я в Саратове пылью легкие набивать не буду. Придется уматывать.

Муляева побледнела.

— Первый блин комом может быть,— успокоила она Капчука.— Хочешь, я поговорю с братом? Он-то не подведет. А там исхлопочем тебе паспорт, и будем жить как люди.

— Обойдусь и без твоего родственничка,— хмуро ответил Капчук и, помолчав, добавил: — Айда в картину.

Арест Кузина имел для Капчука куда более серьезные последствия, чем он предполагал. Участковый уполномоченный милиции Кутьин опознал в Кузине одного из грабителей, совершивших на него нападение на Симбирской улице. И Кузин выложил о Капчуке все то немногое, что знал. В его показаниях содержалась важная деталь: кличка второго участника нападения на работника милиции — Морда.

Непосредственная работа по предупреждению бандитизма и разбоев, розыску лиц, совершивших эти преступления, и проведение по таким делам расследования была возложена на отдел борьбы с бандитизмом (ОББ) Управления внутренних дел. Небольшой штат сотрудников отдела работал слаженно, самоотверженно, пытаясь успеть всюду, раскрыть каждый факт бандитизма или разбойного нападения. Воевать с преступниками надо было не числом, а умением. Но и умения-то у многих работников не хватало.

По служебному распорядку отделов ББ и уголовного розыска предусматривалась работа сотрудников с 10 утра до 5 вечера, а затем, после трехчасового перерыва, до 2 часов ночи. Фактически же сотрудники далеко не всегда пользовались вечерним перерывом, а уходили домой нередко под утро. Бывало и так: ночью урвет сотрудник два-три часа для сна и, уже не уходя домой, работает до очередного вечернего перерыва, а утром кто-то из членов семьи несет ему в сверточке завтрак. В здании Управления внутренних дел имелся вечерний буфет, но сотруд-

ники заглядывали в него не часто: цены в ту пору были обжигающими. В стране еще сохранялась карточная система, в магазины змеились длинные очереди.

Так, недосыпая и недоедая, в постоянном напряжении сил жили те, кто был выдвинут на самую передовую линию борьбы с опасными преступлениями. Романтика их работы была, образно говоря, романтикой соленого пота, перемешанной с неизбежной прозой. Приходилось ежедневно разматывать клубки хитросплетений, подлости и жестокости, видеть уродливую стихию людских судеб и страстей. Постоянное напряжение и переутомление наложили свой отпечаток на сотрудников этих служб. Они держались обычно строго, разговоры вели немногословные.

ОББ работал в тесном контакте с областным отделом уголовного розыска, обменивался с ним информацией, опирался на его помощь.

Когда в уголовном розыске установили, что Кузин участвовал в нападении на участкового уполномоченного милиции, преступника несколько раз допросил начальник одного из отделений ОББ Андрей Георгиевич Зайцев. Работник он был опытный, дело свое знал отменно и был, как говорят, на своем месте. Однако и он ничего нового тогда установить не смог.

Во все одиннадцать отделений милиции города были сообщены ориентировочные приметы Капчука. Получил эти сведения, в числе других работников, оперативный уполномоченный 4-го отделения милиции младший лейтенант милиции Григорий Георгиевич Проничкин. А он, в свою очередь, информировал о приметах Морды своих пятерых бригадмильцев, старшим среди которых был назначен молодой рабочий Петр Холодков.

...2 сентября ночью Капчук ограбил в доме № 137 по улице Чернышевского квартиру Л. Л. Воробьева, захватив домашних вещей более чем на тринадцать тысяч рублей. Взмахив мешок на спину, бандит неторопливо шел безлюдными темными улицами, прижимаясь ближе к однообразно серым, невысоким домам и трухлявым заборам. На одном из перекрестков Капчук неожиданно столкнулся лицом к лицу с вышедшим из боковой улицы бригадмильцем Петром Холодковым. Тот отпрянул от Капчука, уступил ему дорогу и, обернувшись, спросил вдогонку:

— Не помочь?

— Иди своей дорогой, бандюга,— огрызнулся Капчук и прибавил шаг.

— Я бригадмилец. Остановись! — потребовал парень и метнулся за Капчуком.

Преступник, скинув мешок, бросился наутек.

— Держи вора! — закричал Холодков, но улица была пуста. Ветер кидал из стороны в сторону тусклую лампочку фонаря.

Прошло несколько дней. Капчук на улице Радищева у Суворовского училища (ныне школа-интернат № 3) переговаривался с Николаем Порохом, работавшим в училище сапожником.

Случилось так, что в это время мимо них проходил Холодков.

— Слушай-ка, а мы вроде бы почти знакомы? — спросил он, подойдя к Капчуку.

— И что?

— То самое, что в мешке,— многозначительно ответил Холодков.— Кличка твоя Морда, а фамилию выясним в милиции. Устраивает?

— Спят ты, браток. Иди, иди, пока цел...

Холодков кинулся на Ленинскую улицу искать милиционера, а Капчук и Порох трусцой побежали в противоположную сторону, прыгнули на подножку идущего трамвая.

— Слушай, а я ведь этого хмыря знаю,— доверительно сообщил Порох.— Он меня разок задерживал, в милицию притащил. Так, ни за что. Фамилия его Холодков. Все вечера в отделении отпрается.

— А где живет, знаешь? — спросил Капчук.

— Знаю. Надо — покажу.

Холодков рассказал о случившемся Проничкину, и тот немедленно передал эти сведения в отдел борьбы с бандитизмом Андрею Георгиевичу Зайцеву. Пороха задержали в тот же день, допросили. От него узнали, что Морду зовут Николаем. Ничего другого, нового для милиции, Порох не знал, а может быть, и знал, но не сказал. И даже в том, что Николай — имя не вымышленное, уверенности не было. Пороха отпустили.

Петр Холодков жил в Хвалынском проезде. 14 сентября в Большом зале консерватории он был на концерте, посвященном 800-летию Москвы, и вернулся домой в одиннадцать часов вечера. Тихо, чтобы не разбудить мать и младшую сестренку, прошел к себе в комнату, снял

пиджак, рубашку и, сев на сундук, стал стягивать сапог. В этот момент Капчук через окно дважды прицельно выстрелил в Холодкова. Бригадмилец умер мгновенно.

За минуту до убийства Капчук на входных дверях размашисто написал: «Чер — ка». Сбежавшиеся из ближайших домов люди единодушно расшифровали: «Черная кошка».

На похороны Петра Холодкова пришли сотни людей: заводчане, бригадмилцы из всех отделений милиции. Стоял у гроба отважного комсомольца и Григорий Георгиевич Проничкин. Петр Холодков прожил короткую жизнь, но заслужил добрую память.

Между тем у Капчука в сознании созревала иллюзия своей неуловимости для милиции. О неотвратимости расплаты за совершенные злодеяния он не думал.

Разбойничьи налеты преступник совершал по определенному трафарету: подыскивал квартиру, окна которой выходили во двор, ночью выбивал оконные стекла или всю раму, открывая себе путь в квартиру и приводя жильцов дерзостью нападения в состояние оцепенения и покорности. Несмотря на шаблонность действий и стремление придерживаться отработанных приемов, бандитская квалификация Капчука была высокой. Он строго ограничивал себя в знакомствах, держался замкнуто, налеты совершал один или вдвоем с Александром Прикладниковым, называл себя вымышленными именами, в дневное время по городу не бродил, выходя из дома лишь с целью подыскания очередного объекта для нападения. С продажей награбленного не спешил, да и занимались этим Салимова и Муляева под строгим контролем преступника. Надевал на себя разное: то модные широкие брюки на выпуск, то сапоги с галифе, поверх — раз рубашку с закатанными рукавами, в другой — гимнастерку. Никто не знал, где он живет, даже его ближайший соучастник — Прикладников.

Конспиративные ухищрения до поры до времени, конечно, помогали Капчуку спастись от ареста. Однако в уголовном розыске и отделе борьбы с бандитизмом уже в августе на банду, возглавляемую преступником по кличке Морда, завели специальное дело, назвав его коротко: «Звери». Руководство работой по розыску бандитов было возложено на Андрея Георгиевича Зайцева.

...27 сентября Капчук привычным способом, выбив оконную раму, проник в квартиру Е. Сысевой, прожива-

ющей по улице Цыганской (ныне улица Кутякова), в доме № 42. Только сложил вещи в мешок, как кто-то уверенно постучался в наружную дверь. Капчук отдернул от мешка руки, будто обжегся, выскочил наружу через разбитое окно и хотел было выбежать на улицу. Дорогу преступнику преградил брат Сысоевой Петр Тараканов, возвращавшийся с вокзала с сыном, приехавшим в отпуск из армии. Капчук двумя выстрелами убил Тараканова.

На месте преступления работниками милиции была найдена «фуражка защитного цвета из английской шерсти на черной коленкоровой подкладке, поношенная». Досада грызла Капчука несколько дней. Как же могло случиться такое, если предусмотрительно натянул фуражку на уши? Глядя в зеркало, он потрогал свои уши, оттянул их в стороны, выругался.

Ночью 30 сентября Капчук шел по улице Радищева. С противоположной стороны наперерез ему дорогу пересекал работник охраны больницы управления исправительно-трудовых колоний Савелий Иванов, возвращавшийся после дежурства домой. Приблизившись, попросил закурить. Капчук, заподозрив недоброе (то ли переодетый милиционер, то ли бандюга из какой-нибудь «Черной кошки»), дважды в упор выстрелил в Иванова...

В городе снова заговорили о «Черной кошке». Работники органов внутренних дел совершенно точно знали, что «Черная кошка» — это вымышленная бандитская организация, существующая лишь в воображении некоторых граждан. Однако разъяснительная работа помогала мало. Доказать мифичность преступной организации под наименованием «Черная кошка» предстояло прежде всего путем недопущения опасных преступлений и полного разоблачения преступников, совершивших нападения на граждан и их квартиры.

В эти осенние месяцы 1947 года было обезврежено несколько шаяк преступников. Работники отделов борьбы с бандитизмом и уголовного розыска арестовали, в частности, налетчика Заварзина (по кличке Кот) и его сообщников, именовавших свою банду в соответствии с «модой» «Черной кошкой». Преступники ограбили ателье пошива верхней одежды (угол улицы Челюскинцев и улицы М. Горького), клуб Главпочтамта, склад тетрадной фабрики. Капчуку же пока удавалось скрываться.

...Напарник Капчука Александр Прикладников встре-

чался с шустрой семнадцатилетней девчонкой Надей Колокольцевой. У нее были лукавые, чуть с прищуром глаза, вздернутый носик и каштановые недлинные косы. Одевалась она модно, носила дешевые металлические сережки, красила губы и сама себе делала маникюр. Отец Нади погиб на фронте. Мать в первый послевоенный год осудили за спекуляцию. Надя бросила школу, нигде не работала, а жить перебралась к своей бабушке.

Прикладников считал Колокольцеву девчонкой «что надо», водил ее в рестораны и на танцевальную площадку Дома офицеров. На весельной лодке добирались они до Зеленого острова. Там однажды Прикладников предложил Наде: «Идем за меня замуж».

— Смени сначала профессию,— с дерзкой улыбкой ответила Колокольцева и убежала купаться. Она знала, что Прикладников вор. С Капчуком же Надя не была знакома, но как-то раз Прикладников показал ей на человека, идущего по противоположной стороне улицы, и непривычно подобострастно шепнул: «Жиган. Из «Черной кошки».

В областной библиотеке Надя брала книги. Среди прочитанного выделяла «Молодую гвардию», восторгалась Любой Шевцовой. А после того как в театре юного зрителя она посмотрела премьеру спектакля «Молодая гвардия»,— Шевцова стала ее кумиром.

— Ты бы только посмотрел, Саша,— говорила она Прикладникову,— какое чудо Ермакова. Она Любку играет, ох здорово! Особенно когда поет и пляшет перед немцами. Двойную игру ведет, ох здорово! А ведь она еще только учится на артистку. Ты бы в нее влюбился. Сходим посмотрим, а? Я во второй раз, но все равно — с удовольствием.

Билеты на «Молодую гвардию» были проданы на месяц вперед, но Колокольцева сумела выклянчить контрамарку на двух человек. С Прикладниковым Надя договорилась встретиться прямо у театра, но он не пришел. С этого времени отношения между ними ухудшились, и вскоре Надя оборвала связь с Прикладниковым. Но в городе, чаще в саду имени Горького или на танцевальной площадке Дома офицеров, они иногда видели друг друга и даже разговаривали понемногу и по-доброму.

За Надей стал увиваться вор-карманник по кличке Мишаня. Оставшиеся после фронтового ранения два пальца левой руки надежно давали ему «заработок».

— Везет мне на воров, — посмеиваясь, говорила Колокольцева Нине Крутцевой. — И что они ко мне липнут? Это уже третий, нет, четвертый. И ни одного порядочного.

Крутцева жила недалеко от Нади, они не были близкими подругами: Колокольцева предпочитала быть в компании парней, но иногда забежали друг к другу поболтать о том, о сем.

— И не страшно тебе... с воров? — поинтересовалась Крутцева.

— Нисколько. Даже интересно. Он ведь «щипач» — ну, понимаешь, карманник. Я с ним ездила в шестерке от вокзала и поражалась: ох и ловок! Ох и здорово! В трамвае давка, вагон вихляется — влево, вправо, а он раз — и кошелька нет. Ну а сейчас ведь новый Указ, слыхала? Мишаня говорит, что теперь за кражу, что за разбой — баш на баш, срок дают почти один и тот же. А расстрела все равно нет: вышку отменили. В общем, выгодней квартиру обчистить, чем лезть в чужую сумку или там карман. Ох, смех и грех!

10 октября в доме, где жила Нина Крутцева, была совершена кража. В связи с этим оперативный уполномоченный милиции Проничкин вызвал к себе Колокольцеву повесткой к 8 часам вечера 11 октября. Он знал Надю с того времени, когда была арестована ее мать. 4-е отделение милиции размещалось на Большой Горной улице в доме № 239, а Колокольцева жила на той же улице в доме № 263. Естественно, что Проничкин нередко встречал Надю. Обычно он не упускал возможности поинтересоваться ее жизнью, сказать теплое, ободряющее слово, дать совет. Когда в сентябре Надя не пошла в школу, Проничкин пригласил ее в отделение милиции и попытался уговорить продолжить учебу. Не без воздействия Проничкина Надя порвала с Прикладниковым, но хороших друзей пока не нашла. Все кружились вокруг нее какие-то подонки. Поэтому следовало проверить, не причастна ли Колокольцева к краже у Крутцевых, не слышала ли, чьих это рук дело?

11 октября Проничкин начал разговор с Надей изда-лека: как живет, подыскала ли работу, пишет ли мать?

— Григорий Георгиевич, вы за меня не беспокойтесь, — говорила Надя. — Я хочу работу интересную найти. Ну знаете, чтоб по душе. И учиться придется. Я ведь артисткой задумала стать, как Ермакова. А пока спасибо

за внимание.— И, хитро сверкнув глазками, добавила: — Подождите, я у вас еще бригадмилкой буду.

— Приходи в любой день. Девушек-бригадмилцев у нас в городе, правда, не много, но есть. И помогают они нам хорошо. Так что приходи. Я в тебя верю.

— Боюсь. Нет-нет, не воров. Влюблюсь в вас, чего доброго.

Проничкин принял шутку, по его широкому, добродушному лицу скользнула улыбка.

— Кавалеров у тебя хватает. Вот и хочу я, чтобы все у тебя чин по чину шло, не поломалось.

— Спасибо вам. Не поломается. Не маленькая. Вы уж, Григорий Георгиевич, переходите к делу-то.

Ни прямых, ни косвенных улик об участии Колокольцевой в краже у Крутцевых не было. Бойкие ответы Нади укрепили интуитивную уверенность Проничкина, что Колокольцева непричастна к этому преступлению. Но вот о Мишане Надя отвечала коротко и односложно: нет, не знаю, откуда мне знать.

Только одно сказала, причем с подчеркнутой гордостью:

— На ноябрьские свадьба у нас будет. Мишаня дал слово и мне, и своей матери, что пойдет к ней на завод работать.

Затем Проничкин повел разговор о Морде, заходил вопросами и с одной, и с другой стороны, а в ответ опять слышалось односложное: нет, не знаю, откуда мне знать. Разочарованно вздохнув, Проничкин сказал участливо:

— Ну ладно. Утомил я тебя. На сегодня все, да и поздно уже, темно. Иди домой осторожней.

Уходя, Надя, будто между прочим, бросила:

— Ладно, Григорий Георгиевич, я подумаю. Может быть, что-нибудь и вспомню.— И уже в привычном для себя бодром тоне добавила: — А что, еще вызывать будете? Ох уж эта милиция, как прицепится...

Надя ушла, а Проничкин остался на работе: было всего 10 часов вечера, и дел невпроворот. Григорий Георгиевич откинулся на спинку стула. Подумал про Колокольцеву: нравственный перекося у нее на душе, но девчонка не пропащая. Не все сказала, что знает. Так, полупризнание. Однако Проничкин был доволен: он видел в этом начало будущего откровенного разговора. Григорий Георгиевич любил свою профессию и чувствовал себя от этого счастливым. И хотя порой уставал до изне-

можения, все, что на службе приходилось ему делать, выполнял на совесть.

На службу в милицию Проничкин пришел в начале 1941 года сразу же после демобилизации из армии, прислушавшись к совету В. Г. Сергеева — мужа родной сестры. Способный и смелый работник милиции, Василий Григорьевич Сергеев стал, употребляя современное понятие, первым наставником Григория Георгиевича. В 1944 году во время проведения операции по захвату бандитская пуля сразила Сергеева. В том же году тяжелое ранение в схватке с преступником получил Проничкин.

Уголовный розыск! Одни меняют его на более спокойную службу, другие всю жизнь остаются ему верны. Проничкина можно с полным основанием причислить к последним. Для него эта служба была надолго, навсегда.

Случилось так, что в тот же вечер, 11 октября, когда Надя Колокольцева была у Проничкина, Капчук пригласил Прикладникова на «дело». В ресторане «Европа» они выпили под холодную закуску литр водки. Для разбойного нападения Капчук присмотрел квартиру в районе железнодорожного вокзала. Прикладников предложил другой вариант:

— Двинем к Колокольцевым. Там одна бабка дома. Надюху к восьми в милицию вызвали, а там сам знаешь как — раньше полуночи могут не отпустить.

На переломе суток Капчук и Прикладников подошли к дому Колокольцевой. В окне, выходящем во двор, горел тусклый свет, но через плотную занавеску ничего не было видно. Капчук оглядел двор, поднял валявшееся полено, широко размахнувшись, ударил им в оконный переплет и с пьяной лихостью проскочил в комнату.

Прикладников проделал то же самое, только через кухонное окно и не так расторопно.

В небольшой комнатенке на железной кровати лежала бабушка Нади — Е. Пуганова, а на перине, расстеленной на полу, — ее дальний родственник инвалид И. Маслов, случайно оказавшийся в доме.

Капчук, пригрозив им револьвером, приказал молчать, а сам, не теряя времени, стал обшаривать ящики комода, выбрасывая вещи, что получше, на кухню. Прикладников подхватывал их на лету, запикивал в мешок. Затем в кухню полетели вещи из шкафа.

Но вот Прикладников показал жестом: мол, хватит. Капчук пробежал комнату глазами, сунул в карман ка-

кие-то мелкие женские украшения, лежащие на блюде-ке за зеркалом на комод, и сделал шаг к Маслову.

— Ляг на живот, быстрее!

Маслов исполнил приказание. Капчук шарфом связал ему руки и ремнем — ноги.

Пуганова, не ожидая приказа, сама легла лицом вниз, положила руки на спину поверх одеяла. Капчук туго стянул старухе руки чулком и, не сбрасывая одеяло, начал связывать ей ноги.

Вдруг на лице Капчука выразилось изумление, на мгновение он будто застыл: под одеялом нащупывалась третья нога. Бандит сдернул одеяло: подкатившись под бок бабушки, на кровати лежала Надя Колокольцева.

— Ты меня знаешь? — спросил Капчук.

— Видала.

Бандит, секунду-другую помедлив, вышел в кухню.

— Надька там, узнала меня, — шепнул он Прикладникову.

Преступники всполошенно смотрели друг на друга.

— Продаст. Надо кончать, — заикаясь и стуча зубами, предложил Прикладников.

— На. — Капчук протянул ему револьвер. — Давай-ка ты, потренируй руку.

— Не-ет, не-ет, — взмолился Прикладников, — боюсь, ей-богу, не смогу. Руки дрожат, смотри. Ты сам, прошу тебя.

Капчук вернулся в комнату. Гулко, один за другим, грохнули выстрелы.

Бандит снова выскочил в кухню. Здесь Прикладников, обхватив руками живот и пригнувшись, блевал себе под ноги от страха.

— Желторотик, — брезгливо бросил Капчук.

Чуть выпрямившись, Прикладников, будто чем-то давясь, прохрипел:

— Напавал?

— Вроде бы.

— Проверь.

Капчук метнул злобный взгляд на Прикладникова.

В комнате, на кухне, на цветастом половичке у порога, во дворе и по следам своим и соучастника Капчук рассыпал пять пачек нюхательного табака «Пчелка».

— Привет овчарке! — с усмешкой буркнул он.

Когда все стихло, выждав еще минут десять, стали выходить поосмелевшие соседи. Кто-то заглянул через

разбитое окно в пугающую тишиной комнату Колокольцевых, кто-то побежал в 4-е отделение милиции.

Первыми на место происшествия прибежали оперуполномоченные уголовного розыска Г. Г. Проничкин и К. Ф. Илларионов. Вслед за ними, рассекая темноту ярким светом фар, подъехала милицейская машина из областного Управления внутренних дел.

В комнате Колокольцевых начальник оперативного отдела милиции Р. Ф. Кристаллов в нескольких местах обнаружил отпечатки пальцев, в том числе на зеркале, стоявшем на комод. Потом эти следы помогли изобличить преступников.

Поведение Прикладникова вызвало бурное негодование Капчука, обвинения соучастника в предательстве и трусости. Бандит, озверело тараща глаза и хватая Прикладникова за грудки, цедил сквозь зубы: «Колокольцева откуда меня знала? Что я тебе велел, где язык держать?»

Интерес к Прикладникову у Капчука пропал. К себе в соучастники бандит привлек брата своей сожительницы Дмитрия Муляева. Тот имел судимость и был на учете в милиции. Это обстоятельство несколько смущало Капчука, но другого выхода пока не было. К тому же бандит подумывал об отъезде из Саратова. Что-то щемило в нем скверным предчувствием.

В ночь на 22 ноября Капчук и Муляев ограбили квартиру зубного врача Зинанды Илларионовны Гришиной. Жила она на первом этаже деревянного дома, стоящего в глубине двора. Преступники двумя ударами выбили оконную раму. Освещая проем карманным фонарем, влезли в квартиру. Тыча оружием в лицо матери Гришиной, бандиты заставили ее перейти в кровать к дочери. Женщинам приказали накрыться с головой одеялом и лежать тихо.

Капчук вытащил из-под кровати оббитый дерматином чемодан. В него преступники побросали попавшиеся под руку вещи, торопясь, не выбирая. Затем Капчук потребовал у женщин кольца и серьги. Гришина и ее мать сняли с пальцев кольца, передали бандитам.

— А серьги? — будто само собой разумеющееся спросил Капчук.

Гришина достала из-под подушки спрятанные сережки. Капчук выругался и рукояткой нагана ударил женщину по лицу.

Между тем соседи, живущие на втором этаже, услышав звон выбитых стекол и шум внизу, открыли форточки и стали криком призывать на помощь. Капчук и Муляев поспешили убраться. На бегу Капчук выстрелил в окно второго этажа.

На место происшествия прибыли дежурный городского управления милиции А. П. Мелехин, заместитель начальника отдела ББ Ф. А. Сергеевнин, проводник служебно-розыскной собаки.

Полкилометра шла в сторону Соляной улицы собака Инга. Потом закружила на месте, тянула то в одну, то в другую сторону и наконец виновато остановилась. След был потерян.

В то же утро у подполковника Андрея Георгиевича Зайцева прошло короткое совещание. Разговор шел в основном о реализации дела «Звери». Почерк налета на квартиру Гришиной работникам милиции был знаком. Они не сомневались, что ограбление осуществлено Мордой и его сообщником. Об этом свидетельствовали, в частности, показания Гришиной и ее матери, уверенно описавших приметы налетчиков. Сопоставив имеющиеся факты, решили произвести обыск на Соляной улице у Дмитрия Муляева. Получили санкцию прокурора и на обыск выехали немедленно.

В квартире Муляева были обнаружены вещи, которые по милицеским учетам числились как захваченные при разбойных нападениях. Работники милиции изыали, в частности, принадлежавшие Гришиной костюм, два с половиной метра темно-синего бостона, обитый дерматином чемодан, хлебно-продуктовые карточки...

Дмитрия Муляева арестовали. В тот же день был произведен обыск в квартире Зинаиды Муляевой. Здесь были найдены вещи, дающие основания предполагать причастность Муляевой и Салимовой к разбойным нападениям. В ножках металлических кроватей оказались мелкие драгоценности. Из дымохода печи извлекли завернутую в старую юбку гимнастерку с орденом. В такой гимнастерке видели в городе преступника по кличке Морда. Медаль была потеряна Капчуком в схватке с участковым милиции Кутыным.

Салимову и Муляеву арестовали. Допрашивал их следователь старший лейтенант юстиции Иван Трофимович Кашкин. В органах внутренних дел он работал недавно. Зато у него был продолжительный опыт следственной ра-

боты в военной прокуратуре, знания, полученные в Военной академии.

Сначала Кашкин скрупулезно допросил Муляеву. Интересовался ее братом Дмитрием, его характером, привычками, кругом знакомств, образом жизни. Муляева, демонстрируя искренность, отвечала на все вопросы, говорила не торопясь, плакала. Однако стоило Кашкину коснуться преступной деятельности брата, как Муляева замкнулась, в ответ на вопросы неопределенно пожимала плечами. Не стала она объяснять и то, как попала гимнастерка в дымоход, утверждала, что кличку Морда слышит впервые...

Салимова была куда более откровенной. Призналась: жил у нее квартирант по фамилии Капчук, по кличке Морда. Описала его приметы. Сказала: «Съехал квартирант поди как с неделю. Куда, в известность меня не поставил. Зинаиду спросите».

На очной ставке с Салимовой Муляева дала показания о Капчуке и отношениях с ним со времени знакомства на Пешем базаре.

К допросу Дмитрия Муляева Кашкин был уже хорошо подготовлен. Продуманность поставленных вопросов и осведомленность следователя сработали: Муляев оказался в смятении. Он признал свое участие в ограблении квартиры Гришиной, рассказал о Капчуке и его отношениях с Муляевой, выгораживал сестру, утверждая, что она не знала о разбойных нападениях Капчука.

Кашкин был неплохим психологом. Хотя поведение обвиняемого на допросе не имеет доказательственного значения, для следователя отнюдь не безразлично, как ведет он себя после постановки того или иного вопроса и предъявления уличающих доказательств. Видя подавленное состояние Муляева, его вялый, пустой взгляд, Кашкин вел допрос наступательно, получая все новые и новые признания.

В процессе расследования Кашкин не раз обращался к А. Г. Зайцеву, советовался с ним, получал дополнительные сведения. Несколько заданий поступило от следователя Проничкину. Решалась главная задача: установление места пребывания Капчука и его сообщников.

У дома, где до ареста жила Зинаида Муляева, Капчука ждала засада, однако дни шли, а преступник не появлялся. Тогда было принято решение освободить Муляеву из-под стражи под подписку о невыезде. Капчук,

узнав об этом, обрадовался: у Муляевой в тайниках хранились некоторые ценные вещи, захваченные при налетах. Когда убедился, что за домом Муляевой наблюдения нет, оделся под железнодорожника и глубокой ночью, таясь, с максимальной осторожностью пришел в свою бывшую квартиру. Муляева, суматошно оправдываясь, затолкала в саквояж то немногое, что не было обнаружено при обыске. Капчук даже не сел, стоял молча, смотрел зло, губы стиснул. Неожиданно ударил Муляеву куском электропровода, застонал и сник. Уходя, поцеловал Муляеву в заплаканное лицо.

Выйдя на улицу, пошел к трамвайной остановке, чтобы добраться побыстрее до вокзала. Было пустынно, хмуро нависали рваные тучи. Воровато, из-за поднятого воротника Капчук оглянулся. Сзади широким шагом шли двое, по виду рабочие, один — с кошелкой. На всякий случай Капчук поудобнее взялся за револьвер. В тот же миг с двух сторон его локти сильно сжали, и крепкая рука легла на ладонь Капчука, державшую оружие. Невесть откуда вывернулся новенький «Москвич», остановился рядом.

Показания о своей преступной деятельности и о сообщниках Капчук решил не давать.

— Исповедоваться не буду, — твердо сказал он.

Начался своеобразный поединок между следователем и преступником. Кашкин допрашивал Капчука ежедневно, проводил очные ставки, опознания. Для изобличения использовались показания Муляева, Салимовой, Пороха, Кузина, многочисленных свидетелей.

Вскоре из Главного Управления милиции МВД СССР пришло заключение по баллистической экспертизе. В нем говорилось, что пули, которыми были убиты Колокольцева, Пуганова, Маслов, Холодков, Тараканов и Иванов, были выстрелены из револьвера, изъятого при аресте Капчука.

Весьма ценными для полноты проведения расследования явились дактилоскопические карты и копия приговора Военного трибунала об осуждении Капчука в 1944 году за дезертирство из Советской Армии, присланные из города Горького.

В конце концов бандит убедился, что собранные следствием улики ему не опровергнуть. На допросах он нервничал, лицо его покрывалось красными пятнами.

Капчук до ареста скрывался у Прикладникова. Обиду

на него пришлось «забыть», главное, что ни Муляева, ни Салимова и никто другой Прикладникова не знали.

Оказавшись в тюрьме, Капчук во время прогулки передал одному из заключенных, имевшему разрешение на свидание с женой, записку для передачи «на волю» — Прикладникову. В ней он писал, что обещание свое выполнит и «тянуть» за собой никого не будет. Записка до адресата не дошла. Перед свиданием с женой заключенный был обыскан, и бумажку Капчука изъяли. В тот же день Прикладников был арестован.

Вину свою Прикладников отрицал, смотрел куда-то в сторону, будто вопросы его не касаются. Потом взрывался, закатывал истерику, ругался, кричал, что он туберкулезник и жизнь ему надоела, бил себя в грудь. Кашкина поведение преступника не удивило: грабители крайне редко сразу признают себя виновными. Перелом в поведении Прикладникова начался после очной ставки с Капчуком.

В ходе следствия было установлено, что Капчук один, а также в паре с Муляевым либо Прикладниковым, совершил разбойные нападения кроме уже упомянутых на квартиры И. М. Лермана, Н. Н. Соловьева, В. А. Шишковой. Были данные, что Капчук и его соообщники совершили еще по меньшей мере четыре разбойных нападения, но установить потерпевших и возвратить им захваченные налетчиками вещи не удалось. К сожалению, порой бывает, что потерпевшие не сообщают по каким-то причинам в милицию о совершенных против них преступлениях.

Областной суд под председательством М. С. Аношина, учитывая, что разбойные налеты совершались Капчуком и Прикладниковым систематически, носили дерзкий и циничный характер и сопровождалась в ряде случаев убийствами граждан, а также принимая во внимание, что бандиты не занимались общественно полезным трудом, а Капчук уже имел две судимости, приговорил каждого из них к двадцати пяти годам лишения свободы. К разным срокам лишения свободы были приговорены Дмитрий и Зинаида Муляевы, Салимова, скупщики краденого.

Обвинение в судебном процессе поддерживал прокурор И. И. Аврус. По его ходатайству суд вынес частное определение, в котором отмечалось высококвалифицированное проведение следствия и ставился вопрос о поощрении следователя Ивана Трофимовича Кашкина. Мини-

стерство внутренних дел СССР наградило И. Т. Кашкина золотыми именными часами. Другие работники, отличившиеся при ликвидации банды Капчука, были поощрены начальником Управления внутренних дел по Саратовской области. Григорию Георгиевичу Проничкину вручили отрез на костюм и объявили благодарность.

В конце 1947 года принесшие немалый вред слухи об уголовных бандах, именующих себя «Черной кошкой», постепенно пошли на убыль, а затем и вовсе прекратились. Ликвидация банды Капчука совпала в Саратове, пожалуй, с последними всплесками этих слухов.



А. ВОЛЬФ

ЛЕТЕЛИ ЖУРАВЛИ...

1

Днепр был рядом. Солдаты саперного батальона, отдыхавшие в сосновом бору, не видели реки, но чувствовали ее осеннюю свежесть, даже различали редкие тихие всплески. Весь день, ко-

гда они готовили переправу, сооружали паром, над Днепром гремело: носились в яростной схватке истребители, тяжко ухали дальнобойные орудия, стоявшие где-то за прибрежными рощами и увалами, то слева, то справа рвались авиационные бомбы — от их ударов глыбами осыпался обрывистый песчаный берег и дрожали, словно в бурю, тонкие голенастые сосны. А сейчас, перед вечером, неожиданно наступила тишина. Где-то далеко еще гремело, однако этот неясный грохот, напоминавший ворчание затухающей грозы, лишь подчеркивал покой, воцарившийся здесь, в сосновом бору и над рекой.

Было уже начало октября, но клонившееся к горизонту солнце светило по-летнему ярко, его прямые лучи, пронизывавшие чистый бор, расцветчивали багрянцем янтарные стволы молодых сосен. Пахло разогретой хвоей.

Один из солдат, уже немолодой, каких немало в саперных частях, сказал с легким вздохом, мечтательно:

— И у нас на Волге в эту пору хорошо. Даже красивше. У нас, ребята, леса веселые: ясени, березы, клен, вязы... И каждое теперича своим цветом горит. Прямо сказать, радуга, ей-бог. А уж воздух-то! Листом прелым, грибами пахнет... — Солдат покачал головой и грустно улыбнулся, обнажив шербинку. — Хоть бы на часок домой!

— Каждому, паря, свое, — сказал помкомвзвода старший сержант Чихарев, неторопливо протиравший затвор винтовки. — Тебе вот Волга снится, а по мне так лучше сибирской тайги ничего нету. Потому как я охотник, и

вообще... Каждому, паря, свое! — Чихарев поставил за-твор на место, лязгнул им. Помолчав, жестко добавил: — Дома, братцы, хорошо, да только не о доме нам думать теперь. Завтра Днепр форсировать. И на тот берег нам первыми идти. Первыми! Одолеем фашиста на Днепре — дале быстрее пойдем. И тебе, Федотыч, и мне дорога к дому одна — через Берлин.

— Понимаю, Николай Васильевич, как не понимать,— ответил солдат.— Да ведь сердцу-то не прикажешь. Тоскует сердце по дому-то!

— Тоска, Федотыч, солдату не подмога. Солдату, паря, ненависть требуется. Такая ненависть к врагу, чтобы и себе пощады не давал...

Неподалеку от солдат, прислонившись спиной к гладкому стволу сосны и прислушиваясь к негромкому разговору, сидел командир роты капитан Астахов. На коленях его лежал раскрытый альбом для рисования. Астахов не был профессиональным художником, но с альбомом не расставался и на фронте. Он не мог не рисовать. А рисовал капитан только своих солдат. И чаще всего в такой вот обстановке, на отдыхе. Не только по той причине, что в других условиях, когда саперы выполняют боевую задачу, рисовать трудно. Ему надо было видеть лицо, глаза солдата в минуты раздумья, когда он слушает товарища или что-то рассказывает, делится сокровенным.

Сколько портретов в альбоме капитана Астахова, столько и характеров. Вот в этом сумрачном мужественном лице с глубокими, горькими складками у рта свинцовая усталость и боль. Прочитал боец письмо из дома — держит листок в руке — и задумался, весь ушел в себя, глаза застилают слезы. А этот вот парнишка весел. Глаза хитрющие, бесовские. Сразу видать, отчаянная головушка, и смерть ему не смерть... Третий сосредоточен и напряжен даже в минуту отдыха. На коленях котелок с похлебкой, в руке кусок хлеба, а строгий взгляд устремлен куда-то вдаль, брови настороженно приподнялись. Словно близкую опасность почуствовал солдат...

Но вот этот портрет, портрет старшего сержанта Чихарева, над которым он работает сейчас, никак не удалется Астахову. Жесткие черты скуластого грубоватого лица, спокойный твердый взгляд небольших глаз, затененных сильными надбровными дугами, резкие и тяжелые складки на лбу — все его, Чихарева. Но художник чувствует: не схватил что-то важное, без чего нет харак-

тера, души Чихарева, а остается лишь внешнее сходство.

Астахов всматривается то в рисунок, то в Чихарева, который сидит напротив, обхватив руками колени. Чего же все-таки не хватает портрету, что не удалось передать? Ведь он, капитан Астахов, хорошо знает Чихарева, всю войну, с сорок первого, рядом. И биография старшего сержанта ему известна, как своя собственная...

Родом Николай Чихарев из Сибири, с Ишима. Рос в сиротстве, с детских лет батрачил. Шестнадцатилетним парнишкой стал лесорубом, охотником. Таежный характер сильно проявляется в нем. Немногословен, неулыбчив, выносливости и терпения на троих. Сила лесоруба сочетается в нем с хваткой, хитростью охотника. А еще Чихарев способен удивить дерзкой отвагой и удалью.

В роте он самый опытный. До войны девять лет служил во внутренних войсках НКВД. На фронт ушел добровольцем. Узнав, что городской комитет партии отбирает коммунистов в инженерную бригаду особого назначения (было это в Краснодаре), подал рапорт начальнику Управления: «Учитывая мою специальную подготовку, прошу направить в формируемую часть особого назначения. Клянусь, что чести коммуниста-чекиста в боях не уроню».

Солдаты частей особого назначения отходят последними. Пропустив своих, взрывают мост, минируют берега рек, дороги, строят минные поля на танкоопасных направлениях. Когда советские части отступали к Ростову, а затем в горы Кавказа, Чихарев со своим отделением поставил более двух тысяч мин. Сколько раз работали под огнем, на глазах у врага! Одни отбивались от наседавших фашистов, а другие закладывали взрывчатку в опоры моста или устанавливали мины в узком горном проходе...

Под Майкопом группу минеров отрезали танки. Отрезали прежде, чем они успели взорвать мост. Старшим группы был Чихарев. Капитан Астахов тогда решил, что группа погибла, что больше ему не увидеть сурового старшего сержанта, которого он успел полюбить всей душой. Но на другой день, когда бригада вошла в станицу Белореченскую, неожиданно объявился Чихарев. Влетел в станицу на немецкой пароконной упряжке...

Было же тогда разговоров в бригаде!

...Немецкие танки выскочили к мосту в тот момент, когда Чихарев со своими солдатами находился от него все-

го в сотне метров. К счастью, фашисты не заметили саперов, их прикрывал прибрежный камыш. Танки за речку не пошли, остановились перед мостом. Видимо, побоялись наскочить на мины.

Какое решение в этой обстановке мог принять Чихарев? Кажется, оставалось одно: отойти камышами подальше от моста, дождаться темноты, благо, уже приближался вечер, переплыть речку и догнать своих. Но принять такое решение — значит отказаться от выполнения задачи, поставленной перед группой, отдать мост немцам, позволить им беспрепятственно форсировать водную преграду. Чихарев поступил иначе. Группа отошла подальше от моста, залегла на высотке, поросшей кустарником: оттуда хорошо были видны и мост, и село, стоявшие неподалеку, на открытом взгорье.

Скоро на дороге показались немецкие повозки с солдатами, втянулись в село. Дальше они не пошли, остановились на пустынной площади возле разбитой церкви. Село наполовину сгорело, наполовину было превращено в развалины. Никаких признаков жизни. Солдаты, держа оружие наготове, обошли черные руины и вернулись к повозкам.

В это время уже начало темнеть, и танкисты развели костры. Должно быть, у реки их одолевали комары. К кострам группами потянулись пехотинцы. Чихарев приметил: винтовки и автоматы оставили на повозках, стоявших кучкой. Возле повозок, держа руки на автомате, прохаживался часовой. Чихарев неторопливо огляделся и, тронув за плечо солдата, лежавшего рядом, кивком головы показал в сторону хутора, белевшего возле рощи, в стороне от села.

— Перевалов, двигай на хутор, разведай у жителей, где брод. Где-то выше должен быть...

— Понял, товарищ старший сержант!

Солдат бесшумно отполз с гребня высоты, скрылся.

— Павличенко! — негромко позвал Чихарев.

— Слухаю, товарищ командир, — послушался в ответ хриплый голос. Кусты раздвинулись, и показалась черная, наголо остриженная голова Павличенко.

— Надо к повозкам подобраться, Микола. Считаю, что лучше с той стороны, кукурузным полем... Сообщишь?

— А як же! — Павличенко, оглядывая село, прищурил колющие глаза-щелки, потрогал большим пальцем

черный ус.— Только бы не заметили, паскуды, як буду через вулицу...

— А ты за повозки! За повозками затаись. Свалишь часового, как сигнал фонариком подам. Гляди правее моста... Соображаешь?

— Розумню, командир, розумню! — с достоинством ответил солдат. — Дозвольте исполнять?

— Действуй! Как сигнал подам, глуши фашиста и гони упряжку к мосту. Во весь опор!

На этого немолодого солдата, с виду тихого и мешковатого, Чихарев надеялся, как на себя. Сказать, что Павличенко исполнительный, старательный боец, значит ничего не сказать о нем. Этот вчерашний деревенский плотник воевал с таким чувством ответственности, словно только от него, Миколы Павличенко, зависело, выполнит или нет рота боевую задачу. Оставалось лишь удивляться тому, с какой быстротой этот уже далеко не молодой и не очень грамотный солдат постигает сложное искусство сапера. Не только наши мины, но и немецкие, всех систем, он знал отлично. И любой «сюрприз» способен был разгадать, обнаружить мину, как бы хитро ни была замаскирована. Вместе со сноровкой и сообразительностью Павличенко обладал и надюжинной физической силой. Так что Чихарев мог быть уверен: Микола свое сделает.

Еще не стемнело, когда вернулся солдат Перевалов, посланный на хутор.

— Порядок, товарищ старший сержант. Брод возле тех осокорей. Сразу за ними. Камни на берегу...

— Лично проверил?

— Так точно!

Выждав полчаса, когда совсем стемнело, Чихарев повел группу к мосту. Шли берегом на слабые огни костров — их блики играли на быстрой воде, светились на башнях и стволах танков, стоявших в линию, близко один к другому. Моста в неверном свете костров не было видно, но гитлеровцы находились от него не далее, чем в пятидесяти метрах. Поэтому солдаты двигались осторожно, прикрываясь камышом, но в камыш не входили, чтобы не нарушить тишину ни шуршаньем, ни всплесками воды.

Когда в темноте обозначились светлые железобетонные опоры моста, Чихарев остановил группу. Солдаты залегли, приготовились к бою, а командир с двумя саперами, взвалив на спины ящики с взрывчаткой, сгибаясь под их тяжестью, пошли вперед.

Фашисты были рядом, долетали их голоса. Кто-то стучал железякой, должно быть, ремонтировали танк. Потом послышались звуки губной гармошки. Чихарев, держась за жесткие кустики, росшие по крутому откосу, спустился к воде. Водой вплотную подобрался к опоре. За ним без единого всплеска придвинулись солдаты. Под мостом было темно, отсвет костров падал лишь на воду, шумно струившуюся меж опор, но Чихарев разглядел и тяжелые круглые опоры, и лежавшие на них железобетонные плиты. Прикинул: на две опоры взрывчатки не хватит, слишком мощные, если же подорвать одну — мост устоит. Значит, надо подниматься наверх, а чтобы разворотить мост как следует — заложить взрывчатку ближе к середине...

Прижавшись всем телом к земле, замирая при каждом звуке, он поднялся по откосу наверх и вполз на мост. Тихо. Стучать перестали. И голосов не стало слышно, только долетали звуки гармошки. Чихарев спокойно подумал: «Переменился ветер, это плохо...» Чуть приподнял голову, оглянулся и пополз. Солдаты — за ним...

Вместе со взрывчаткой заложили мину натяжного действия. Когда это было сделано, Чихарев голосом подал сигнал отходить. А сам прикрепил к взрывателю мины шнур и, разматывая клубок, начал отползать.

На берегу, когда шнур кончился, подал сигнал группе: «Отходить!» Затем, достав электрический фонарик, трижды с равными паузами нажал на кнопку. Сейчас Павличенко уберет часового, захватит упряжку и погонит ее к мосту.

Прошло две-три минуты, и Чихарев, припавший головой к земле, различил топот копыт. Он резко рванул шнур. В ту же секунду раздался грохот, высоко в небо взметнулось багровое пламя, осветив и берег с танками, и разбитое село, и наших солдат, бежавших навстречу бешено мчавшейся пароконной упряжке. Чихарев даже разглядел Павличенко, стоявшего в повозке во весь рост и крутившего над головой вожжи.

Сейчас, когда все было сделано, Чихарев не спешил. Поглядел в сторону моста и зашагал берегом. Зачем бежать? Танки их не догонят, мост разворочен, на конях тоже не настигнут: пока гитлеровцы добегут до села, где оставили повозки, саперы уже будут далеко.

За этот мост Чихарева наградили медалью «За отвагу».

Да разве вспомнить все, что он совершил за годы войны! Когда отступали — взрывали мосты, водонапорные башни, важные оборонные объекты, минировали дороги, ставили минные заграждения. А потом, когда наши войска погнали фашистов на запад, Чихарев со своим взводом наводил переправы через реки, пробивал дороги в минных полях, обезвреживал мины в населенных пунктах. А сколько раз он ходил с разведчиками в тыл противника! Разведчики, хорошо знавшие Чихарева, просили Астахова:

— Дайте нам сибиряка, Николая. Надежно работает мужик!

Чихарев первым подбирался к переднему краю противника, обезвреживал мины, резал проволоку, пропускал разведчиков через заграждения. И шел с ними в глубину расположения врага. Почему он не возвращался, сделав свое дело? А вдруг разведчикам придется возвращаться другой дорогой? Ведь опять впереди минное поле...

Трижды рота обеспечивала переход через линию фронта особых разведывательных групп. С этими разведчиками, выполнявшими задание Главного командования, капитан Астахов шел сам. И все три раза брал с собой старшего сержанта Чихарева. Кто еще так владеет мастерством «разминера»?

Теперь на счету Чихарева уже пять тысяч обезвреженных мин. Это и сказать непросто — пять тысяч мин! А ведь каждая мина, каждая, — смертельный риск. Сколько он обезвредил вражеских мин, столько раз рисковал жизнью...

Астахов, оторвавшись от альбома, останавливает взгляд на руках Чихарева — они теперь спокойно лежат на коленях. Тяжелые, широкие руки крестьянина, лесоруба и сапера, натруженные, с бугристыми жилами. И такие чуткие, точные, когда под их заглубившимися, с обломанными ногтями пальцами — взрыватель мины...

Взглянув на руки Чихарева, Астахов опять переводит взгляд на его лицо. Что же все-таки недостает портрету? Опытный художник, он уже в который раз возвращается к нему и снова, снова остается неудовлетворенным...

Капитан Астахов всматривается в Чихарева, а тот, медленно подняв голову, глядит в небо, устало щурит глаза с набрякшими веками. Ни к кому не обращаясь, говорит задумчиво:

— Журавли летят. Из наших краев, однако. Как раз в эту пору журавли с Ишима улетают...

— Журавушки! — радостно восклицает, запрокинув голову, молоденький солдат, что сидит напротив Чихарева. — Курлычут, слышите? Это они нам привет передают. Может, и над моей деревней пролетали...

Журавлиный клин уже отчетливо виден в чистом, розовом от заката небе. Курлыканье становится громче, а взмахи крыльев реже, слабее: стая начинает снижаться.

Солдаты зачарованно глядят на журавлей. Кажется, они не летят, а плывут в этом прозрачном розовом воздухе, так медленны и величественны движения их уставших крыльев. Сейчас они опустятся у тихой реки, отдохнут...

Но только журавли приблизились к Днепру, как с той стороны по ним ударили пулеметы. Оранжевые очереди трассирующих пуль неслись рядом, но птицы, не чувствовавшие опасности, продолжали медленно снижаться.

— Гады проклятые, звери! — гневно воскликнул молоденький солдат и вскинул сжатые кулаки, грозя немцам. — Звери!

— Не обижай зверя, Саня, — зверь на такое не способен, — тихо проговорил Чихарев, не отрывавший взгляда от журавлей, которые продолжали лететь среди остро мельтешивших пуль. В костистом, жестком лице Чихарева сейчас было смятение, его пальцы так вцепились в колени, что побелели. Не выдержав, он крикнул, словно птицы могли его услышать: — Приземляйтесь же, падайте!

В ту же минуту очередь пуль хлестнула по самому острию журавлиного клина. Вожак, перевернувшись, камнем полетел к земле. Стая смешалась, закружилась, испуганно закричала. А фашисты продолжали бить. Птицы одна за другой падали, в золотистом воздухе кружились перья.

Чихарев схватился рукой за горло, громко сглотнул. Потом напряженно повернул голову в сторону немцев, откуда неслись яростные пулеметные очереди.

— Заплатите, сволочи, и за них. За все заплатите, будьте вы прокляты!

Голос его дрожал от гнева, от ненависти, а в глазах стояли слезы.

Капитан Астахов, позабыв о журавлях, изумленно смотрел на Чихарева. Не отрывая взгляда от его лица, — таким он видел его впервые, — торопливо, боясь потерять

то единственное, что наконец-то открылось ему, наносил новые штрихи.

Всего лишь несколько штрихов, а лицо стало другим. Исчезла суровая, холодная жесткость. Под рукою художника рождался портрет сильного, властного, но доброго, очень доброго и уставшего человека, много повидавшего горя, с болью в сердце...

2

Через Днепр пошли ночью. Когда спускали лодки на воду, было тихо. Бой шел ниже по реке, где острова, там часто били орудия, легкий туман, поднимавшийся от реки, прошивали пулеметные очереди. Правее наносила удар вражеская авиация — сквозь грохот разрывов прорывался вой пикирующих бомбардировщиков. В небе горели, медленно и косо опускаясь к земле, осветительные бомбы. Их сумрачный желтый свет доставал и берега, где работал со своими солдатами Чихарев. Лодку, спущенную на воду, сильно качало, и Чихарев подумал: «Ветра нет, а волна крепкая. Здорово бомбят...»

Когда командир ставил перед его группой боевую задачу, и потом, когда ждали сигнала, он сильно волновался. Им ведь первыми идти через Днепр! Первыми! От них зависит, будет или нет работать паром, построенный для переброски артиллерии. Теперь же, когда начали работать, волнение улеглось. Оглядывая взбудораженный в отсветах взрывов Днепр и смутно чернеющий правый берег реки, он спокойно размышлял: «Сосредоточение бригады фашисты не обнаружили, коль бьют не по ним. Но за нашим участком берега, понятное дело, следят. Только бы раньше времени не засекали лодки. Если до середины Днепра дойдем незамеченными, там уж доберемся. Лишь бы за берег зацепиться — не столкнут...»

Солдаты закрепили на корме лодки трос паррома. Чихарев проверил: прочно!

Этот трос группа должна перебросить на правый берег. Стальной трос тяжел, саперы потянут его двумя лодками, так быстрее, да и надежнее: разобьют одну лодку, дойдет до берега вторая. Это Чихарев придумал состыковывать две лодки, чтобы обе, идя гуськом, тянули канат.

Вот уже и вторая лодка, прошуршав днищем о песок, вошла в воду. Чихарев мгновенно прыгнул в нее, толчком

весла пригнал кормой к носу лодки, качавшейся на волне. Зацепив канат за крюк, крикнул:

— Пошел, ребята!

На веслах ведущей лодки Микола Павличенко, тот самый, который под Майкопом забрал у фашистов пароконную упряжку. Из всей группы, действовавшей там, к Днепру пришли только трое: Чихарев, Павличенко да молоденький солдат Александр Перевалов, впрочем, теперь уже совсем не молоденький, хотя с той поры прошло немногим больше года... Вон он сидит на корме с ручным пулеметом Дегтярева на коленях, смотрит в сторону противника. Лицо, изувеченное багровым шрамом, угрюмо: Перевалов только два дня назад получил извещение о гибели отца — скончался от ран в госпитале. А раньше, когда освободили Новочеркасск, ему сообщили о гибели матери и обеих сестренек. Вражеский снаряд угодил в погреб, где они скрывались... Другим стал с той поры Сания Перевалов, теперь уже сержант, удостоенный медали «За отвагу» и ордена Красной Звезды. Когда задача особенно трудная, когда требуются самые надежные, сильные бойцы, Чихарев всегда выбирает этих двоих — Павличенко и Перевалова.

Справа висят, медленно плывя к земле, осветительные бомбы. Отблеск их падает рядом, скользит по гребням волн. А слева взлетают, дугой изгибаются над Днепром белые ракеты. Это просто чудо, что противник до сих пор не обнаружил лодки. А они уже на самой середине Днепра...

— Гребни ближе к острову, островом прикрывайся! — крикнул Чихарев.

И в эту секунду, как только он подал команду, рядом ухнул взрыв, лодки кинуло в сторону и вверх, захлестнуло водой. Сразу за первым разрывом обрушился адский огонь. Фашисты били из орудий и минометов; низко, пронзая гребни волн, неслись трассы пулеметных очередей.

Тотчас, прикрывая десант, открыла огонь и наша артиллерия. На правом берегу взметнулись разрывы.

— Вперед! Вперед! — твердым голосом командует Чихарев. Он вцепился в борта лодки, летающей вверх и вниз, и всматривается в берег, сверкающий вспышками орудийных выстрелов и разрывов снарядов. Отрывается лишь на миг, чтобы глянуть на лодку, идущую следом, — цела ли?

— Работай, ребята, работай!

Лодку в нескольких местах пробило осколками снарядов и мин, заливают водой. Двое солдат, стоя на коленях, ведрами вычерпывают воду. Перевалов перебрался к Павличенко. Работают на веслах вдвоем. Плечи их слились, взмахи весел сильные и ровные, словно работает один человек, а не двое.

Вторую лодку тоже изрешетило осколками и пулями, она быстро наполняется водой, оседает.

— Работай, работай! — жестко командует Чихарев.

Сейчас спасение только в одном — быстрее к берегу, вырваться из огня.

До берега оставалось не более ста метров, когда перевернулась вторая лодка, державшая трос.

— Стой! — крикнул в смятении Чихарев и прыгнул в воду.

Нужно было действовать мгновенно, не дать лодке с тяжелым тросом, который натянулся за ней, уйти на дно и потащить за собой другую, ведущую.

— Трос! Трос держать! — крикнул Чихарев солдатам, барахтавшимся в воде, а сам вцепился в корму лодки, чтобы отцепить трос.

Кто-то из солдат уже подставил под трос плечо, подхватили его и другие. На той стороне не видели, что лодка перевернулась, продолжали раскручивать стальной трос с «катушки». Опускаясь, он своей тяжестью тянул солдат вниз. Они с трудом держались на воде, шумно дыша и захлебываясь.

К корме лодки трос был прикреплен канатом. Канат намок, узел не поддавался.

— Нож! Быстро! — крикнул Чихарев, не выпуская мокрый канат из рук, дрожавших от напряжения.

Один из солдат рванулся к командиру, поднял над головой саперный нож, блеснувший в свете ракет. Чихарев протянул навстречу свободную руку, но схватить нож не успел: солдат, сраженный осколком снаряда или пулей, скрылся под водой.

— Нож! — снова крикнул Чихарев.

— Есть, командир!

Рядом был солдат Усманов.

Когда готовились к форсированию Днепра, строили паром, узбек горько пошутил: через горы Усманов пройдет, через пустыни Усманов пройдет, а на воде Усманов — топорик. Топориком на дно пойдет...

Нет, и на воде солдат Усманов не сплеховал. Вынырнул из-под лодки, трос помог удержать и вот спасительный нож подал...

Канат толстый, крепкий, сразу не перерезать. Чихарев напрягает все силы, даже скулы заломило от напряжения, но действует спокойно, не замечая пуль и осколков снарядов, свистящих и шлепающих рядом. Наконец острый нож скользнул по железному крюку, державшему трос, и канат лопнул.

— Крепи! Павличенко!

Сержант Павличенко одним рывком весел подогнал свою лодку, подхватил конец каната, который протянул ему Чихарев, несколькими ловкими движениями крепко прикрутил к корме.

— Вперед! — подал команду Чихарев.

Одни солдаты вскочили в лодку, другие поплыли рядом, помогая тянуть трос.

Еще минута, и глубоко осевшая лодка коснулась песчаного дна, закрипела. Чихарев первым прыгнул в лодку, выскочил на отлогий берег и, упав в редкие кусты, подал своим сигнал двумя красными ракетами.

Наша артиллерия тотчас перенесла огонь в глубину вражеской обороны, откуда продолжали бить тяжелые гаубицы.

Берег, освещаемый вспышками орудийных выстрелов и ракетами, казался мертвым. Редкие деревья были либо повалены взрывами, либо иссечены осколками, расщеплены. Повыше, метрах в десяти, торчал голый ствол старой сосны — верхушку ее срезало прямым попаданием снаряда.

Увидев, что ствол достаточно крепок, Чихарев приказал Павличенко крепить трос, а сам с сержантом Переваловым и тремя солдатами кинулся вперед к пустой, наполовину осыпавшейся траншее, проходившей по гребню невысокого голого холма. Только прыгнули в траншею, над холмом пронеслись пули. Ударил пулемет, скрытый на высоте, черневшей слева. И сразу впереди и справа лихорадочно задрожали всплески огня автоматов, малиновые веера трасс скользнули и по траншее на холме, и по берегу, где работал со своими солдатами сержант Павличенко.

Перевалов, уже успевший установить «Дегтярева», открыл огонь по вражескому пулемету, скрытому в кустах на высоте. Однако тот продолжал хлестать длин-

ными очередями, бурая песок вокруг траншеи, не давая поднять головы.

Чихарев, прикрываясь бруствером, местами уцелевшим, глянул по сторонам. Присмотрелся к неглубокой ложбинке. Она вела к высоте, откуда бил пулемет, огибала его. Чихарев отцепил от пояса гранату и выбрался из траншеи, отполз на десяток метров назад к берегу. Прицелившись, одним рывком проскочил к ложбине. На минуту затаился и пополз все быстрее, быстрее, упираясь в песок локтями и коленями. Чтобы задавить вражеский пулемет наверняка, подобрался к вышке вплотную, настолько, что пламя пулемета ослепляло. Перевел частое, захлебывающееся дыхание, приподнялся и швырнул гранату. Кинул и упал на дно ложбинки, вжался в песок, чтобы не сразили осколки гранаты.

Пулемет замолчал. Перевалов сразу же перенес огонь «Дегтярева» левее, где яростно метались вспышки автоматных очередей. «Молодчага!» — мысленно похвалил Чихарев и, уперевшись кулаками в песок, рванулся вперед, упал на гребень вышки, в хрупкие кусты. Опрокинутый пулемет был рядом, из-за камней, служивших укрытием, торчали, поблескивая, его стальные сошки. Чихарев поставил пулемет на место, развернул ствол в сторону немцев и, смахнув с лица пот, заливавший глаза, открыл огонь.

Один за другим на вышку проскочили солдаты, закреплявшие трос паромы. Павличенко и Усманов заняли позицию рядом с Переваловым, в траншее.

Гитлеровцы словно ждали, когда горстка советских солдат приготовится к бою. Сосредоточившись в балке, которая проходила метрах в трехстах от берега, ринулись в атаку. Они не бежали, нет, пошли ровной цепью, выбрасывая тонкие строчки автоматных очередей. Побежали, когда до высоты осталось не более сотни метров.

Но и Чихарев не спешил. Открыл огонь только в ту секунду, когда фашисты, дико крича, рванулись к высоте. Пулеметные очереди сломали цепь, одни залегли, другие, подгоняемые командами офицеров, продолжали бегать, беспорядочно, вслепую, а Чихарев и Перевалов резали их из пулеметов прицельно, укладывая одного за другим.

Гитлеровцев отбросили, но сразу же последовала вторая атака, еще более яростная. На этот раз гитлеровцы ударили с трех сторон — слева, справа, в лоб. Они ворвались на вышку. Пошла рукопашная. Могучий Чихарев,

работая пулеметом, как дубиной, свалил троих. А тут подоспели наши пехотинцы. Десантники с криком «ура» влетели на высоту, мощным ударом опрокинули, отбросили фашистов.

Чихарев со своими саперами — а их и половины не уцелело — поспешил к переправе. Паром уже действовал, шел через Днепр с первыми противотанковыми орудиями. Но когда он приблизился к берегу, вражеский снаряд перебил трос. Перебил на самой середине реки.

Саперы вскочили в лодку.

— Налегай на весла! — вскричал Чихарев. — Быстрее!

Работая под сильным обстрелом (лодка прыгала от взрывов снарядов и мин, как в бешеный шторм), солдаты подняли трос со дна реки и соединили его. Паром продолжал работать, перебрасывая людей и технику.

Наши части, сосредоточившись на отвоеванном у врага плацдарме, начали наступление. С ними пошли и солдаты инженерной бригады особого назначения. А если говорить точно — пошли, как всегда, впереди наступающих войск. Чихарев со своей группой обезвреживал мины, открывал дорогу танкистам и стрелкам через минные поля.

За мужество и героизм, проявленные при форсировании Днепра, старший сержант Николай Васильевич Чихарев был удостоен высшей награды Родины — звания Героя Советского Союза. Чихарев продолжал воевать. Как и раньше, выполнял самые трудные и ответственные задания, требовавшие и особого мастерства, и выдержки, и отваги. Как и прежде, ему неизменно сопутствовала удача. За Днепром он разминировал еще две тысячи мин. И теперь на его счету их было уже более шести тысяч.

Сапер, как известно, ошибается только раз в жизни. Ошибка — смерть. Однако Чихарев работал без страха. Он был уверен в своем мастерстве, знал, что не ошибется.

И в ту холодную январскую ночь 1944 года, когда с ним произошло непоправимое, когда лишь чудом остался в живых, ошибки не было. Несчастье случилось не по его вине...

Чихарев шел с группой армейских разведчиков, ему было приказано провести их через минное поле и вернуться назад.

Ночь выдалась темная, ветер хлестал в лицо мелким

колючим снегом. Ничто не предвещало опасности: лишь изредка постукивали дежурные пулеметы да кое-где взлетали ракеты, освещая «нейтралку». Минное поле было уже рядом, и Чихарев голосом подал сигнал разведчикам остановиться, залечь. Теперь он полз один, осторожно ощупывая железным стержнем землю, слегка припорошенную снегом, схватившуюся коркой.

Когда вспыхивали в снежной мгле ракеты, Чихарев различал траншеи, идущие по открытому взгорью. Немцы его не обнаружат, он в белом маскхалате, слился со снегом, да и ветер дует со стороны противника. Можно работать спокойно. Чихарев полз неторопливо, локтем правой руки упирался в жесткую наледь, а левой, в которой зажат острый щуп, трогал землю. Трогал и зорко оглядывал. Снег везде лежал ровно, лишь впереди чернел крутой холм — снег с него сдуло. Чихарев размышлял: «На холме мин нету, фашисты понимают, что разведчики через холм не пойдут, а вот ложбину рядом они нашпиговали...»

Он держался ближе к холму, прощупывал землю по краю ложбины. Чувствовал: мины рядом. Земля не тронута, щуп скользит по льдистой корке, а чутье сапера подсказывало: рядом. И вот привыкшие к темноте глаза приметили комок черной земли. «Здесь работали...» Еще полметра, и щуп ткнулся в мягкий грунт. «Вот она!...» Чихарев замер и, вытягивая руку до предела, медленно ввел тонкий щуп в рыхлую землю, прикрытую снегом. Послышался слабый, едва уловимый скрежет металла. «Похоже, что «Шпрингер», прыгающая... Не задержусь...»

Мысль оборвал ослепительный взрыв — слева, обдав горячим тротилowym смрадом, разорвался шальной снаряд. И в то же мгновение рванула, ослепив, мина — сдетонировала от взрыва снаряда...

Чихарев пришел в сознание в нашей траншее, куда притащили его разведчики. Ранение оказалось тяжелым: оторвало пальцы левой руки, два осколка в плече. Но еще сильнее страдал он от контузии. Мучили нестерпимые головные боли. Первые дни совсем не видел, одни огненные пятна в глазах, долго не возвращался слух.

Но могучий организм, воля взяли свое. Через месяц Чихарев, преодолевая мучительную боль в позвоночнике и головокружение, поднялся. Стал учиться ходить, держась обеими руками за стену...

Домой, в Краснодар, он вернулся инвалидом второй группы. Пенсию ему назначили персональную, союзного значения, на жизнь хватит. Но как человеку в тридцать пять лет жить без работы? В краевом Управлении МГБ Чихарева встретили сердечно, но сказали со всей определенностью:

— Можем предложить только хозяйственную работу. В порядке исключения... Сами знаете, инвалидов в органы не принимают.

На хозяйственной работе он не продержался и полгода, хотя с обязанностями своими справлялся успешно и мог жить припеваючи.

Пришел Герой Советского Союза Чихарев к своему начальнику и положил на стол рапорт.

— Прошу направить в школу милиции. Считаю, что в милиции принесу больше пользы, чем в интендантах. Не по мне эта работа, не могу, товарищ полковник.

— Понимаю я тебя, Николай Васильевич, понимаю, дорогой товарищ. Но рука... Вторая группа инвалидности! Не примут тебя в училище.

— А что рука? Не правая ведь, а левая... Да и одной, козь потребуется, слажу. А кроме рук в милиции еще и голова нужна. Вроде она на месте...

Полковник помолчал, раздумывая.

— А возраст, Николай Васильевич? Тебе тридцать пять...

— Да, возраст!.. — Чихарев сокрушенно вздохнул. — В мои годы начинать курсантом! В школе-то мальчишки... Ничего, терплю. А принять — примут. Вы только резолюцию наложите. А я — добьюсь.

И поехал Николай Васильевич Чихарев в Саратов сдавать экзамены в школу милиции.

Недавно, на встрече с курсантами этой школы, он так объяснил свое решение пойти в милицию:

— Вы видели фильм «Место встречи изменить нельзя»? Очень хорошо там показана обстановка первого года после войны. Случаи бандитских нападений участились. И у нас в Краснодаре разные «Черные кошки» объявились. Грабежи, убийства. И еще эта мразь — жулье, хапуги. На беде людей, на трудностях наживались. Одни впроголодь, а другие в три горла жрут... Вот я и решил пойти работать в милицию. Понимаете, такое пережил народ, ради свободы, справедливости миллионы жизней отданы, а эти паразиты... Одним словом, пошел

я в милицию. И не пожалел, ребята, что пошел, ни разу. От души говорю!

Николай Васильевич окончил школу с отличием, ему присвоили звание лейтенанта, но на работу в уголовный розыск, куда он стремился, не взяли. Инвалид второй группы! Направили инспектором паспортного стола Заводского райотдела милиции Саратова. Он понимал важность и ответственность порученной работы. Но что делаешь с собой, если рожден для другого дела? Стал добиваться, чтобы направили в уголовный розыск. В отделе кадров отказали:

— Не можем. Начальство не утвердит. Инвалида второй группы направляют в УГРО...

— Летчик Маресьев без ног летал! На истребителе! — пытался убедить Чихарев.

— Тогда война была, дорогой товарищ. Теперь Маресьев не летает... — Начальник отдела кадров сочувственно посмотрел в хмурое, жесткое лицо Чихарева. — А если участковым? А? Работа не менее сложная и ответственная, чем в УГРО. Если, конечно, правильно понимать должность... Идете участковым?

— Иду! — сразу ответил Чихарев. — И сам подумывал об этом...

Командир роты капитан Астахов, воевавший рядом с Чихаревым почти с первых дней войны, по-настоящему узнал его только на Днепре. Да, лишь в ту минуту, когда Чихарев с болью, со слезами в глазах глядел на падающих под огнем журавлей, он понял душу солдата, что скрывалась за его внешней суровостью, жестокостью. До этого ротному казалось, что, кроме ненависти к врагу и беспощадной решимости, в сердце минера ничего не осталось.

В отличие от капитана Астахова начальник, в непосредственном подчинении которого оказался теперь Чихарев, видел его совсем другим: слишком уж добрым, мягкосердечным, даже безвольным. Не раз это являлось причиной серьезных объяснений. Особенно острый разговор был после истории с Косолапым, вожаком уличной ватаги, причинявшей милиции много хлопот.

Пожалуй, достаточно рассказать лишь одну эту непростую историю, чтобы увидеть Чихарева в должности участкового, понять его методы работы и его убеждения, свойства души.

Начнем с эпизода, который особенного запомнился участковому капитану Чихареву.

Вечером он зашел к инженеру Н., занимавшему довольно высокий пост на железной дороге. Представившись, спросил:

— Ваш сын Владимир дома?

— Он на катке. А в чем дело, товарищ капитан? — И голос и лицо инженера выражали неудовольствие. Чихарев снял фуражку, но хозяин не предложил ему пройти, продолжал держать в приходеж. — Так в чем же дело?

— На катке он, говорите? — Чихарев, глядя в лицо хозяину, повел головой из стороны в сторону. — На катке его нет... Я, кажется, не ко времени, но нам надо бы поговорить, Борис Леонидович...

— Прощу! — Инженер пожал плечами.

В просторном кабинете, куда они прошли, оказалось много книг, стеллажи занимали три стены. Чихарев невольно стал оглядывать книги. Он не мог похвастаться таким богатством, да и не та у него квартира, чтобы завести подобную библиотеку, а книги с детства были его страстью. И теперь, позабыв о хозяине, он принялся с интересом рассматривать аккуратно выстроенные солидные тома.

— Я вас слушаю, товарищ капитан! — громко сказал инженер и показал рукой на кресло у маленького столика.

— Сильная у вас библиотека, Борис Леонидович! Володя, наверное, много читает? Что он читает?

— Вас, разумеется, интересуют детективы? Почитывает! Но больше увлекается классикой. Учителя находят литературные способности...

— Парень он способный. Но уроками, видать, себя не утруждает. Вечерами больше на улице... Борис Леонидович, вы хорошо знаете товарищей Владимира?

— Начинаем урок на тему — родители и дети. Так, товарищ капитан? Отвечаю на ваш вопрос уверенно: товарищей Володи знаю хорошо, и школьных, и тех, что живут с нами по соседству. В прошлом году заметил его в компании Сергея Желебова. В тех старых домишках живет, за сквером... Скорее бы уж их снести!

— Пока не время. Знаете ведь, как с жильем...

— Мать этого Желебова у нас уборщицей работает. Старший в тюрьме, и этот хулиган. Кличка у него — Косолапый... Я запретил сыну дружить с Желебовым. На-

деюсь, вы имели случай познакомиться с этой яркой личностью?

— Имел, имел, Борис Леонидович! — Чихарев шумно вздохнул.

Сколько времени и нервов потратил участковый на этого Косолапого! И на завод, в цех, где он работает, ходил, и дома раз пять бывал, в школу рабочей молодежи чуть не силком заставил ходить... Вроде возьмется за ум, притихнет — и опять натворит такое, что хоть в тюрьму сажай! То в парке драку учинит, то поведет ребят на ближайший железнодорожный разъезд арбузы добывать. На ходу состава, черти, в вагон забрались и давай арбузы скатывать. Штук тридцать успели сбросить... А месяца два назад такое представление устроил, что участкового вызвали для объяснения к высокому начальству.

Построил Желебов свою ватагу возле стадиона, а сам поднялся на высокую бетонную тумбу и приветствует: «Здорово, орлы боевые!» Ребята в ответ, как на параде, — троекратное «ура». Желебов командует: «Ша-гом марш! Песню!» И пошла ватага с песней по улице, строевым шагом. А песня совсем не подходящего репертуара...

Начальник тогда строго отчитал участкового. Возмущенно сказал:

— Сажать этого Косолапого надо, а вы его защищаете, капитан. Еще за ту драку в парке следовало посадить. А заодно и того рыжего Капитана... Слушайте, Чихарев, а не он ли за ватагой стоит? Кличка любопытная — Капитан...

— Да нет, он безобидный парень, товарищ подполковник. Морем бредит, все книжки о морских приключениях перечитал, вот и окрестили Капитаном. А Косолапый... задиристый он, как молодой кречет, кулаки почесать любит. На выдумки всякие горазд. Это он может... Но душа у Желебова есть, товарищ подполковник. Есть душа. Сережка не сподличает, слабого не обидит. Этой весной рыбака на Волге спас, — не Сережка, так ушел бы под лед...

Подполковник, размеренно шагавший по комнате, остановился против Чихарева и укоризненно покачал головой.

— Кончайте со своей филантропией, товарищ капитан! Фронтовик, герой войны — и такая, простите... Ненавидеть их надо, пресекать беспощадно, а вы!.. Сегодня он на арбузы ватагу повел, а завтра с ножами...

— Ненавидеть? — перебил Чихарев. Он твердо и вместе с тем недоуменно смотрел в румяное, красивое лицо молодого подполковника. — За что ненавидеть? Отец Сергея Желебова под Москвой погиб. Видел я письмо командира полка. Смертью героя погиб. Мать от горя, от пережитого за войну седой стала. Не справилась она с парнишками. Старший в колонии. И второго сажать?

— Закон есть закон! Никому...

— Законы, товарищ подполковник, я знаю. Поймите, не злостный он, не преступник. Не с ним, а за него бороться надо! Поверьте мне, выйдет парень на добрую дорогу. Лишь бы не попал в опасные руки. Ходит вокруг него одна щука... Вот кого не выпустить!

Недавно Чихарев определил Косолапого в секцию бокса при Дворце спорта. «Любишь кулаками почесать, так на ринг иди. Там как? Отделал противника как следует, свалил с ног — почет тебе и уважение, даже от милиции».

Косолапый согласился сразу, охотно, а вот тренера пришлось уговаривать. Подавайте ему, понимаете, кандидатов в мастера! Ничего, Сережка Желебов себя покажет. Видел Чихарев, как он дерется. Высший класс!

Только час назад, идя к инженеру Н., встретил капитан Сергея Желебова. Приземистый, большеголовый, широченный в плечах, Косолапый важно шествовал по улице, направляясь в сторону Дворца спорта. Был в шикарном белом свитере с красными полосами на груди, модную спортивную сумку небрежно закинул за плечо. Чемпион! Следом за ним на почтительном расстоянии шла троица из ватаги. Чихарев, глядя на ребят, подумал с добрым чувством: «Хорошо, что Желебов в секцию определился. За ним ребята в спорт потянутся...»

— Значит, — вернулся к начатому разговору Чихарев, — вы запретили сыну дружить с Сергеем Желебовым? И теперь он больше дружит с Валентином Коржовым?

— Вы говорите о Валентине из соседнего дома? Да, он заходит к нам. Вчера они весь вечер чинили радиоприемник.

— Симпатичный молодой человек?

— Да, Валентин мне нравится, — ответил инженер. — Серьезен, вежлив. Даже в одежде, в манере держаться чувствуется воспитанность. Правда, Валентин значительно старше сына, но это, пожалуй, и лучше. Владимиру

не хватает выдержки, а Валентин сдержан, рассудителен.

— Наверное, делает замечания вашему сыну: «Володя, застегни воротник...», «Володя, а уроки сделаны? Сначала сделай уроки, а потом пойдем на каток...»?

— Да, именно так! — Инженер не без удивления смотрел на участкового. — Вот только что он говорил это... «Сделаешь уроки, а потом каток...» Даже помог Володе решить задачу...

— Он вам сообщил, разумеется, что поступил в институт? Работает и учится...

— Говорил об этом. Валентин действительно учится. Берет у нас книги...

— Правильно, учится на вечернем. Неплохие математические способности. Ну, а о том, что год отсидел за воровство, — не сообщил?

— Как вы сказали? За воровство? — инженер медленно, не отрывая глаз от лица Чихарева, поднялся. — Валентин Коржов... за воровство?

— Представьте! И о том он вам не говорил, что приучает Владимира к спиртному. Кстати, напрасно балует сына деньгами... Вы сказали, что он сейчас на катке? Нет, к сожалению. У приятеля Коржова. На «балдежке», как говорится в этих кругах. Не знаете, что это такое — «балдежка»?

Инженер молчал, нервно покусывая губы.

— Против этого «интеллигентного молодого человека» Сергей Желебов — ангел небесный... Между прочим, кличка у Коржова Интеллигент... Вот так!

— Понимаю, — глухо проговорил инженер.

— Ваш Владимир уязвим. Чрезмерное самолюбие и боязнь прослыть благовоспитанным сыном... Опытный Коржов легко может подтолкнуть его на дерзкий поступок: «Докажи, что ты действительно сильная личность...» Понимаете?

— Володя действительно самолюбив. Но это качество... Нет, нет, на дерзкий поступок, на преступление он неспособен!

— Меня, Борис Леонидович, заставил побеспокоить вас вот какой нехороший случай. Что касается Коржова, то тут я без вашей помощи обойдусь. Вызову его и скажу, чтобы оставил в покое Владимира. Но дело в том, что сам Владимир... — Чихарев, раздумывая, прищурился, постучал пальцами по столу, за которым сидел.

— Что он совершил? — инженер с испугом и тревогой глядел в лицо капитана, вцепившись руками в подлокотники кресла. — Вы пришли...

— Да нет, ничего такого, за что сажают, ваш сын не совершил...

— Слава богу! — Инженер облегченно вздохнул и выпустил подлокотники. — Так в чем же дело?

— За то, что он сделал, к уголовной ответственности не привлекают. Но бывают, понимаете ли, поступки, которые, хотя и не подпадают под статью уголовного кодекса, опаснее тех, за которые судят. У вашей соседки сямский кот пропал, не слышали?

— Кот? Не имел чести слышать, — инженер поморщился. — И вообще эта Елена Филипповна...

— Тетка сварливая, знаю, ребятам от нее достается. Зайдут в подъезд погреться — шум на весь двор... Вот и решили хлопцы насолить ей. Взяли и повесили старого кота...

— Страшная месть! — инженер усмехнулся. — Додумались же проказники!

— Проказники? — Чихарев медленно, напряженно поднял голову, выражение его лица переменялось, глаза потемнели. — Они кошку, живую кошку повесили, понимаете? И ваш Владимир подсказал ребятам это — повесить кота. А самое страшное — смеялся. Со смехом смотрел, как кот дергается в судорогах... — Чихарев резко поднялся, зашагал по комнате. — Не знаю, как вам, а мне страшно... Страшно!

— Я понимаю, что это... Но ведь этот случай...

Чихарев движением руки остановил инженера.

— Извините, я не все сказал. В это воскресенье ребята купили голубей. Евгений Кучеренко голубятню построил, дом у них свой, тут, в переулке... Евгений с вашим в одном классе. Ребята идут с голубями, а навстречу им Коржов с подружкой. Поглядел на голубей и рассмеялся: «Пестрачи!» Ну, взял одного, зажал шею двумя пальцами и рванул. Голубь на двадцать метров отлетел, а голова в кулаке осталась... Убил, мерзавец, голубя и говорит вашему Владимиру: «А ты так не сможешь. Крови боишься!»

Ваш сын, к сожалению, смог. Слышите, смог! Голубя... — Чихарев замолчал, тяжело провел рукой по лицу.

Журавли ему вспомнились. Журавли, в которых били из пулеметов фашисты. Он не стал рассказывать хозяину

дома о журавлях, о том, с каким отчаянием и болью смотрели солдаты на падающих птиц. Он только спросил:

— Вы понимаете, кем может стать мальчишка, способный оторвать голову голубю? Владимир даже не испугался, когда меня увидел. Не на голубя, бившегося в пыли, а на свою рубашку глядел. «Надо,— говорит,— холодной водой отстирать, пока кровь не засохла...»

Инженер молчал.

— Договоримся так, Борис Леонидович. О моем приходе ваш сын не знает... Вы, надеюсь, сможете повлиять на Владимира и без участия милиции.

Почему запомнился Чихареву именно этот эпизод? Ведь сколько было всего за долгие годы работы в милиции...

Сергей Желебов по кличке Косолапый, которого кое-кому не терпелось посадить, никогда бы не убил голубя. И кошку бы не повесил. Подраться на равных — это другое дело, это он мог. Чихарев знал своих «подопечных», знал не только поступки этих ребят, возмущавшие людей, но и умел увидеть в них доброе. Так вот было и с Сергеем Желебовым. Нет, далеко не сразу он исправился. И после того как увлекся спортом, мать его не раз приходила к участковому с жалобами на сына. Был даже привод в милицию за драку на улице и сопротивление дружинникам, за что подопечный Чихарева «схлопотал» пятнадцать суток. На эту драку подбил Желебова Интеллигент. Он пытался подбить его и на другое — на крупную кражу. Большую ставку делал Интеллигент на физически крепкого и отчаянно-смелого Желебова. Но опытный уголовник просчитался. Бой выиграл участковый.

Сергей сам пришел к нему и рассказал, какое преступление готовит Интеллигент.

— Николай Васильевич, он же ребят погубит, до тюрьмы доведет! Я ему заявил, что на кражу не пойду. И сказал, чтобы пацанов на это дело не брал... У нас крупный разговор вышел. Пригрозил он, что в случае чего — пришьет. Или его дружки рассчитаются... Этих подонков я не боюсь. Видал таких... Из-за ребят к вам пришел, Николай Васильевич!

— Спасибо тебе, Сережа,— Чихарев крепко пожал руку Желебова.— За то спасибо, что не обманулся я в тебе...

Работники милиции провели операцию умело. Взяли Интеллигента на месте преступления, с поличным, он не ушел от суда.

А Сергей Желебов вскоре стал дружинником.

Обстановка в микрорайоне, который доставлял участковому много хлопот, заметно изменилась. Не последнюю роль в этом сыграл Желебов. Ведь он был вожакom «ватаги». Слово, пример этого волевого, смелого парня действовали на ребят подчас больше, чем убеждения родителей. Чихарев хорошо понимал это, когда столь настойчиво боролся за Косолапого.

Прошло время, и областная комсомольская газета рассказала о передовом молодом рабочем, дружиннике, отличном спортсмене Желебове, поместила его фотографию*. В заметке было сказано доброе слово о мастере, который передал Желебову свой опыт, о секретаре цеховой комсомольской организации, который приобщил молодого рабочего к общественной работе, о тренере. Об участковом Чихареве, разумеется, в заметке не говорилось...

Когда Николая Васильевича спрашивают, приходилось ли ему вступать в схватки с опасными преступниками, он разводит руками.

— Ничего такого не запомнилось. Был, верно, один случай, но, как говорится, не для кино. Обычное дело...

Это «обычное дело» едва не стоило капитану Чихареву жизни.

... В тот вечер он допоздна задержался в опорном пункте. Около двенадцати, проинструктиввав дружинников, собрался уходить, уже поднялся, как вдруг дверь распахнулась, и в комнату с криком и плачем вбежала молодая женщина. Волосы ее разметались, платье на груди порвано, на щеке кровь.

— Ограбили... Пытались меня... Отняли сумку, часы, кольцо... Они ножом...

Чихарев взял женщину за руку.

— Спокойнее! Где напали? Куда побежали?

— В сторону товарной станции...

Чихарев направил две группы дружинников в обход, а сам кинулся к железной дороге напрямую. Ему было уже далеко за сорок, да и ранения сказывались. Он за-

* В настоящем очерке фамилия Сергея, как и некоторых других героев, по понятным причинам изменена.

дыхался, но продолжал бежать, бросая быстрые взгляды по сторонам. Опыт подсказывал: налетчики где-то здесь, к станции сейчас не рискнут выйти...

Ему помог «газик», вынырнувший со стороны железной дороги. Сильные фары осветили скверик, который в эту минуту пересекали бандиты. Видимо, они приняли «газик» за милицейскую машину, кинулись через дорогу в переулок. Туда, в этот переулок, Чихарев направил дружинников, только с другой стороны, чтобы перекрыли выход. Участковый отлично знал свой район, сразу определил места, где попытаются скрыться преступники. Но успели ли дружинники перекрыть переулок?

Капитан бежал изо всех сил, однако налетчики, молодые парни, удалялись, он уже едва различал силуэты, мелькавшие в свете редких фонарей: «Уйдут!»

Но дружинники были на месте. Услышав быстрый топот, затаились в нише ворот каменного дома, чтобы схватить преступников внезапно. Так действовать их учил участковый. Однако ребята смогли скрутить из троих только одного. Второй прорвался, ушел через проходной двор, а третий кинулся назад.

Чихарев преградил ему дорогу.

— Стой! Стрелять буду!

У Чихарева, бросившегося к налетчику, не было оружия. А преступник (это был опасный уголовник, дважды судимый) выхватил нож. Чихарев не дал ударить, схватил грабителя за руку, когда тот замахнулся. Началась борьба. Бандит молод и крепок физически, а у Чихарева действует только одна рука. Все-таки капитану удалось сбить преступника с ног — пригодился фронтовой опыт — и не выпустить его руку, в которой был нож. Намертво прижав грудью к земле, обезоружил.

Довелось Чихареву поработать и в ОБХСС. Если раньше, до ОБХСС, кое-кто из начальников упрекал его в сердобольности, в том, что излишне возится с «косолапыми», то теперь его частенько упрекали в другом: в излишней крутости, нетерпимости. Он ненавидел спекулянтов и хапуг, наживавшихся за счет государства и честных тружеников, не меньше, чем грабителей. Более того, Чихарев был убежден, что расхитители государственной собственности опаснее уголовников. В конце концов, сколько их, уголовников? Да и взять их куда проще, быстро раскрываются.

Если говорить откровенно, поначалу считали, что с

работой в ОБХСС Чихарев не справится. Рассуждали так: да, он человек высокой совести и отважен, был хорошим участковым, но ведь в ОБХСС знания требуются, в экономике надо разбираться...

Чихареву пришлось учиться. Он не стеснялся обращаться за советом к офицерам, которые по возрасту годились ему в сыновья, но имели высшее юридическое образование.

При первом же крупном деле, которое оказалось в его руках, Чихарев проявил и искусство следователя, и мастерство оперативника.

Вначале дело казалось самым простым: взяли человека, спекулировавшего кожаными пальто и куртками, входившими в моду. При обыске нашли три пальто и куртку.

— Где взял?

— Был по делам в Казани, купил на базаре у татар. Понимаете, на машину не хватает, вот и решил подработать. Один дружок надоумил, черт бы его побрал... Вывод я, судите!

Кажется, можно заканчивать дело: спекуляция установлена. Но Чихарев не спешил. Он обратил внимание на одно обстоятельство: спекулянт арестован, а кожаные пальто и куртки продаются. И не только из-под полы. Два пальто обнаружил Чихарев в комиссионных магазинах. Кожа одной выделки, и покрой, пошив одинаковы. Выходит, и эти изделия привезены из Казани?

От этой версии скоро пришлось отказаться. Поиски привели к другой мысли: кожаные пальто и куртки шьются здесь, в Саратове. Чихарев выявил настоящий комбинат: одни ездили по районам области, скупали овечьи шкуры, часто краденые, другие выделывали кожу, третьи кроили и шили, четвертые сбывали изделия за большие деньги. О размахе, с которым действовали комбинаторы, можно судить по одной цифре: при обыске Чихарев изъясил двести двадцать овечьих шкур.

О том, с какой самоотверженностью, самоотдачей работал Герой Советского Союза капитан милиции Чихарев, убедительно говорят правительственные награды, полученные им после войны. За многолетнюю и безупречную службу в органах МВД Николай Васильевич награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги».

Годы, ранения взяли свое. Теперь Чихарев уже в отставке. Живет, как говорится, в полном благополучии.

Хорошая четырехкомнатная квартира, из окон которой открывается Волга. Сын окончил военную академию, дочь — врач. Рядом внуки, в которых души не чает...

Огромное это счастье, когда человек с радостью входит в свой дом, в светлый дом, согретый теплом родных, любящих сердец. Но конечно же, не было бы, не могло быть счастья без другого — сознания, что ты жил верно и что и сейчас, выйдя в отставку, нужен людям. Давно на отдыхе капитан милиции Чихарев, однако и теперь приходят к нему люди, знакомые и незнакомые, кто за советом и помощью, кто поделиться бедой или радостью. Среди заходящих к Чихареву встречаются и те, кто в прошлом доставлял бывшему участковому много хлопот...

* * *

Уже начало октября, а день по-летнему теплый, солнечный. Николай Васильевич спускается с внуками к Волге: их четверо, мал мала меньше, кружатся веселой стайкой, смеются.

Встречные приветливо здороваются с Чихаревым. Тут его знают.

— Как жизнь, Николай Васильевич? Растут наши внучата, растут!

— Здравствуйте, Николай Васильевич! Погодка-то! За грибами не собираетесь?

Чихарев с улыбкой отвечает на приветствия, а сам не отрывает взгляда от Волги, расцвеченной закатным солнцем. С пологого взгорья, по которому он неторопливо спускается к набережной, река открывается вся до далекого лесистого берега. Чихарев любит тихой предвечерней Волгой, наполняющей сердце покоем, и вспоминает Днепр. Тогда было тоже начало октября, и был такой же вот чистый, яркий закат...

И вдруг до его слуха донеслось отчетливое курлыкание журавлей. Он даже вздрогнул и остановился, замер. Высоко над Волгой летели журавли. Чихарев стоял неподвижно, запрокинув голову, до тех пор, пока стая не скрылась в розовом небе. Со вздохом проговорил:

— Пусть вас нигде не встретит огонь...

— Что ты сказал, деда? — обернулся на голос старенький внук Максим.

— Журавли, говорю, летят...

А. НИКИФОРОВ

И ВЫПОЛНЯЯ СВОЙ ДОЛГ

документальный рассказ

«Воспитательное воздействие морально-нравственных, политических качеств, прививавшихся сотрудникам милиции на заре ее создания, заключается именно в силе примера. И примеры эти побуждают новые поколения сотрудников милиции идти по стопам героев, множить их славные дела, беззаветно служить своему народу».

Советская милиция, 1985, № 11.

«Светлая память о капитане милиции Николае Егоровиче Зиновьеве, верном друге и товарище, до конца выполнившем свой служебный долг, навсегда останется в наших сердцах».

Из некролога, опубликованного в районной газете «Ленинец», подписанного руководством и группой сотрудников Петровского городского отдела внутренних дел

Августовский день был серым. Только из зенита сквозь малые разрывы плотных облаков скупно пробивались короткие лучи. Дорога в ту деревню хоть и была накатана до блеска, да уж больно ухабиستا. В «жигуленке» и то душу мотало, а им в их «луноходе» было каково? Ведь гнали они в то тревожное утро быстрее, чем на пожар.

Сообщение, полученное от дежурного, было: некто Черняев, житель Павловки, из охотничьего ружья застрелил женщину и ранил выстрелами еще двоих односельчан. Находится с оружием на чердаке колхозной конюшни. Как не спешить! Кто знает, что он еще успеет натворить? А цель моей поездки? Хоть и сказал один грече-



ский философ, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, но у меня свое на это мнение. Захотелось самому посмотреть на все то, что видел тогда капитан за час, за минуту, за секунду до смерти. А еще захотелось понять, что же это такое — зло «в наиболее концентрированном виде», откуда все-таки берутся среди нас такие злодеи, для которых человека порешить, что бутылку порожнюю — о камень.

Село Павловка — некогда было село, сейчас уже деревенька. Грустная картина — исчезающие села. С трудом угадывается бывшая строгая планировка улиц: там, совершенно на юру, — одна разлапистая пятистенка, здесь — целых три избы притулились друг к дружке, против них еще две, а по взгорку, как куры на насесте, нахохлились под ржавеющими крышами избы целым порядком. Пустыри, поросшие бурьяном, чахнувшие сады, неуют и неухоженность. Не потому дома развалюхи, что живут здесь в большинстве старики да бабы-вдовы. Нет, коли и справные семьи остались, то все равно сидят все, словно на чемоданах: кто в райцентр на жительство целится, кто на центральную усадьбу. Иные живут под эдаким прицелом едва ли не сызмальства, и хуже нет такой жизни. И средства есть, а вложить их в благоустройство — вроде зря сорить. Вот и «вкладывают» денешки — одни в чулок, другие в кассу магазина в обмен на зелье веселящее.

Минька же Черняев, шестой десяток разменявший, в селенье Павловка был на особом положении. Есть такая поговорка: «Первый парень на деревне, а в деревне два двора». Очень хорошо она к нему лепилась, как бирка к багажу. Этот никуда не желал уезжать. Только раз за всю жизнь его отсюда «уехали». Посадили на два года за хулиганство. Схлестнулся в драке с приезжим парнем, жестоко его избил. Зачем ему было куда-то ехать, от добра добра не ищут. Полста годков, а он все парубок-красавец. Ростом под притолоку, в плечах сажень косая. Жена? На кой она ему?

Хотя была когда-то и у него своя законная, и дети были. Сбежали они от него в город, туда, откуда привез Минька после отсидки городскую на пересуд всем и зависть. Только завидовать особо было нечему. Красивая ежели, дак ведь с лица воду не пить. А Миньке не баба, а руки ее были пужны. По хозяйству чтоб крутилась, ведь полон двор скотины завел. А городская, она что? Не

приучена. Зачем такая жена и нужна! Не горевал по ней Минька. По уходе привел к себе домой дружков, налил себе и им по граненому. Выпил, выдохнул и будто с сердца смыл. Мать-старуху от сестры забрал — шустра еще, все хозяйство на нее кинул. И пошла жизнь Минькина — надо бы лучше, да некуда. Имел в руках специальность: механизатор, электрик; назначался бригадиром. Все по-боку! Смысла не видел. Ушел в скотники, затем в сторожа на ферму. Жил подножным кормом — натуральным своим хозяйством. Много ли надо холостому мужику! Сыт и пьян, и нос в табаке! Пьян относительно, его, Миньку, спить — четверти мало.

Так бы и жил в довольстве собою, если бы, на беду, не появился у него в Павловке соперник, тридцатипятилетний залетный парняга, по прозвищу Монах. На жителство определился к одной вдовушке.

Для одних их мир — вселенная, для других — город, завод, семья. Для Миньки же Черняева его вотчина — деревенька Павловка. Когда же в ней появился другой — самозванец — и посягнул по праву сильного на его, Минькины, права, загорелось ретивое синим пламенем. А Монаху на это наплевать, парень тоже рослый, на грудь хоть обручи навешивай. Пасет себе бычков колхозных, деньгу зашибает...

С сослуживцем капитана мы сидим в квартире Зиновьевых.

— Маша, ты почаще приходи в отдел, — говорит он. — Ну что ты, право! Заготовить что, помочь чем-нибудь. Да мы разве когда... Ведь двое у тебя. Обращайся!

— Не могу я сейчас... Придешь к вам... Все живые, все, а Коли нету.

Маша, жена капитана Зиновьева, светловолосая, ладненькая, сидит перед нами на диване и как-то покорно сутулит свои узенькие плечи, жмет между коленями натруженные маленькие руки. Трехлетний Сережка, глупенький еще, ласкается к матери котенком, стреляет в нас глазенками.

— Скучает он без мужчин, — поясняет нам мать. — Придет к нам племянник Анатолий, плачет, не хочет его отпускать. «Мамочка, давай его возьмем к нам жить!» — «Да нет, сыночек, он к нам не пойдет».

— А об отце помнит?

— Знает, что убитый, а как это — смерть, — не понимает. Все ждет его, ждет. «Папуленька, мне больно, меня Людочка обидела, приди, пожалей меня!» Николай так любил детей! Все для них. А Сережку просто с рук не спускал.

— Ну что ты, Маша, право... Послушай!

— Для него в жизни было только одно: дом и работа, дом и работа.

Потом, когда немного успокоилась, рассматривали вместе фотоальбом. Много армейских снимков. Чаще Николай в окружении друзей-однополчан. Всегда он в центре. Видно, что лидер по натуре. Немало снимков сделано в спортивном зале: со штангой над головой, двухпудовой на вытянутой руке, с мячом на футбольном поле. Сопит Сережка, сидя на коленях у сослуживца капитана, серьезно смотрит, слушает, что говорят о его отце. Ясно, что на всю жизнь останется в его душе отец достойным примером для подражания.

На другой день говорил с начальником горотдела милиции. Он так сказал о Зиновьеве: «Николай Егорович начал службу в органах в звании сержанта. За десять лет прошел отличную школу. Работал участковым, затем инспектором по профилактике, командиром одного из подразделений. Всегда и во всем у него был порядок. Добрый и откровенный, он оставался принципиальным и, когда нужно, умел быть строгим. Скажу так: «шла» ему милиция, и он к ней «шел». Всегда подтянутый, аккуратный, хороший спортсмен, его часто ставили в пример другим. И сотрудники к нему тянулись. Избрали его председателем совета наставников. В партию здесь приняли. Помню то партийное собрание в отделе. Ведь все свои собрались, но впервые видел его таким взволнованным. В любой ситуации умел он держать себя в руках, на Черняева шел, в последний свой жизненный момент, и был спокоен — уверенный в своих силах был человек. А тогда и голос дрожал, и румянец — во всю щеку. Очень волновался. Для него прием в партию был событием важнейшим».

Признаюсь, когда ехал в Павловку, у меня уже была готовой версия Минькиного злодейства: распад личности под пагубным воздействием алкоголя — это первое, и второе — кулацкий, частнособственнический

инстинкт. Ведь толчком к преступлению Черняева явилось такое событие.

Углядел себе Минька в овражке близ пересыхающей речушки лужайку, трава на которой в это богатое дождями лето вымахала по колено. Рассчитывал, как еще немного поспеет, накосить стожок: на неделю скотине хватит. А этот чертов Монах («Ну гад, мест ему других нету!») пригнал сюда пастись колхозных бычков. За час всю лужайку выгравят!

Крепко поговорил тогда с ним Минька, полдеревни сбежалось на бугор. Черняев стоял с колом в руке, а Монах гарцевал вокруг него на кобыле, накручивая на руку плетенную из сыромятины нагайку.

Ругались, рассказывали свидетели, аж до хрипоты. Наконец Монах начал сбивать бычков в кучу: черт, мол, с тобой, ешь сам эту осоку! Да еще, желая напоследок побольнее уесть сквалыгу, обронил он, на большую беду людям, фразу, якобы скоро Миньке, окромя как своим хозяйством, и заниматься будет нечем, не оставит он, мол, ему на утеху ни одной его зазнобы. Подлил, видать, масла в огоны! «Лады!» — только и ответил ему на это Минька.

— Встретился он мне, — рассказывала следователю прокуратуры свидетельница. — Я его спросила: «Миня, куда ты так спешишь?» Усмехнулся недобро в ответ. А сам белей березоньки... Жестокий был он человек.

Как показала экспертиза, Черняев в тот вечер даже не приложился к бутылке. Кто знает, что за дурман захлестнул его сознание! Дождавшись полночи, схватил Минька ружье, обыкновенную «тулку» — двустволку, и патронташ, почти полный, и бегом — к дому, где у своей зазнобы проживал Монах. Постучал пальцем в стекло: «Слышь-ка, Витек! Выдь на минутку, перекурим». Монах ему на это из сеней, не сдвинув шеколду: «Нашел время, ночью! Завтра приходи».

Два раза совался к нему Минька, ласково заговаривал, выманить хотел. Ружье у завалинки прислонил, чтобы тот в щель не увидел. А потом жахнул пару раз по окошкам и в бессильной злобе сломя голову бросился к коровнику, где в ту ночь хозяйка, у которой проживал Монах, дежурила.

В ярости решил Черняев бить наповал всех, кого встретит. Без пощады стрелял он почти в упор в ни в чем не повинных перед ним людей. Двоих только ранил. Вид-

но, темная ночь-заступница отвела от них смерть в сторону, третью жертву не уберегла... Ею оказалась мать пяти-рых детей.

Маша Зиновьева:

— Его убили в понедельник, а в воскресенье Коля весь день провел с нами. В лес ходили с детьми, вечером в парк. Встретили друзей. У него было прекрасное настроение, смеялся, шутил. «Не к добру смеешься, Николай»,— друзья ему, а я возразила: «Что вы! У него характер такой веселый».

А утром, как вызвали, «жди меня» только и молвил. А мне сердце ничегошеньки не подсказало! Служба у него такая— всю жизнь только и ждала... Вот и дождалась.

В пять утра поступил тревожный сигнал дежурному отдела. Всех, кого можно было собрать и задействовать, усадили в милицейский спецфургон, ехидно-уважительно прозванный «луноходом», и отправили в Павловку с заданием обезвредить вооруженного, засевшего на чердаке пустующей летом колхозной конюшни особо опасного преступника. Начальство и следователь местной прокуратуры покатали вперед на «газике». Когда приехали, рассвело. Алой лентой горел восход.

Конюшня оказалась метров за сто от домов.

— Тама он, тама, не сомневайтесь. Сам видел, как он туда заскочил. Я как раз возле был,— глотая слова, пояснял милиции конюх.

Когда подъезжали к конюшне, с чердака по ним ударили два выстрела. Но всерьез это никто не воспринял. «Возьмем, куда денется!»

Конюшня — метров тридцать по торцевой части — стояла совершенно на юру. Подобраться к ней скрытно очень трудно. Только справа небольшой заросший бурьяном участок позволял незаметно приблизиться метров на пятьдесят. А дальше — чисто.

— Пожалуйста,— попросил я следователя,— вспомните, расскажите, о чем думали тогда? Как планировали? Вообще, как вели себя ребята? Капитан как?

— Подъехали они чуть позже на спецмашине. Собрались мы вон там, на взгорке Обсуждаем. Сначала по-

кричали ему, Черняеву, мол, не валяй дурака, выходи. В ответ опять выстрел. Но дробь мелкая, не долетает. У каждого мысль — надо брать. Подтруниваем друг над другом. Мол, как ты? А ты? И капитана задела, а он переглянулся с начальником и спокойно так: «Будет приказ, выполню». Стоит, автомат ладит; диск вставил, загнал патрон в патронник, поставил на предохранитель. Очень спокоен был.

— Почему на него пал выбор?

— Не знаю... Подходящим показался, наверное... Я-то его не очень хорошо знал. Начальству было видней.

Есть такие люди, кому больше всех надо, начиная с мелочей. Например, подошли трое к билетной кассе кинотеатра. Пока двое шарят по карманам, третий уже подает кассиру трешницу. «Он всегда оказывался первым, когда надо было платить», — слова товарища о Николае. А я подумал: «Даже если платить своей жизнью».

«У него был такой характер, что «надо — значит, надо», не раздумывая, первый брался за любое трудное дело», — отзыв сотрудницы о капитане Зиновьеве.

И мне, автору, вспомнился такой эпизод. Находился я как-то в Петровском отделе милиции в комнате дежурного и невольно подслушал разговор двух вызванных повестками «бичей». Первый помалкивал, а второй был очень возмущен вызовом:

— Ну что ты будешь делать! — изливал он свое дружку, такому же, как он, опухшему от перепоя и как-то по-воробыиному встрепанному и нахохлившемуся. — Ну что ты будешь делать! Дохнуть не дает. Пью только дома. Даже пиво — опасаясь, чтоб у ларька иль на базаре. Вишь ты, с работы, говорит, почему уволился? Так я ж по собственному!..

— Это кто? Зиновьев, что ль?

— А кто ж еще-то!

— Крючо-ок! — неожиданно взвился и тот, кто слушал. — Ты мне о нем не толкуй! Я из-за него, когда он еще участковым был, даже прописку поменял, в другой район города перебрался. Веришь, нет?.. Ну, житья никакого! Встретит: ты чо, говорит, вчера на родительском собрании не был? Твой Витька, говорит, в школе двойки получает...

— А что ему, не пойму, больше всех надо, а?

— Видать!

— А может, выслужиться хочет?

— Это уж натура такая вредная — ни себе, ни людям покою... Га-ад!

Выругался. И притих, испугался пакостник, оглянулся и вобрал по-птичьи голову в плечи.

Вспомнилась мне эта картина. И зло взяло и обида, что из-за таких вот сорняков погиб достойный человек. Из-за таких, но не ради таких, — а ради их Витек нес он свою нелегкую службу. Чтобы росли они людьми.

А события в Павловке разворачивались следующим образом: против ворот конюшни метров за пятьдесят установили «луноход». Усадили в кабину сестру Черняева Пелагею. «Поговори с братом, — попросили, — пусть бросает ружье и выходит».

— Миня! Ми-инь! — зашелся над полем усиленный мегафоном женский крик. — Послушай меня, братка, послушай! Ведь убьют они тебя, убьют. Выходи ты к ним, выходи-и-и!

Под звуки этих причитаний, пригибаясь, пробирался по ложку к обратной стороне конюшни, ко вторым ее воротам, капитан...

А Черняев метался по чердаку. Гибкие, припорошенные сеном жерди настила прогибались под его грузным телом. На чердаке было сумрачно, утренний свет, клубя пыль, скупо пробивался сквозь нечастые дыры и щели. Обзора для Миньки не хватало. Глаз цепко выхватывал лишь узкие секторы. «Возьмут они меня здесь, возьмут!» — дурманом накатывались то страх, то остервенение. Когда же до его сознания дошли тоскливые вопли сестры, дикая жалость к себе, такому сильному и здоровому, могущему жить и жить, охватила Миньку.

«Бежать! Бе-ежа-аты!» В последний раз взглянув на группу сотрудников милиции, Минька бросился по чердачному настилу к другому выходу. Достигнув лаза, прежде чем спрыгнуть, припал к полу, заглянул в ворота и увидел подбегающего капитана...

Начальник отдела, кокторый руководил операцией, говорил мне:

— Мысль была подобраться незаметно, войти в помещение и устроить засаду на выходах. Значит, нужно было послать двоих, наиболее подготовленных и физически,

и морально. Послать, используя фактор отвлечения, с подстраховкой еще двумя автоматчиками.

— И тем не менее степень риска...

— Была, и немалая,— понял, о чем я хотел его спросить, подполковник.— Но гарантии безопасности в таком деле нет. А ждать нам было не резон. Из Саратова, мы уже связались с управлением внутренних дел по рации, должны были выслать группу захвата, но с каждой минутой опасность становилась все реальней. Точнее сказать, ситуация обострялась.

— ??

— ...К тому времени рассвело окончательно. Вся деревня была уже на ногах. Люди выходили из домов, многие спешили сюда. Если бы одно любопытство вело их... Разгневанные люди способны на любой поступок. Бригадир опасался, что родственники пострадавших появятся: куда-то двое промчались на мотоциклах — не за ними ли? А сыновей убитой, как дойдет до них весть о гибели матери от руки преступника (неподалеку от Павловки проживают), — попробуй тогда удержи!

Совещался начальник с офицерами. Зиновьев первый сказал, оценив ситуацию: «Ждать нечего. Надо идти». Никто ему не возразил.

Не геройствовали капитан и его товарищи — долг свой выполняли. Служебный долг.

Зиновьев заходил к конюшне со стороны ворот, которые то втягивало сквознячком, то распахивало со скрипом. Как только их запахнуло, капитан сделал рывок, стремясь проскочить сектор видимости: всего лишь десяток метров надо было преодолеть. И преодолел бы, но ветер-то был порывистый...

«Дисциплинированный, исполнительный, инициативный... Отлично подготовленный в спортивном отношении».

Из характеристики, выданной капитану милиции Зиновьеву для поступления на заочное отделение Высшей школы МВД СССР

— Николай Зиновьев был у нас физоргом, — вспоминает сослуживец. — В волейбол, в футбол в свободное от службы время — первый заводила. Зимой — лыжи. Многих он пристрастил к спорту... Вот бывает так, уйдет человек из отдела, как будто и не было его, а Николай много доброго с собой унес.

— Об этой школе Высшей все его думы были,— рассказывает жена Николая Маша.— «Зачем тебе,— спрашиваю,— неугомонный?» «А как же,— отвечает,— офицер должен расти». — «До генерала, что ли?» — «А почему бы и нет...» И не поймешь, шутит он или серьезно. Не успел. А сколько книг вечерами перечитал, сколько тетрадей с конспектами оставил. Готовился.

Жарко ахнул выстрел из Минькиного ружья. Свинцовый кулак мелкой дробы вхлест ударил в светловолосую голову, опрокинул навзничь ладное, сильное тело, навсегда перечеркнув светлую мечту капитана.

Долгой очередью простучал в ответ автомат. Тяжело и грузно в сером брезентовом, распоротом автоматными пулями плаще свалился в чердачный проем наземь Минька Черняев.

Следователь прокуратуры, еще не утративший (под неизбежным воздействием профессионализма) способности остро переживать чрезвычайное, рассказывал и показывал мне, как подбегал к настежь распахнутым воротам капитан, откуда именно и как ударил в убийцу из автомата молоденький лейтенант из ОБХСС, подстраховывавший товарища. «Смотрите: в досках фронтона отверстия! Это от пуль». И, словно оправдываясь за действия лейтенанта (видно, уж навсегда окрепло в его сознании профессиональное, что преступника надо брать только живым), проговорил:

— Испугался лейтенант, что Черняев завладеет оружием капитана, ведь тот упал у самых ворот... Ну и три пули — в него, очередью...

— Молодец,— вырвалось у меня.

— Оно конечно...— неуверенно поддержал меня следователь.

Когда шли к машине и переходили через овраг, встретили старую, на последнем пределе жизненных сил женщину в черной бархатной жакетке, до самых глаз повязанную темным шерстяным платком. Она разбито ковыляла, тяжело опираясь на палку.

Следователь тронул меня за рукав и кивнул головой на нее.

— Что? Мать? — догадался я.

— Черняева,— шепотом подтвердил он.

— Здравствуйте! — поздоровался с женщиной следователь. — Не узнаете меня?

— Как же, сыночек, как же! — признала и заплакала.

Говорили с ней о том, как ей жить. «Дочка в город уговаривает, а я не могу... И дома не могу... Вот хожу и хожу по людям. Жалеют они меня».

Я знал, что Минька был жесток со своей матерью. Однажды в наказание за какой-то промах по хозяйству он сдернул с нее очки и разбил их о завалинку. И ходила она неделю, натываясь на углы.

— Жалко, жалко сына! И что это с ним поделалось вдруг? Как оговорили... И уж такой он хороший да желанный был. Вы зайдите, зайдите в избу, я вам грамотку его покажу, за работу дали. Я ее сберегла. Зайдите...

И мы заходим. Присаживаемся к столу. Мать, как драгоценную реликвию, как документ, обладающий оправдывающей ее перед людьми и богом силой, кладет на стол, разглаживая трясущейся рукой, пожухлую Почетную грамоту. Это какой еще год-то? «За героический труд в подготовке техники к посевной кампании...» Подпись директора МТС. Вон еще когда. А мать заглядывает, заглядывает нам в глаза.

Что ей сказать? Что был ее Минька когда-то честным, полезным людям человеком? Был... Это еще когда был... А мать-то жалко.

Капитана милиции провожал сначала город. Гроб с его телом поставили в Ленинской комнате горотдела, и люди шли и шли, чтобы отдать дань уважения человеку, пожертвовавшему жизнью для спасения других людей. А похоронили его возле села, где он родился и вырос, где захоронены его родители.



В. КОТИН

СКОРОСТЬ

Ночь с седьмого на восьмое ноября 1982 года в Саратове выдалась сухой, но беззвездной. Осень есть осень: тяжелые набрякшие тучи висели над городом, вяло поддаваясь порывам не сильного ветра, по обочинам дорог тянулись лужи — ос-

татки недавнего дождя. Но асфальт почти везде был чистым, а это для водителя — первое дело.

Как это часто бывает по праздникам, старший сержант Сергей Мартынчев состоял в дежурном подразделении ГАИ. Инспектора занимались привычным делом: патрулировали на «канарейках» и мотоциклах, по раздававшемуся сигналу радиации спешили в «горячую» точку Саратова, дежурили на оживленных перекрестках тех дорог, которые и ночью остаются беспокойными.

Сергей следил за цепочкой автомобилей на одной из таких транзитных магистралей — улице Шехурдина. И еще раз с удовольствием отметил: погода не подвела, машины по асфальту идут легко, не юзят по лужам, не вспарывает резко ночную тишину скрежет тормозов, лихорадочно переключаемого в автомобильных «пробках» сцепления. Сегодня все спокойно.

Но что это? Не такой уж яркий свет давали уличные фонари, да и «Нива» была оливкового цвета, и все-таки столь грязная она, что опытный взгляд автоинспектора сразу заметил это. «Откуда гостья?»

Мартынчев автоматически поднял полосатый жезл, шагнул вперед. «Нива» послушно свернула к обочине шоссе, подкатила к милиционеру, скрипнули тормоза. И даже при плавной остановке с крыльев автомашины хлопнулись на асфальт комья грязи.

— Инспектор дорожно-патрульной службы Мартынчев, — Сергей бросил ладонь к козырьку фуражки. — Прошу предъявить документы.

Цепким взглядом окинул кабину — в ней двое. Сразу понял: тот, кто открыл водительскую дверцу, пьян. Что-то вполголоса бормочет, руки то лихорадочно поправляют белесые волосы, то снова опускаются на руль. Второй в темноте салона не виден.

— Документы! — потребовал инспектор. Шагнув вплотную к открытой дверце, услышал: водитель «Нивы» включает сцепление. Реакция Сергея была мгновенной, действия — отработанными до автоматизма. Повиснув на низкой дверце и перекинув через нее левую руку, он правой пытался, отталкивая белесого парня от руля, выдернуть ключ зажигания.

Рывок. Еще один. Сгруппироваться, поставить ноги внутрь салона. Нет!

— Стой, кому говорю!

Молчит белесый — и не тормозит. Хорошо еще, что едет на первой, но и при такой скорости тащиться на весу, с ногами на асфальте приятного мало.

— Приказываю остановиться!

Никакой реакции. И тогда, изловчившись, Мартынчев кинул правую руку к кобуре с пистолетом. Как назло, на дороге ни одной машины, рассчитывать приходилось только на себя.

Сидящие в машине поняли это. И тут же «Нива» вильнула к бордюру, за которым тянулась цепочка уличных фонарей. «Так они же меня об столб...» — мелькнула у Сергея мысль, и он, отпустив левую руку и оттолкнувшись, чтобы не попасть под задние колеса, остался лежать на асфальте. Ладонь машинально сжала рукоятку пистолета (последнее, что мог сделать милиционер, — стрелять по колесам), но «Нива» уже исчезла за поворотом.

К счастью, рация при падении не пострадала. Уже через секунду инспектор дорожно-патрульной службы докладывал о ЧП на улице Шехурдина.

— Номер машины запомнил? — раздался спокойный голос. — Так, записываю... Сейчас пришлю машину, покажись врачам.

— Ничего серьезного, ссадины, разрешите участвовать в поиске!

— Добро...

Началась обычная работа по расследованию дорожно-транспортного происшествия. Сергей к этому времени уже сидел с товарищами в кабине патрульной машины и

рассказывал им о случившемся, морщась от боли: йодом из походной аптечки «сдабривали» его ссадины на руках и ногах. А дело шло своим чередом. В дежурной части ГАИ зафиксирован номер «Нивы». Один из сотрудников по картотеке в считанные минуты определил организацию, которой принадлежала машина.

Кто водитель? Где он в этот поздний час? Это выяснял экипаж патрульной машины, получив по радиации нужные данные. И хотя в праздничную ночь работа осложнялась (гости, выезды к родственникам, то да се), дело двигалось. От исходной точки на улице Шехурдина, где «канарейка» подобрала Мартынчева, проехали десятки километров по городу: Волжская, Антонова-Саратовского, Чернышевского... И уже на рассвете след привел в Затон.

Но что здесь могли делать люди прохладной ноябрьской ночью? Патруль ГАИ выяснил это в два счета: теплая компания молодежи решила отметить праздник на одной из пустующих дач, что затерялась вдали от городских улиц. Был в их числе и водитель «Нивы», решивший шикнуть перед друзьями тем, что явился на гулянку за рулем служебной машины. Подпив, свалился спать, а двое его собутыльников, еще державшиеся на ногах, надумали покататься. Тут-то, за городом, они перепачкали автомобиль в осенней грязи, и это не укрылось от инспектора ГАИ. Не случайно в личном деле Сергея Мартынчева записана благодарность «за бдительность» при задержании угонщиков.

Это лишь одно из поощрений, полученных Мартынчевым во время службы в Саратовской госавтоинспекции. А ведь это время исчисляется пока у Сергея не десятками лет — скромными единицами.

* * *

Старшине милиции Иванову Якову Александровичу в приветливости не откажешь. Повезло Сергею, что в тот первый день дежурным оказался Иванов. Он-то и встретил демобилизованного, а впоследствии стал и его наставником.

Только это потом было. Пока же, вдоволь потоптавшись в коридоре первого этажа областной госавтоинспекции, Сергей Мартынчев, а с ним и еще двое вчерашних военнослужащих постучались в дверь кабинета номер

два — в дежурную часть. Пульт, табло, строгое лицо старшины — ГАИ!

Сказать по правде, в дежурке не до разговоров, но, поскольку пришли новички, Яков Александрович старался не торопиться. Им еще беседовать с офицерами, с политработниками. Вот они сидят, три вчерашних армейца, не совсем удобно пристроившись на стульях, и надо не отпугнуть их: они демобилизовались, а тут та же служба. Да еще неизвестно, где труднее.

— Ну что, ребята, решили к нам? Да сидите, сидите...

Что-то было в голосе Иванова, в скупых жестах, во взгляде... И понял старший сержант Сергей Мартынчев, что, сняв армейскую форму, снова покончит с «гражданкой».

* * *

Поначалу он считал себя неудачником. Странно это слышать от сильного, симпатичного парня. Приятное лицо, быстрый взгляд из-под выпуклых бровей, улыбка. Хорошая фигура — впрочем, это терминология женская. У нас это зовется иначе — военная выправка. А вот — неудачник...

А может, все дело в генах? Алексей Иванович Мартынчев много лет работал шофером, в том числе и после того, как перевез семью в Саратов из Пензенской области, где родился Сергей. И хотя сейчас в годах уже немалых, продолжает трудиться слесарем в автотранспортном предприятии.

Поселились они в районе НИИ сельского хозяйства Юго-Востока — поля институтские рядом, прямо к городу подбираются, дороги просторные. Не раз отец сажал сына в кабину, чтобы показать ему, по этим дорогам ко-леса, какова она, шоферская работа.

Только у Сергея другая была думка, держал он ее при себе несколько лет.

Решил он стать офицером-ракетчиком, поступать в военное училище. Только если для взрослых это явилось неожиданностью, то для тех ребят, кто год за годом подрастал на здешней северной окраине Саратова, никаких секретов в этой тяге к офицерским погонам не было.

Все просто. В жилом микрорайоне НИИ находилось старейшее в стране (год рождения 1918-й) танкотехническое училище, которое сейчас стало Высшим военным

командно-инженерным училищем ракетных войск имени А. И. Лизюкова. Но вернемся в послевоенные годы, когда его проходная привлекала мальчишеские взгляды и сердца. Ведь прямо к стадиончику у школы примыкал танковый парк, где стояли учебные «тридцатьчетверки», а чуть в стороне находилось кладбище трофейных танков. Их когда-то также изучали курсанты, после чего стальные коробки отправлялись на металлолом.

Но представляете, какой притягательной была эта грудка металла для мальчишек с окрестных улиц? Полазить по броне, потрогать люки, покататься на стволе пушки, если башня еще вращается... Нет, что ни говорите, дорожке «железок» для подростка нет ничего.

Помнит Сергей, как и сверстники его, и другое. Курсантские песни, что доносились с плаца, колонны машин, выезжающие на учения, парней в строгой форме с погонами. Школьные экскурсии в музей, где его общественный директор И. М. Степанов так увлекательно говорил о ратной славе учебного заведения... Да обо всем расскажешь ли? Нет, не в минутном порыве, обдуманно и уверенно сказал вчерашний школьник родителям:

— Пойду в училище Лизюкова!

И... не поступил. А обиднее всего было то, что дело все оказалось не в нежелательных «неудах» или тройках, что порой «украшают» экзаменационный лист. Сергей даже не был допущен к экзаменам: не прошел медицинскую комиссию.

Сказать по правде, в это трудно поверить тому, кто знает Мартынчева. Рост, правда, средний, но строен, плечист, физически хорошо развит, спортивен. Но, как оказалось, тогда подвел Сергея именно рост: выпускник средней школы вырос всего на... метр сорок девять сантиметров. «Забраковали...»

За сына «взялась» мама — инженер НИИ сельского хозяйства Юго-Востока. Логика ее была простой: коль отец не склонил сына к шоферскому делу, почему бы ей не попробовать его на свою стезю направить? Тем более что до призыва в армию время еще есть — пусть подышит институтским воздухом. Так в отделе механизации НИИ появился лаборант-чертежник Сергей Мартынчев.

— Правда, — улыбается он, — заметного следа в биографии института я не оставил. А если серьезно говорить, то чувствовал — это временное, перепутье, не мое призвание. Да и голова уже другим была занята.

— Об армейской службе думали?

— Конечно! Но, знаете, опять-таки применительно к училищу, с мыслью о котором не расставался. Считал — пока это отсрочка, которая, впрочем, на пользу пойдет. Армия к офицерской учебе лучше подготовит.

— Оно так, но на службе-то ведь непросто.

— Меня это не пугало. Или это я сейчас, задним числом, так осмелел? Да нет, шел служить с интересом, да и в запасе кое-что имелось. Школу закончил хорошо, со средним баллом «четыре», спортом занимался, на стадионе «Авангард», это около поселка Мирный, своим человеком был. Первый разряд по футболу, второй по хоккею с шайбой. В общем, парень, как говорится, подготовленный. Эх, если бы не рост! Но и тут мне армия на выручку пришла. Ведь я за два года на двадцать сантиметров вырос, представляете! Вся медсанчасть удивлялась...

Весенний призыв 1976 года в Саратове. В те апрельские дни Сергей Мартынчев, можно сказать, впервые почувствовал, что же это такое — скорость жизни, затягивающая в свою орбиту быстрых решений и поступков. Повестка в Ленинский райвоенкомат, «...иметь при себе все необходимое». Оттуда — в областной, походный марш на вокзал, и вот уже поезд везет к месту прохождения срочной службы.

Началась она у Сергея 4 мая в учебном полку, скоро он стал радиотелеграфистом. В этой скорости освоения военной специальности сказались навыки, приобретенные в Саратове, в учебной школе ДОСААФ. Занимался в ней с дальним, как оказалось, верным прицелом. И вот уже Мартынчев сержант, начальник радиостанции в танковом полку. Отличник боевой и политической подготовки, удостоен ряда благодарностей. Активный комсомолец, через год — наставник молодых воинов, классный специалист. А еще — известный в подразделении футболист, играл правым защитником за свою роту, потом за батальон. На поле, как и везде, старался думать и действовать быстро, четко, целеустремленно. Получалось...

* * *

Весной 1978 года его встречали дома, в Саратове, мать, отец, сестра. И снова полетели дни. Двухлетняя разлука с родными местами нелегка сама по себе, а уж если это армейская служба — тем более. Кто переступал

домашний порог, снимая китель и надевая ставшие вдруг тесными гражданскую рубашку и костюм, в которых танцевал на школьном выпускном вечере, тот знает, как волнуют, радуют и одновременно тревожат эти минуты. Позади еще один рубеж биографии, настает пора нового жизненно важного выбора — думай, думай...

С костюмом у Сергея все ясно было: так сильно вырос парень, пришлось родным раскошелиться на новую экипировку. Охи и ахи продолжались несколько дней, пока ходил демобилизованный сержант по родным и знакомым, встречался с друзьями, навещал школу.

Но вся эта радостная суeta, будь то дома или в гостях, никак не могла, рассказывает Сергей, заслонить вопрос: что же дальше? Как ни приятно это времяпровождение, оно должно кончиться каким-то решением!

— Это я сейчас сознаю,— улыбается наш собеседник,— что моя дорога в органы внутренних дел была, в общем-то, проторенной. Так приходят в милицию тысячи и тысячи моих сверстников. Армейская школа дает две важнейшие вещи — воинскую науку и политическую зрелость, ты возвращаешься не только физически окрепшим, но и возмужавшим, с четким пониманием своей ответственности, с желанием отблагодарить за то, что дали, чему научили в первые двадцать лет твоей жизни.

...Тот разговор с отцом состоялся у них в такой же майский день, в какой два года назад Сергей маршировал со сверстниками на Саратовский железнодорожный вокзал. Алексей Иванович работал в то время в институте Юго-Востока на легковушке. Решил съездить на дачу. У Мартыновых небольшой участок возле зональной опытной станции, как раз пришла пора рассадку в грунт высадить, другие неотложные весенние дела на даче поделать. Сына прихватил с собой.

Сергей по физической работе соскучился, поехал с охотой и за отцовский руль сел, когда за город выехали, тоже с удовольствием.

— Чему улыбаешься-то? — впрочем, отец, глядя на веселого сына, и сам не мог сдерживать улыбки.

— Хорошо дома, папа!

И правда, день стоял чудесный. Слева и справа убежали назад ярко-зеленые посадки, впереди за дорожными подъемами угадывалась Волга, поднимешь глаза вверх — яркое синее небо. А когда приехали на участок, увидели: набухли вот-вот готовые брызнуть весенним цветом яб-

лони и вишни, и хотя листва была еще небольшой, но так трогала свежестью и новизной! Родная земля...

— Пап, знаешь, я решил — никуда не поеду, — это Сергей сказал уже на обратном пути. Сказал негромко, задумчиво, но твердо. Отец понял, промолчал. Вот и ответил сын на письмо из одного московского училища, переписка с которым началась еще в армии. Лишь через пару минут Алексей Иванович спросил:

— А как насчет аэропорта? Ты ж так технику любишь!

— Хорошо бы, конечно, пап. Только я от той еще, давнишней, мечты не отказываюсь. Вот походил неделю без армейской формы, а уже тянет. А если совместить службу с техникой?

— Как же это?

— Не догадываешься, пап? — Сергей повернулся к отцу и кивнул на руль, на котором спокойно лежали его руки. И, опережая следующий вопрос отца, закончил: — Пойду в милицию, точнее, госавтоинспекцию.

Не знал Алексей Иванович, не говорил ему до поры Сергей, что приготовил все документы, армейские характеристики, направление из райкома комсомола, чтобы пойти с ними в областную ГАИ. Решение это созрело несколько дней назад, но думал об этом вчерашний сержант-радиотелеграфист, видимо, давно.

Вот так и состоялась встреча Сергея со старшиной Ивановым.

Сейчас, по прошествии времени, подводя итог бесед с Сергеем Мартынчевым, со многими его коллегами, понимаю — иначе быть не могло. И все-таки одолевают сомнения — так ли уж твердо стоят на избранном пути Мартынчев и многие такие же, как он, пришедшие на службу в органы внутренних дел.

— Нет, вы, конечно, правы, — не задумываясь, утверждает заместитель начальника Саратовского городского управления внутренних дел подполковник милиции Николай Дмитриевич Дорошин. — А ларчик открывается просто, наши подразделения пополняются молодежью — людьми образованными, ищущими, выбравшими дело по душе. И интересное, замечу, дело! Тут и наука, будь то юриспруденция, многие прикладные дисциплины, и техника «на грани фантастики» — от приборов ночного видения до сложнейшей аппаратуры у криминалистов. А чувство локтя в строю? А спорт? А режим, дисциплина?

— Ну, а что касается ГАИ?

— Госавтоинспекция? Лучше службы не бывает! Уважаю Маяковского, но его знаменитое «жезлом правит, чтоб вправо шел», — это вчерашний день ГАИ. Мощные автомобили, высший класс управления ими, сложнейшая техника, вплоть до радаров, — разве с этим не интересно встречаться каждый день? Конечно, при всем этом и уличные регулировщики по-прежнему необходимы, но ведь и от милиционера с жезлом сейчас очень многое требуется — смелость, умение принимать решения мгновенно, наблюдательность, коммуникабельность — да разве все перечислишь? Как говорится, улица полна неожиданностей!

— Мне кажется, Сергей относится к той категории ваших работников, которые влюблены в свою профессию.

— Влюблен? — улыбается Н. Д. Дорошин. — А что тут удивительного? Он далеко не одинок в своей привязанности к милицмейской службе. Такие, как Мартынчев, отдают ей все — время, силы, энергию. И это их потребность, потому что иной жизни, простите мне громкие слова, каждый из нас, от новичка-рядового до офицера-ветерана, просто не мыслит.

* * *

...Та свадьба была шумной, ее праздничный кортеж протянулся на десятки метров. Это видели Сергей Мартынчев и его товарищи по взводу ГАИ. Они, как говорят автоинспекторы, находились на обслуживании: сопровождали эскортом зарубежную делегацию, и, пока гости возлагали венок у Вечного огня, «канарейки» стояли возле площади Революции. Сюда-то и подлетела свадебная кавалькада: четыре-пять автомобилей, украшенных лентами и цветами, а за ними шестерка мотоциклистов.

«А вот это уже ни к чему», — подумал Сергей и направился к головному мотоциклу. Старался говорить негромко: молодые и их друзья, тоже с цветами, были недалеко.

— Нарушаете, молодой человек!

— Что вы, сержант, ведь это же свадьба!

— Вижу, что свадьба! А вот ваши мотоциклы тут ни к чему, разве не знаете, что такое сопровождение в городе запрещено? Посмотрите, на сколько метров ваша колонна растянулась! А перекрестки, а повороты! Не

успеете ведь под разрешающий сигнал светофора все проехать!

Подшли другие водители мотоциклов. Началось препирательство, но Мартынчев прекратил его быстро. Впрочем, ребята оказались, как говорится, с понятием, как и жених с невестой. С площади кортеж уехал в «укороченном виде»: мотоциклы остались на месте. Сергеем стало не по себе от огорченных лиц мотоциклистов. Отойдя было, он снова вернулся к парню, с которым разговаривал.

— А водишь ты свою «Яву» классно! Как зовут-то?

— Косов, Игорь,— буркнул тот.

— Ну, не дуйся. Правила знать надо!

— Да знаю я, шофером работаю. Хотелось, чтобы поторжественнее.

— Нельзя, брат, понимаешь ведь. Так что езжайте с ребятами по домам. И знаешь что... Приходи завтра ко мне в ГАИ! После работы сможешь? Разговор есть. Спросишь Мартынчева.

— Это чтобы шофер да в инспекцию добровольно приехал?!

Оба рассмеялись. А назавтра Игорь Косов все-таки появился в ГАИ. Видел Сергей, как робко шел по коридору парень, вчера бывший задиристым, острым на язык. И понял, что так же выглядел, вероятно, он сам, когда впервые увиделся со старшиной Ивановым. Подумав об этом, покраснел, как и тогда, и вытер ладонью вдруг вспотевшие усы.

* * *

Как и тогда... Первый развод. Взвод инспекторов госавтоинспекции выстроен в Ленинской комнате. Такой обычный: опытные сотрудники милиции встречают новичка в строю. Неполон, правда, строй, уже начались часы патрульной службы, но те, кто пока здесь, рады вновь прибывшему. Инспектор по кадрам старший лейтенант Ю. А. Гагин представляет взводу Сергея Мартынчева:

— Вот ваш новый товарищ!

Короткие слова биографии: учился, служил. Сергей не услышал в волнении команду «Разойдись!» и не заметил, как оказался в кругу ребят. Понял только: теперь они его однополчане, и разница лишь в том, что на парнях не зеленые гимнастерки, а голубые милицмейские рубашки-форменки. Служба продолжается.

Иванов так и не отпустил от себя новичка. Взял в подшефные. С ним первое время и катались на канареечного цвета «Жигулях», только Сергей занимал не водительское место — пассажирское. Да так старательно занимал, что вечерами правый бок «стваливался». Все время сидел, полуобернувшись к Якову Александровичу, смотрел, как тот колдует над рулем и педалями управления, еще больше следил за его цепким и придиричвым взглядом, направленным сквозь ветровое стекло на запруженные народом и транспортом улицы. Нелегкая наука...

— Первое,— говорил старшина,— учись применять правила дорожного движения на улице, шоссе, автостраде. Второе...

Это «второе» оказалось посложнее. Мартынчев никогда не забудет первое совершенное им задержание, не без юмора вспоминают об этом его товарищи. В Ленинском районе «взял» он пьяного тракториста на «Беларуси» с экскаваторным ковшом. Дело, конечно, не геройское, пришлось «мчаться» со скоростью 10—15 километров в час на сиденье трактора: напарник вез на «канарейке» незадачливого экскаваторщика. И все-таки впервые под протоколом задержания тогда значилось «С. Мартынчев». А потом случаи посложнее пошли, о них-то и предупреждали Иванов, товарищи по взводу: ДТП — дорожно-транспортные происшествия. Вдребезги разбитое ветровое стекло, кровь на асфальте, в свете фар — «Скорая помощь» на ночном шоссе, носилки, безжизненные тела. Рулетка, замер тормозного следа. Попытка найти точный и быстрый ответ — кто виноват, кто нарушил правила дорожного движения?

— Это всегда нелегкие минуты,— задумчиво говорит Сергей.— Нелегкие для любого из нас, «гаишников». Со многими пришлось выезжать на происшествия — при этом равнодушными люди не остаются. Мчишься со скоростью ветра по шоссе Саратов — Волгоград куда-нибудь к Красноармейску, откуда получен сигнал о ЧП, или находишься на оживленной саратовской улице, когда к месту происшествия в считанные минуты собирается толпа непрошенных зрителей, считайте, зевак, ты должен быть хладнокровным, действовать быстро и четко, должен быть спокойным при виде покореженного кузова автомобиля, работающего автогена, без которого не избавить пассажиров от плена в салоне «Жигулей» или «Москви-

ча», и нет для тебя щедрых на реплики горожан. Работа, работа... Во имя ответа на главный вопрос — кто заслужил наказание? Во имя справедливости, значит, во имя закона.

К счастью, служба состоит не из одних ЧП — на то они и чрезвычайные, что случаются редко. А госавтоинспекция и работает для того — чем реже, тем лучше, пусть бы совсем дорожно-транспортных происшествий не было. Увы, это нереально. Но стараться-то надо! Того же мнения и напарник Сергея, сержант Григорий Колбасов, — за многие часы патрулирования они сотни километров по городу проехали, обо всем на свете, кажется, поговорили. А цель одна: работают для того, чтобы предупредить аварии, столкновения, всяческие нарушения правил дорожного движения. И не только теми, кто за рулем, но и пешеходами.

Какая же она, обычная работа? У Сергея Мартынчева привычный маршрут — от железнодорожного вокзала по проспекту Ленина до улицы Радищева. Места оживленное найти трудно. Вот почему так постоянно внимателен автоинспектор, его «Волга» с номером 77-20, кажется, движется неторопливо, но это только кажется. И сержант милиции видит все. Вот поток машин двинулся по «зеленой волне» — так рассчитанному одностороннему движению по проспекту, что, двигаясь с определенной скоростью, машины все время, не останавливаясь, будут проезжать перекрестки под разрешающие зеленые сигналы светофоров. Но что это? На улице Рахова, торопясь, видно, в магазин, пытается перебежать дорогу женщина. Автобусная остановка, а рядом у бордюра белая «Волга», около нее — милиционер с повязкой патрульного на рукаве и энергично жестикулирующий мужчина, видно, шофер. Кажется, надо вмешаться...

И так час за часом. Взгляд, привычно обегая проспект, мгновенно оценивает обстановку, безошибочно реагирует на поток машин, толпы людей на тротуарах. А в голове — полученная перед заступлением на дежурство ориентировка: поступили сведения об угоне машины, цвет, номер... Негромко мурлычет включенная рация, установленная в кабине, и в любую минуту сержант Мартынчев готов, выполняя приказ дежурного ГАИ по городу, помчаться туда, куда прикажут. Эти канареечного цвета машины и мотоциклы находятся на многих улицах Саратова, охраняя покой людей, пресекая любое нару-

шение правил движения, преследуя и задерживая преступников за рулем — нетрезвых водителей, лихачей, угонщиков.

* * *

Угон... В госавтоинспекции вряд ли отыщется термин тревожнее, напряженнее. Потому что угонщик — это огромная опасность для окружающих, для десятков и десятков горожан. Оставил ли растяпа-шофер на улице машину с работающим мотором, забежав на минутку в кафе выпить стакан лимонада, бросил ли у обочины шоссе мотоциклист своего «нжа» — любителям покататься с ветерком вполне достаточно этого короткого времени. И вот уже мчатся по городским улицам ЗИЛ или «Ява», управляемые человеком, не отдающим отчета в своих поступках, будь то резвящийся подросток или великовозрастный искатель приключений, такие чаще всего бывают во хмелю.

Несется машина, жалобно свистит резина колес на поворотах, а скорость все выше, потому что угонщик почувствовал за спиной погоню. Знает он, что в эти минуты автоинспекторы и их добровольные помощники — дружинники — перекрывают все возможные пути его следования, стараясь взять преступника в кольцо, до предела ограничить возможности маневра. Какой сотрудник ГАИ в такое время не будет из всех сил стремиться обезопасить людей? Они спокойно идут по тротуарам, не подозревая, что сюда вот-вот может выскочить потерявший управление автомобиль, руль которого скачет в руках обезумевшего, перетрусившего нарушителя. Потоки горожан, не торопясь, по «зебрам» проходят перекрестки, не зная, что для угонщика уже не существует светофоров... Чрезвычайная опасность!

...В тот августовский день Сергею досталось порядочно. Он участвовал в городском рейде ГАИ. Последний, как думали, нарушитель появился в поле зрения в половине первого ночи. В «Волге» Мартынцева сидели инспектор дорожно-патрульной службы Сергей Борисов и старший дознаватель Андрей Лихтенвальд. У Борисова на коленях «Радар» — прибор для определения на расстоянии скорости движения автомобиля.

Но и без «Радара» было ясно, что эти «Жигули» превышают скорость, торопясь куда-то по ночным улицам Саратова. У ресторана «Радуга», где заметили нарушите-

ля, он на сигнал остановиться не среагировал. Погоня... На улице Азина сидящий за рулем Мартынчев вспомнил, что тут есть отличное место для ловушки — кооперативные гаражи. Вот бы «отжать» «Жигули» к их лабиринту. Удалось, нарушителя загнали в тупик, и он вынужден был выключить мотор.

Через пятнадцать минут «Волга» с номером 77-20 и «Жигули», за руль которых пересел Борпсов, были возле трамвайного парка — там находится пункт медицинского освидетельствования ГАИ.

— Вы ведите гражданина, — сказал Сергей товарищам по патрулю. — Я у машины побуду, рацию послушаю.

Остался один. Прохаживался у «Волги», разминая затекшие за день ноги, прислушивался к бормотанию работавшей рации. Но услышал и другое — шум мотора, приближающийся по улице Посадского со стороны Аткарской. «ЗИЛ, — определил Мартынчев, — идет под восемьдесят». Когда грузовик поравнялся с воротами трампарка, сержант засвистел в свисток. Куда там! Вильнув колесами, машина помчалась к улице Степана Разина.

Тут-то ее и догнал автоинспектор. Приказал, теперь уже сигналами фар, остановиться — бесполезно. Прибег к способу, который на ночных улицах не очень-то годился:

— Водитель ЗИЛа, немедленно остановитесь!

Этот приказ Мартынцева прозвучал по ГУ — громкоговорящей установке, которой снабжена патрульная машина ГАИ. И опять напрасно, ЗИЛ не только увеличил скорость, но стал мотаться от бордюра к бордюру, не давая обогнать себя.

Сергей тоже переключил передачу. Теперь быстрота движения «капарейки» должна была сочетаться со скоростью мышления ее водителя.

— Я — «Двадцатый», — Мартынчев включил рацию. — Преследую нарушителя!

— Вас понял, — раздался ответный голос. — Действуйте по обстановке, держите нас в курсе.

— Слушаюсь!

Во время патрулирования переговоры дежурных ГАИ по городу с командирами взводов, другими патрульными машинами и мотоциклами ведутся почти постоянно. Такая служба! На одном конце города берется в кольцо угонщик, на другом — идет преследование нарушителя

скоростного режима, тут — столкновение на автотрассе, там — дорожная пробка. К любому из этих происшествий в Саратовской ГАИ относятся спокойно. Не потому, что привыкли, очерствели, — просто хладнокровие помогает в работе лучше. Так что и сообщение сержанта Мартынцева особого переполоха не вызвало: задержит, он инспектор хотя и молодой, но уже достаточно опытный.

А ЗИЛ и «Волга» уже находились на улице Кутякова, только неслись теперь в другую сторону, к железнодорожному вокзалу. Тут у Сергея и вовсе не заладилось: трамвайные рельсы мешали ему, хотя улица и широкая, обогнать грузовик и стать поперек дороги, вынуждая нарушителя остановиться. Снова выросла скорость, убыстренным калейдоскопом мелькали за боковыми стеклами окна погруженных в ночь домов.

Поворот налево по Аткарской, путь сужен до предела: справа вереница припаркованных до утра троллейбусов. Проспект Ленина — тут обязателен поворот направо, на привокзальную площадь. Но для грузовика правил нет, он минует проспект и едет прямо по Аткарской.

И тут Сергей еще издали увидел идущее навстречу такси. Посигналил ему из-за грузовика: тормозни, мол, поставь свою машину поперек, мы грузовик вдвоем в клещи возьмем. Но «Волга» со светящимися шашечками на крыше круто свернула вправо. Что ж, в таких случаях человеку не прикажешь, решение принимает его совесть.

Новые километры по городу. Впереди — болтающийся из стороны в сторону ЗИЛ, за ним — постоянно готовая ринуться в любую щель, на обгон, милицейская «Волга». Продолжается преследование по пустынным — второй час ночи — городским улицам. На Рабочую, под железнодорожный мост... 2-я Садовая.

Снова зашуршала рацния.

— «Двадцатый», где находитесь?

— На Новоузенской, идем вверх. Пока ЗИЛ обойти не удастся.

— Вас понял. Даю вызов патрульным машинам, тем, кто к вам поближе. — И через минуту: — Скоро будет помощь, «Двадцатый»! Но пока патрули далеко, продолжайте преследование сами. Не отрывайтесь от нарушителя!

— Есть, не отрываться!

Бежали минуты... Теперь только сержант понял: водителя ЗИЛа была определенная цель: добраться сюда,

в Агафоновский поселок. «Знает эти места», — подумал Сергей. Уверился в этом еще больше, когда грузовик начал колесить по узким немоощным проулкам. Расчет был простой: где ЗИЛ пройдет, там «Волга» или застрянет в колдобинах, или вынуждена будет на бездорожье сбросить скорость, отстать. Да не на того напал!

За густым шлейфом пыли еле угадывался задний борт грузовика, «канарейку» кидало из стороны в сторону, визжали тормоза, раскалилась коробка скоростей. Но «Волга» не отставала, а потом Сергей стал почему-то узнавать редкие приметы ночных улиц Агафоновки. «Ведет меня кругами, — четко зафиксировал он. — Значит, выдыхается».

Но, кажется, нарушитель понял, что его план рухнул и в Агафоновском поселке его рано или поздно окружают патрульные машины. И он снова кинулся на Новоузенскую, а оттуда, видимо, решил подниматься в пригородный лесной массив, на Кумысную поляну. Это уже напоминало метания преследуемого хищника.

— «Двадцатый», я — «Пятьдесят седьмой»! Ты где? — вызывала рация. Это инспектор Василий Козлов на «Волге» номер 77-57.

— На Новоузенской, идем к Кумысной!

— Понял, следую за тобой. Держись!

— «Двадцатый», тебя тоже слышу, сейчас догоню, — это уже командир их взвода Алексей Чурилин.

Не знал Мартынчев, что по объявленной дежурным ГАИ по городу тревоге на западную окраину Саратова спешили и другие патрули. Происшествие приняло характер чрезвычайного.

И вот уже по лесной дороге идет колонна — ЗИЛ и следом три «канарейки». На узкой ленте и двум машинам не разойтись, как тут предпринять обгон? Справа и слева — стена леса.

Да, лес стал союзником нарушителя, направлявшегося в сторону Поливановки. Командир взвода связался по рации с дежурным городской ГАИ: на всякий случай надо выслать навстречу машины из Ленинского района, а Мартынчеву и Козлову передал по рации:

— Из леса ЗИЛ не выпустим! Дел он в городе натворит будь здоров, на все, кажется, готов. На границе леса будем применять оружие!

Интересно было бы увидеть эту гонку со стороны: вихляющийся, надсадно ревущий усталым мотором гру-

зовик и преследующие его «Волги», как будто привязанные. Только передняя из них, на которой Мартынчев, раз за разом делает рывки слева и справа, пытаясь пристроиться борт о борт с ЗИЛом. Фары выхватывают из темноты стволы деревьев, кустарник. Вот один за другим плеснули из-под колес фонтаны брызг,— лес хранил еще следы недавнего дождя.

За рулем грузовика сидел профессионал. Но преследовали его профессионалы вдвойне. И не выдержал нарушитель, сказала усталость от ночной погони. Дорога нырнула в небольшую ложбину, на дне которой скопилась вода. ЗИЛ забуксовал, его мотор взревел, пытаясь вынести машину на склон. Но сзади скрипнули тормоза «канарейки», хлопнула дверца, и нарушитель увидел, что от «Волги» бежит к нему человек в милицмейской форме. Что-то оборвалось под сердцем, и водитель, толкнув плечом дверцу кабины, прыгнул в темноту...

Надо же было нарушителю споткнуться и растянуться на траве! Настигший его Мартынчев перелетел через распростертое тело, а когда поднялся на ноги, рядом никого не увидел. По шуму моторов понял, что его товарищи подъехали поближе, разворачивают машины, лавируя между деревьями. И вот в лес протянулись желтые ленты света от включенных фар. Подошел командир взвода, теперь они вдвоем осматривали кусты.

— Он где-то здесь! — и оба затаили дыхание, пытаясь услышать неосторожный шорох. А когда глаза привыкли к свету, Сергей увидел в трех шагах от себя забившуюся под куст фигуру.

— Встать! Допрыгался...

И вот нарушитель — опять угонщик, естественно, без документов,— доставлен в спецприемник. Им оказался шофер одной из саратовских автоколонн. Будучи направлен на сельхозработы в Новобурасский район, вечером угнал оставленный без присмотра ЗИЛ и отправился погостить в Саратов. Жил он, кстати, в Агафоновском поселке, но родные стены не помогли преступнику уйти от преследования.

* * *

Да, с завидной скоростью началась служебная биография героя нашего очерка в органах внутренних дел, где он выбрал работу в госавтоинспекции. В течение счи-

танных месяцев Сергей овладел навыками нелегкого, порой опасного дела и продолжает совершенствоваться в нем.

Помощь товарищей, наставничество старших, профессиональная учеба... Сержантом милиции Мартынчев стал, окончив специальную школу подготовки. Изучал углубленно правила дорожного движения и юридические дисциплины, посещал занятия специальные и политические, осваивал криминалистику и учился точно и правильно составлять сложную документацию. Ясна и дальнейшая программа — двухгодичная школа милиции, которая даст инспектору дорожно-патрульной службы офицерское звание и среднее техническое образование.

И уже сейчас в личном деле Сергея — благодарности за задержание угонщиков и за образцовое содержание техники, за бдительность и добросовестное отношение к служебным обязанностям. Это вехи биографии человека, который верно нашел свое призвание, придя в органы внутренних дел по путевке комсомола, и оправдывает высокое доверие образцовой службой.

«Неудачник»! Теперь это слово Сергей Мартынчев произносит разве что с улыбкой. Да, он не стал офицером-ракетчиком, но, как и мечтал, носит на плечах погоны. А погоны в нашей стране означают одно — служение народу, верность долгу, во имя его на избранном пути набираются еще более высокие жизненные скорости.



В. СЕРОВ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО АКСИОМЫ

В конторе пропали ножницы. ЧП? Да нет, конечно, — мелочь. Поворчали сотрудники, пожаловались завхозу, та, в свою очередь, поворчала на них, сказала, что на складе ножниц нет, в продаже — тоже редко появляются: выкручивайтесь, как

хотите, где потеряли — там и ищите. Но все-таки дня через три принесла новые ножницы. Инцидент был исчерпан.

Так ли?

Почему же остался неприятный осадок на душе у большинства из работающих в отделе, почему эти несколько дней как-то неловко было смотреть в глаза друг другу всем пятерым, работавшим в одной комнате? Почему и потом, через много дней, как только попадались в руки злосчастные ножницы, вдруг само собой начинало портиться настроение? Ножницы — не иголка, в щель не провалятся, а ведь так и не нашлись!

...На лестничной площадке кто-то вывернул лампочку. Каждый раз, спотыкаясь во тьме о ступеньки, недобрым словом вспоминаешь этого человека. Кого? Если бы знать этого крохобора...

...Закончился процесс над группой расхитителей. О нем написано в областной газете.

Еще совсем недавно осужденные работали в коллективе, назвать их до суда преступниками ни у кого из знакомых просто язык не повернулся бы. Уважаемые, нормально работающие люди. Теперь же их всенародно называют ворами...

А есть ли, с нравственных позиций, разница между ними и тем, кто унес домой ножницы, принадлежащие отделу? И тем, кто тайком выворачивал лампочку в подъезде?

С точки зрения уголовной ответственности, конечно, есть. А с точки зрения морали?

В Управлении внутренних дел Саратовского облисполкома меня познакомили с делом о хищении запальных свечей с завода в городе Энгельсе. Стоимость похищенной продукции — свыше ста тысяч рублей. Только в качестве обвиняемых к суду привлечено двадцать два человека. Восемнадцать томов дела подробно рассказывают о том, как шло следствие, как напряженно работала мысль следователя, как отчаянно сопротивлялись преступники. Не было погонь и стрельбы, но история психологической борьбы, продолжавшейся восемь месяцев, достаточно интересна и заслуживает, чтобы о ней вспомнили и сейчас, когда часть преступников уже отбыла наказание. Все фамилии, кроме следователей, по понятным причинам изменены, но возвратиться к делу, порассуждать о нем стоит хотя бы потому, что речь здесь идет о явлениях, имеющих, к сожалению, достаточно широкое распространение.

Среди обвиняемых представители различных профессий: инженер, мастер, рабочие, снабженец, торговые работники. Разными путями пришли к преступлению эти люди, некоторые из них лишь на скамье подсудимых впервые увидели друг друга. Одни нарушали закон сознательно, знали, на что шли, для других преступление было случайным — можно надеяться, что оно окажется первым и последним в их жизни.

Способствовал совершению преступления целый ряд причин: недостаток контроля, учета, неразбериха в производстве, трудности со снабжением предприятия.

Очерк называется «Доказательство аксиомы». Известно каждому, что аксиома — это истина, не требующая доказательств. Тем не менее в жизни часто приходится доказывать самые простые истины. Трудно понять, почему это происходит. Знают, например, все, что на красный свет светофора улицу переходить нельзя. Общество, установившее такой порядок, предупреждает, что при нарушении этого правила человек может попасть в аварию, исковеркать себе жизнь, а то и вовсе ее потерять. Выигрыш секунды может обернуться катастрофой. И что же? Посмотрите на перекрестки. Если нет поблизости милиционера, сколько людей, довольно почтенных с виду, летят напропалую на красный свет! Потом, когда случается несчастье, клянут себя за глупую торопливость. А что,

разве раньше не знали о возможных последствиях? Почему доказанное и проверенное на тысячах людей обязательно нужно испытать еще и на себе?

Но это — о красном свете, об истине, так сказать, переменного характера. Не исключено, что завтра общество придумает какую-либо новую, более эффективную систему сигнализации, и мы забудем о светофорах. Или транспорт будет совсем иным.

Но есть нормы вечные, более серьезные, более общие. Касающиеся всех. Нарушение их осуждается не только существующим в определенное историческое время порядком, но и моралью. Моралью всего народа.

«Нельзя воровать» — кто не знает этого? Для большинства людей взять чужое — акт немислимый. Не закон, не страх перед наказанием, а в первую очередь собственная совесть не позволит покуситься на чужое добро. Почему же некоторые все-таки протягивают руки к не принадлежащему им лично?

Видно, по какой-то причине, по каким-то обстоятельствам истина, понятная всем, не является таковой для этих людей. Почему так произошло? Какие недоработки общества, какие наши пробелы в воспитании сказались в данном случае?

На примере участников дела о хищении запальных свечей давайте порассуждаем на эту тему...

Очерк называется «Доказательство аксиомы» еще и потому, что следователям почти с самого начала было ясно, кто нарушил закон, основную энергию им пришлось тратить не на розыски преступников, а на то, чтобы собрать четкие, ясные и неопровержимые доказательства, создать такую их цепь, чтобы никакие ухищрения людей, стремящихся уйти от ответственности, не могли ее разорвать.

1

Работники милиции вышли на это дело, казалось бы, совершенно случайно. Все началось с того, что со станции техобслуживания пропали скаты. Подозрение в их хищении пало на некоего Александра Штырева, человека «без определенных занятий», известного в милиции. Штырев имел от знакомых доверенность на управление автомобилем «Москвич» и время от времени исчезал из города. В сопровождении девиц отправлялся в дальние поездки.

ки и, как было известно, денег в этих поездках особенно не жалел.

Поиск скатов привел в гараж Штырева. Когда производили обыск, милиционер-водитель, стоявший у дверей гаража, приглядевшись к ящикам, лежавшим в углу, удивленно воскликнул:

— Смотри-ка, свечей нигде нет, а тут целый склад!

Скаты в гараже нашлись, но, естественно, у Штырева поинтересовались, где он взял столько запальных свечей и что с ними собирается делать.

Путанные ответы Штырева утвердили работников милиции в подозрении, что они вышли на след другого, более крупного преступления. Приказом по областному Управлению внутренних дел была создана оперативно-следственная группа в составе трех человек. В группу вошли опытные следователи Геннадий Григорьевич Вотяков (руководитель), Анатолий Михайлович Маскин и Геннадий Васильевич Сисин. Следствие поначалу не представлялось сложным: никто тогда не предполагал, что оно продлится восемь месяцев, втянет в свою орбиту около сотни людей, заставит исколесить тысячи километров по следам преступников.

Геннадий Григорьевич Вотяков имел солидный стаж работы следователем. После службы в армии он поступил в Саратовскую школу милиции, в 1962 году закончил ее и был направлен на работу в Астраханскую область. На родину вернулся через семь лет. Вдумчивый, спокойный, несуетливый, таким он остался и в работе, а значительный опыт помог ему выработать систему, наиболее подходящую его характеру, а потому и наиболее эффективную. Если попытаться найти этой системе краткое определение, то, пожалуй, ее можно выразить известной фразой «Поспешай медленно». Видимо, наиболее полное впечатление о рабочей манере Вотякова создаст упоминание о его любимом увлечении — занятии инкрустацией, причем одним из самых кропотливых ее видов — интарсией. Только очень терпеливый человек может часами, а то и годами (над последней вещью, например, Вотяков работал два года) подбирать из пластинок цветного дерева то или иное изображение. И не раз так было, что, закончив работу, Геннадий Григорьевич, не удовлетворенный результатом, принимался все переделывать вновь. Чуть забегая вперед, скажу, что для занятий любимым делом Вотякову, когда он работал сле-

дователем, почти не оставалось времени — большую часть года (это не преувеличение) он проводил в командировках. И так нелегкий труд следователя — постоянное противоборство с преступником, а тут еще добавляется неустроенность в режиме, — удивительно ли, что многие следователи не выдерживают и прощаются с любимой работой? После одного особенно хлопотливого года — около двухсот пятидесяти командировочных дней — не выдержал и капитан Вотяков, перешел на должность начальника паспортного стола в Ленинском районе. И там трудился честно, писали о нем в центральной печати. Представилась в это время возможность посвятить больше времени своему увлечению, и наверняка, когда подбирали один к другому цветные кусочки дерева, вспоминал о своей бывшей работе: точно так же приходилось подбирать деталь к детали, факт к факту, одну черточку характера преступника к другой, прежде чем в уме и в документах складывалась полная, объясняющая суть дела картина. Впрочем, период «измены» главному делу жизни был недолгим: подполковник милиции Вотяков работает сейчас начальником следственного отдела Саратовского городского УВД.

Прежде чем приступить к допросу Штырева, Вотяков постарался получить максимальную информацию о нем. Местные работники знали Штырева как неисправного тунеядца: время от времени он устраивался на работу, но долго не задерживался нигде, жил, перебиваясь случайными заработками. В общем-то, один из постоянных источников доходов Штырева работникам милиции был известен: «калым» на машине, но сам Штырев доказательств на себя в милицию не приносил, а заниматься им всерьез просто не доходили руки. Тем более что поведение его не было вызывающим; даже когда у него появлялись довольно крупные деньги, он не слишком широко и заметно для чужого глаза тратил их. В материалах дела хранится характеристика Штырева, написанная Вотяковым (мы к ней еще вернемся), заключают ее слова, которые не слишком соответствуют сложившемуся в общественном сознании образу преступника: «Не пьет почти».

Что еще известно было о Штыреве, на что сразу же обратил внимание следователь?

Учился в школе умственно отсталых детей. Так что

рассчитывать Вотякову на «интеллектуальные» беседы с подозреваемым не приходилось, хотя по своему опыту он знал, что факт учебы в подобной школе еще ни о чем не говорит: бывает, у детей просто задерживается развитие, отставание от сверстников, а случается порой, что человек, не способный легко понять школьную программу, в других вопросах, в житейских, оказывается поумней первых отличников. Впрочем, мнение людей, знавших Штырева, на этот счет сомнений не оставляло: содержание соответствовало форме.

Штырев был сильно напуган, растерян, производил впечатление человека простодушного и откровенного. Единственное, что он желал: уменьшить меру своей вины, убедить следователя, что он, Штырев, не имеет отношения к хищению свечей. Первые неубедительные ответы, что свечи не принадлежат ему, что просто знакомые «попросили поддержать в его гараже», неминуемо привели к вопросу, а кто они — эти знакомые?

Наверное, Вотякову повезло, что первым, с кем ему пришлось встретиться в ходе следствия, оказался Штырев. Никакой психологической борьбы с ним, собственно говоря, и не было: не пришлось продумывать сложные логические ходы, устраивать хитроумные ловушки. Все было проще. Чтобы избежать ответственности или, по крайней мере, снизить ее, Штырев рассказывал, что знал, заглядывал в глаза следователю, ожидая следующего вопроса, соглашался с его предположениями, пытаясь вызвать доброжелательность. Вотяков пока записывал все, хотя не каждому слову, естественно, верил. Штырев отчаянно отрицал свое участие в воровстве свечей, уверял, что к этому не имеет никакого отношения, единственное, что он делал, отвозил свечи на юг и продавал их там в автомобильные магазины. Как доказательство предложил следователю посмотреть фото пленку, которую он заснял во время последней поездки. Предложение, конечно, было принято.

Слушая сбивчивую речь Штырева, его торопливые признания, записывая фамилии, Вотяков уже понимал, что дело не сводится к одному-единственному преступлению, что перед ним начинает раскрываться довольно сложная, умело организованная система хищений, во главе которой стоит человек, работающий на заводе запальных свечей и занимающий там руководящий пост. Фамилию его Штырев назвал сразу: Гуравлев.

Показаниям Штырева в основном, видимо, можно было поверить; сложность заключалась в том, что каждое из них теперь предстояло доказывать: искать свидетелей, проводить экспертизы, звено за звеном собирать цепь улик. Без всего этого признания Штырева мало чего стоили: придет он в себя, успокоится или заставит кто-нибудь отказаться от своих слов, сказать, что наговорил от страха,— и все: для суда эти протоколы допросов окажутся неубедительными пустыми бумажками.

Впоследствии эти предположения Вотякова частично подтвердились: Штырев начал отказываться от первоначальных показаний. Но было уже поздно: каждый факт был подтвержден свидетелями: матерью Штырева, «подружками», с которыми он ездил на юг, другими обвиняемыми. Все это было точно зафиксировано в следственных документах. Нашли там свое место и фотографии. В материалах дела осталась и характеристика Штырева, написанная следователем, которая ничуть не расходится с впечатлением, оставшимся от первого допроса:

«Внешне простодушный. Переменчив в суждениях, не предполагаешь, что он скажет спустя некоторое время. Любит показать свое превосходство, мелочную щедлость».

2

Психологи утверждают, что многое в поведении живого существа исходит из его потребностей. Чем ниже уровень развития, тем ограниченной и проще потребности; с ростом сознания не только растет количество потребностей, но и повышается, так сказать, их качество. От простейших: есть, пить, дышать — человек приходит к сознательному стремлению стать Личностью. Развиваются духовные потребности, интересы, складываются ценностные ориентации, идеалы. На деятельность индивида накладывается влияние окружающих его людей. И не так-то просто в каждом из нас разглядеть подлинные мотивы того или иного поступка. Возьмем тот же примитивный пример: перекресток со светофором. Потребность вроде бы у всех одна: перейти улицу, продолжить свое движение к намеченной цели. Но сколько нарушителей, столько и причин для нарушения. Один нарушает просто

потому, что привык: жил на какой-то спокойной улице и всю жизнь переходил без всяких светофоров; другой — опаздывает на свидание; третий — просто авантюрист по натуре, любитель острых ощущений.

Вслед за этими тремя бежит через улицу четвертый — он бы и не побежал, и не так уж торопится, но не хочется оставаться одному на этой стороне, когда другие бегут, — люди могут подумать, что он просто трусит. А пятый и шестой, несмотря ни на что — хотя и причины для спешки имеются, — терпеливо стоят и ждут, когда зажжется зеленый свет.

Со светофором — проще, но вот перед Вотяковым лежит список людей, имеющих отношение к хищению запальных свечей. Неполный еще список, он значительно потом расширится, но кое-какие ориентиры для следствия уже есть, и, судя по всему, названы ключевые фигуры: инженер Гуравлев, мастер Горюнов, два заведующих магазином на юге — пока без фамилий: «Х» и «У». Штырев, когда сбывал свечи, не спрашивал фамилий, но координаты их известны, известны и некоторые приметы и даже черты характера. Один из них веселый, но осторожный армянин, другой — высокомерный, неприятный (со слов Штырева) тип, который «смотрит поверх голов».

Суд, конечно, потом тоже примет во внимание, какие мотивы руководили преступниками, когда они занимались хищениями, но насколько важно понять эти мотивы следователю, мотивы и черты характера. Кто-то раскроется сразу, кто-то будет долго и упорно сопротивляться, выискивая каждую возможность выгородить себя.

Со Штыревым все вроде бы ясно: примитивные потребности, низкий уровень развития. Хотим мы или не хотим, рядом с нами еще живут такие люди; можно, конечно, найти причину в каждом отдельном случае, чей-то воспитательный брак: семьи, школы, первого трудового коллектива, можно было, наверное, исправить все в свое время, но вот он вырос, человек, живет рядом с нами, а единственная его цель — провести поприятней время. День прошел — и хорошо. Но в тюрьму Штыреву ох как не хочется садиться, и говорит он сейчас, говорит, делает все, чтобы завоевать расположение следователя.

Потом, когда уже станет ясно, что наказания не избежать, Штырев и его родственники попытаются использовать самый последний шанс, к которому для большинст-

ва людей и обращаться было бы стыдно: заявят, что Штырев — психически неполноценная личность и потому не может отвечать за свои поступки. Медицинская экспертиза установила, однако, что Штырев вполне нормальный человек, хотя и не склонный к анализу и оценке своего поведения.

3

Когда Штырев на допросе среди прочих назвал фамилию «Гуравлев» и сказал: «Игорь работает каким-то начальником на заводе», Вотякова это особенно не удивило. Среди его «подопечных» и раньше встречались всякие — и начальники, и подчиненные. Сомнения пришли позже: когда стал собирать данные на Гуравлева. В прошлом — комсомольский работник. Родители — авторитетные в городе люди. И послужной список Игоря Гуравлева вызывал уважение: работал мастером, затем был выдвинут в заместители начальника цеха. Хороший руководитель, умеет четко организовать свой и чужой труд. Не жалеет сил и времени на работе. Имеет все шансы стать крупным руководителем.

Не наговаривает ли на него Штырев?

Внешне Штырев и Гуравлев немного похожи друг на друга: примерно одного возраста — до тридцати, среднего роста, худощавые, быстрые в движениях. Но в поведении хорошо заметно различие: суетливость, дерганность, непоследовательность у Штырева и точная рассчитанность каждого жеста у Гуравлева. И вели они себя на первом допросе по-разному: нервно и заискивающе — Штырев; тоже нервно, но с чувством обиды и ущемленного достоинства — Гуравлев. Его, Игоря Николаевича Гуравлева, смеют подозревать в воровстве? Что это: умение владеть собой или искренняя обида? То, что нервничает, еще ни о чем не говорит: кто бы на его месте не нервничал?

Но и факты, сообщенные Штыревым, достаточно убедительны: получалось так, что именно Гуравлев был инициатором преступного действия: сам разыскал Штырева, указал место, где ему передадут ворованные свечи.

— Вы знакомы со Штыревым?

Показалось или нет следователю, но дрогнули на миг

ресницы у Гуравлева, беспокойство мелькнуло в лице, но тут же исчезло. И ответ был четок и быстр: «Конечно». Да и трудно было не быть знакомым, если живут рядом, с детства знают друг друга. Впрочем, мало ли с кем он знаком в городе, это еще ни о чем не говорит. Ничего общего с этим тунеядцем у него, естественно, нет.

— Так уж и ничего? Но следствию известно, что вы встречались иногда со Штыревым у него дома, даже выпивали с ним.

— Ну и что? Мало ли с кем я встречался!

Действительно, ничего. Мало ли с кем человеку приходится встречаться. Разные бывают причины. А в данном случае так и совсем простая. Штырев — опытный шофер, а Гуравлев как раз собирался покупать машину.

— И купили?

— Купил. А почему я, собственно, не могу купить?

Над этим вопросом следователь уже думал раньше, до вызова Гуравлева на допрос. Зарплата заместителя начальника цеха Гуравлева и его жены, работавшей лаборанткой, в сумме составляла не очень много, но при большом желании и жесткой экономии покупка машины — не такое уж нереальное дело. Тем более в таких случаях люди нередко занимают деньги у родственников.

Говорить с Гуравлевым труднее, но и интереснее, чем со Штыревым, хотя рассчитывать, что в разговоре с ним можно узнать что-то новое, не приходится. Соображает быстро, уверенно обходит ловушки, расставляемые следователем.

— В вашем цехе имеют место случаи хищения запальных свечей?

— Думаю, что имеют. Уследить за каждым практически невозможно. Свеча — маленькая, сунул в карман — и все.

— Вам приходилось кого-нибудь заставить во время хищения?

Не удержался все-таки Гуравлев, бросил на Вотякова быстрый тревожный взгляд. А впрочем, не исключено, что уже знает о допросе следователем двух работников его цеха: Валкина и Ярубовского.

— Приходилось. Но считал факты мелкими и случайными, поэтому ограничивался предупреждением.

— Можете назвать фамилии?

— Зачем? Это было давно, к тому же факт хищения не состоялся, вовремя был пресечен.

Да, это на самом деле было давно. Задолго до того, как сам Гуравлев стал преступником. Обнаружил вдруг в укромном уголке цеха припрятанный ящик с запальными свечами. Правильно рассчитал: спрятавшие свечи придут за ними. В конце смены установил незаметное наблюдение. Увидел, как воровато подошли к ящику двое рабочих, дождался, пока они возьмут свечи, осторожно завернул их.

Появление заместителя начальника цеха застало Валкина и Ярубовского врасплох.

— Верните свечи на место, — сухо сказал Гуравлев. — И прошу ко мне в кабинет.

Разговаривал по отдельности; рабочие клялись, что воруя свечи в первый раз, что больше никогда этого не случится. Просили не выносить сор из избы.

Гуравлев отпустил их, не стал давать ход делу. Но не упускал возможности подчеркнуть, что все время помнит об этом случае; еще сам толком не знал, зачем он это делает. Видимо, подсознательно уже зарождалась мысль, что когда-нибудь потом пригодятся эти люди.

Пригодились. Не смогли отказать заместителю начальника цеха, когда он попросил их при вывозе мусора спрятать несколько ящичков со свечами в машине и передать за проходной нужному человеку — Штыреву. К Валкину и Ярубовскому присоединился еще один человек — мастер Горуннов, с которым Гуравлев тоже нашел общий язык. В цехе начала работать преступная группа.

— Значит, вы утверждаете, что не давали никакого указания рабочим о вывозе запальных свечей с мусором за проходную завода?

— Да, не давал.

— Познакомьтесь с их показаниями.

Прочитав, Гуравлев пожал плечами.

— Это — ложь.

4

Нередко бывает так, что человек сначала украдет, а потом уже думает, каким путем сбыть похищенное. Гуравлев действовал иначе: сначала наладил канал сбыта, а затем уже приступил к организации хищения.

Штырев согласился отвезти свечи подальше от Эң-

гельса, сбыть где-нибудь на юге. Еще не знал, где точно, но не сомневался: желающие найдутся. В первую поездку взял с собой знакомую девчонку.

Бедя следствие и встречая упорное сопротивление Гуравлева, Вотяков понимал, что предстоит очень много работы: воспоминания рабочих о похищенных свечах к делу не приложишь, надо доказать, что эти свечи существовали на самом деле, найти тех, кто их принимал у Штырева. Это будет справедливо еще и потому, что, если ограничиться только теми свечами, что найдены в гараже у Штырева, преступники получают наказание лишь за самую малую часть своего преступления. К тому же почти уходит из-под следствия Гуравлев — в последнем хищении он «видимого» участия не принимал: «работали» Горуннов и рабочие. Система воровства была уже хорошо отлажена. Кроме того, Штырев, как понемногу выяснялось из допросов рабочих, был не единственным каналом, по которому свечи уплывали с завода: несколько раз ящики, по указанию Гуравлева, грузились в машину с чужим, не энгельским номером. Человека, который принимал свечи, они не знали. Но этим следствие займется позже, пока же предстояла не совсем приятная, не по сезону — в феврале — поездка на берег Черного моря. В поездку взяли с собой Штырева.

Он сразу же показал магазин, где у него согласились принять свечи. Оставив Штырева в машине, Вотяков пошел «лично изучать обстановку». Завмага узнал сразу, характеристика, которую ему дал Штырев, оказалась точной. Потом в материалах дела о Зинакове (так назовем завмага, чуть исказив фамилию) Вотяков напишет так:

«Среднего роста, среднего телосложения, волос рыжеват, на лице имеет бакенбарды, низко опущенные. Лицо надменное, свой взгляд направляет поверх голов, на всех смотрит с превосходством. Трусоват, старается вину за свои действия переложить на других. Склонен к спиртному, жаден, имеет много знакомств».

Много все-таки значит для следователя увидеть противника в лицо. Никакие описания, никакие характеристики не могут заменить этого. Не привлекая к себе внимания, делая вид, что изучает товары, следователь пы-

тался определить, что за человек перед ним, какие препятствия сможет он воздвигнуть на пути следствия.

Ревизия сразу же нашла непорядки: количество запчастей к автомобилям (в том числе и свечей) превышало число поступивших по накладным. Знаков работал грубо: видно, был уверен в своей безнаказанности. И эта уверенность была не совсем беспочвенной: отец Знакова, в прошлом занимавший довольно крупный пост в городе, привел в действие весь широкий круг своих знакомств. Следователям из Саратова пришлось изрядно потрепать себе нервы, прежде чем удалось преодолеть сопротивление некоторых должностных лиц. Знаков, в первое время державшийся чрезвычайно нагло, заметно сник, когда понял, что ему уже никто не сможет помочь. Этот тип людей Вотяков знал достаточно хорошо и был уверен, что Знаков в дальнейшем много хлопот следствию не доставит: переход от наглости к трусости в таких людях происходит почти мгновенно.

Так оно, собственно, и случилось. Материалы ревизии и очная ставка со Штыревым заставили Знакова сменить позицию. Вначале он пытался отрицать свое знакомство со Штыревым. Тот кипятился, размахивал руками, напоминал то одну, то другую встречу. Его и раньше, как он сам говорил, бесил этот высокомерный завмаг: принимая от Штырева свечи, он всем своим видом подчеркивал свое превосходство.

Вотяков почти не вмешивался в разговор, знал, что Знаков у него в руках: показания свидетелей, приобретенных свечи в магазине, и акт экспертизы о том, что обнаруженные в магазине свечи изготовлены на энгельском заводе, в то время как поставка по накладным шла из других мест,— все это служило неопровержимым доказательством виновности Знакова. Рано или поздно тот вынужден будет признать свою вину.

Знаков «сломался» рано: не выдержал напора или понял, что ему не уйти от ответственности,— стал давать правдивые показания.

Менее удачным оказался визит в другой магазин, близ Сочи. То ли завмаг Хаджиян, узнав об аресте Знакова, успел принять меры, то ли вообще был похитрее, но результаты ревизии ничего не дали. Энгельских свечей в магазине не было обнаружено. К тому же сам

Хаджиян находился в отпуске, ушел буквально за день до появления следователей. Это, конечно, настораживало, но, с другой стороны, в магазине все было «чисто» — у Вотякова даже появились сомнения, не наговаривает ли Штырев на завмага. Штырев уверенно показал гараж, куда он в последний приезд сгружал свечи. Гараж принадлежал одному из продавцов, — как оказалось, дальнему родственнику Хаджияна. Объявив розыск завмага, Вотяков возвратился в Саратов.

5

В качестве обвиняемых по делу теперь привлекались более десяти человек. С одними, как, например, с Зинаковым или с рабочими, было все абсолютно ясно: известна роль, установлена вина, — хоть сегодня можно передавать дело в суд. Вотякова торопили заканчивать следствие, но он понимал, что не имеет права этого делать. Мешали показания обвиняемых о втором канале сбыта — неизвестной машине из другой области. Здесь уже прощупывалась связь с каким-то промышленным предприятием: свечи для грузовых автомашин частникам не нужны. Гуравлев категорически отрицал существование другого канала, показания обвиняемых были противоречивы, номер машины никто не заметил. Хотя не очень уверенно один из рабочих сказал, что, кажется, машина была из Ростовской области.

Решили проверить в бухгалтерии все документы на отпуск запальных свечей другим предприятиям — на это тоже ушли дни. Выписали все, что вызывало хоть малейшее подозрение.

Все больше и больше задумывался Вотяков о судьбе Гуравлева. Подолгу разговаривал с ним. Составил о нем твердое мнение: человек образованный, неглупый, энергичный. Умеющий работать. Начальство не отрицало, да и рабочие подтверждали: никто в цехе лучше Гуравлева не может организовать дела, особенно под конец месяца, когда под угрозой выполнение плана. Не жалел личного времени, оставался на вторую смену, умел «брать на себя» — быстро и четко принимать ответственное решение. Работать бы ему и работать, и нет сомнений, что должность заместителя начальника цеха для него не предел.

И вот вместо уважения и почета ближайшая перспектива — лишение свободы. Если в какой-то степени еще можно было понять других участников дела, например Штырева, который сам не знает, что будет делать через час, или избалованного родительским вниманием, презирающего людей Зинакова, то в случае с Гуравлевым не было таких обстоятельств, способствующих совершенно преступлению. Жил довольно скромно, не привык разбрасываться деньгами, нормальные отношения в семье. Вотяков помнил, как растерялась жена, когда пришли с обыском, с каким изумлением она смотрела на крупную сумму денег, обнаруженную в квартире. Экономили, копили на машину в течение нескольких лет, купили ее все-таки, но залезли в большие долги (так ей говорил муж) — и вот тебе, оказывается, все это — ложь. Под окном стоял красный «Москвич», но кому он теперь нужен? Даже поездить на нем не успели...

Все, с кем беседовал следователь о Гуравлеве, подчеркивали: о машине он мечтал давно. Спал и видел во сне. Завидовал тем, кто уже успел приобрести.

Неужели ради нее пошел на преступление?

Пока Вотяков со Штыревым совершали вынужденный вояж на берег Черного моря, его товарищи тоже не теряли времени даром. Инспектор ОБХСС Геннадий Васильевич Сисин изучал производство запальных свечей с точки зрения возможности хищений, смотрел документы, разговаривал с людьми. Выяснился интересный факт: правила браковки свечей как будто сами подталкивали людей на хищение — браковали свечи по таким показателям (например, по длине), которые существенно не влияли на пригодность к работе, любой шофер мог использовать их. И если учет свечей, полностью соответствовавший стандарту, велся в цехе более-менее нормально, то куда потом девались бракованные свечи (а они должны были пойти в переделку), понять было трудно.

Рабочие показали, что часть свечей, предназначенных для грузовых автомашин, по указанию Гуравлева они регулярно вывозили за территорию завода и передавали неизвестному лицу, приезжавшему за ними на грузовике. Штырев об этом человеке ничего не знал. Опросили десятки людей, изучили сотни документов. Завод поддерживал деловые контакты со многими предприятиями,

свечи шли из Энгельса в разные концы страны. В числе других привлек к себе внимание снабженец из города Шахты Ростовской области Петр Желобовский. Он несколько раз приезжал в Энгельс и, как выяснилось, встречался с Гуравлевым. Вотяков при очередном допросе осторожно упомянул эту фамилию. Момент был, можно сказать, переломный: поняв, что следователи вышли и на этот канал, Гуравлев резко изменил тактику. Видимо, у него пропала надежда как-то выпутаться, остаться в стороне,— теперь все усилия он тратил на то, чтобы принизить свою роль, убедить следователя, что был лишь случайным участником преступления.

Но в истории с Желобовским все как раз обстояло иначе.

6

В материалах дела о снабженце из города Шахты написано так:

«Среднего роста, плотного телосложения, флегматичный, но быстро поддается воздействию со стороны других лиц».

На работника отдела снабжения Гуравлев вышел не сразу. Сбывая свечи через Штырева, он все-таки не чувствовал себя достаточно удовлетворенным. Во-первых, приходилось делиться прибылью со значительным количеством людей, во-вторых, беспокоил и сам Штырев: человек болтливый, неуравновешенный, явно не гуравлевского круга.

Стремление «быть не как все», попытка выделиться, занять больше, чем другие, иногда приводят к парадоксу. Человек попадает в зависимость и вынужден держать себя на равных, а то и подобострастничать перед людьми, которых считает намного ниже себя и в душе презирует.

Гуравлеву приходилось не только улыбаться, но еще и выпивать со Штыревым. А тот, как назло, частенько хвастался этим знакомством, вел себя запанибратски.

Была и еще одна причина, заставлявшая Гуравлева искать новые пути.

Свечи для грузовых машин сбыть на стороне было гораздо трудней. Гуравлев стал похаживать в отдел снабжения, приглядываясь к людям, приезжавшим туда из других городов. Приметил среди них Желобовского,

нашел возможность с ним познакомиться, показал ему бракованные свечи... Тот сразу понял...

Поездка в Шахты, помощь местных милицейских работников, быстро выявивших, что Желобовский по возвращении из Энгельса снабжает запальными свечами транспортные цеха не только своего предприятия, ускорили завершение дела.

Принимая от Гуравлева ворованные свечи, Желобовский в первый раз, естественно, поинтересовался, как он может отблагодарить Игоря Николаевича. Тот, немного подумав, сказал, что «давно хочет приобрести большой холодильник, но, к сожалению, они никак ему не попадаются в магазинах. Может быть, в Шахтах легче купить? Он, конечно, заплатит...»

Желобовский не забыл просьбу и вскоре привез из Шахт холодильник ЗИЛ, списанный на заводе, но находившийся в хорошем состоянии. Единственное, что было неисправно;— двигатель, но Гуравлев все равно обрадовался: отремонтировать все-таки было проще, чем купить новую дорогую вещь. Ни о какой плате за холодильник речи в этот раз, конечно, не было. Убедившись, что они с Желобовским понимают друг друга, Гуравлев повел прямой коммерческий разговор. За новые свечи Желобовский расплачивался уже деньгами.

Кропотливая работа следователя близилась к своему завершению. Протоколы допросов, очных ставок, акты экспертиз, фотографии, показания свидетелей,— вроде бы незаметно день за днем накапливались документы,— огромная книга, по своим размерам превышающая в несколько раз любое из известных людям художественных произведений, скажем «Войну и мир». Все есть в этой книге: и завязка, и кульминация, и портреты «героев». Даже пейзажи — подробное описание мест, где преступался закон. Вот на фотографии улыбающийся Штырев с симпатичной девушкой на фоне кавказской природы, но четкая стрела на глянцевой поверхности указывает куда-то в угол снимка, на совсем неприметное строение. Пояснение к фотографии говорит о том, что это место, куда сгружали свечи.

На другом снимке — старый покосившийся забор. И опять пояснение: именно здесь происходила передача похищенного из рук в руки.

Вотяков листал материалы дела, и за каждой страницей виделось ему не только то, что было написано. Протоколы допросов похожи друг на друга: один и тот же почерк, казенные скучные слова: вопрос — ответ. Не до художественных красот, когда пишешь их. И только следователь знает, как сильно отличается один допрос от другого.

Вот на одной из первых встреч Зинаков. Самоуверенный, наглый, свысока роняющий слова, не сомневающийся, что «всесильный» папаша опять спасет его, как уже не раз, оказывается, было... И вот тот же Зинаков через два недолгих месяца: опущенная голова, подобострастный тон...

Словоохотливый в первые дни Штырёв... Казалось, он испытывал радость, сообщая следователю все новые и новые подробности. И Штырев через несколько месяцев: его импульсивная натура не может спокойно ждать суда. Он нервничает, меняет показания. Его пытаются запутать и запугать другие, более сообразительные, привлеченные к делу. Тот же Гуравлев.

Этот сопротивляется до последнего. Использует любой шанс, чтобы уменьшить свою вину. Всегда любил и умел быть лидером, теперь горит желанием превратиться в рядового, незаметного участника дела.

Да, следствие шло к завершению. Чтобы поставить последнюю точку, не хватало только Хаджияна.

7

«Небольшого роста, плотного телосложения, на голове залысина. Внешне простодушный, разговорчивый, на самом деле хитрый. Наделен смелостью держать ответ за свои действия, не впуская других. Быстро сходится с людьми и умеет их расположить к себе, имеет обширный круг знакомых».

Из материалов дела

Хаджиян был тем самым первым завмагом, который «клянул» на удочку Штырева, взял ворованные свечи. Но не все, а ровно столько, сколько мог оправдать имеющимися в магазине документами. В магазин незадолго до приезда Штырева поступили свечи, в накладной было

указано количество, часть уже продали. Именно столько Хаджиян и взял. Явись хоть сейчас ревизия, придраться было бы не к чему. От остальных свечей, сколько его ни уговаривал Штырев, Хаджиян отказался, но намекнул, что в следующий раз партия «принятого товара» может быть побольше.

И действительно, когда Штырев приехал опять, ему выделили сопровождающего и показали, куда, подальше от магазина, сгрузить свечи. Но и тут Хаджиян осторожничал, брал, учитывая, что, даже если запас случайно обнаружится в гараже его родственника, все равно количество свечей не наведет на мысль о крупных масштабах хищения.

У Вотякова от общения с Хаджияном остались все-таки более приятные воспоминания, чем от знакомства со всеми остальными подследственными. Еще бы! Копаешься-копаешься в грязи, видишь мелких нечестных людишек, выгораживающих себя, и вдруг встречаешь человека, который почти добровольно признает свою вину, ту, от которой, по всей видимости, легко мог бы отказаться. «Но если взглянуть с другой стороны,— думал Вотяков,— может быть, именно Хаджиян, беспринципный, циничный, с легкостью преступающий моральные нормы, может быть, именно он — самый опасный преступник во всей этой компании».

Штырев много рассказал о Хаджияне, и на фотографии, в присутствии понятых показал место, куда сгружал свечи, но ведь, кроме этих показаний, у следователя ничего не было. Ревизия показала полный порядок. В лучшем случае с этими фактами можно было привлечь к ответственности подручных Хаджияна, упорно пытающихся выгородить своего руководителя. А сам Хаджиян где-то пропадал.

Прокуратура уже торопила Вотякова с окончанием следствия, да и сам он, несмотря на всю свою невозмутимость и внешнюю неторопливость, уже начинал нервничать,— и в этот момент дежурный по Управлению внутренних дел в Саратове звонит Вотякову в кабинет и говорит, что его спрашивает какой-то гражданин восточного типа с чемоданом в руке.

Этим гражданином оказался Хаджиян.

Еще на лестнице, поднимаясь в кабинет Вотякова, он выразил свое крайнее недоумение в связи с тем, что, как он узнал, во время его отпуска в магазине была ревизия

и будто бы следователь возбудил против него уголовное дело. «Неужели товарищ следователь мог подумать про него так плохо?»

Интуиция помогла и на этот раз Вотякову: он сделал неожиданный даже для себя, но оказавшийся верным ход.

Сказал Хаджияну, что фактов против него пока мало, следствие по этой причине затягивается, но в первую очередь могут пострадать лица, оказавшие помощь Хаджияну в совершении преступления и не посвященные в его планы. Самым благоразумным было бы самому сейчас признаться в преступлении.

Хаджиян попросил времени на раздумье и в тот же день, видимо правильно оценив обстановку, дал Вотякову правдивые показания, просил освободить от ответственности тех, кто пострадал по его вине.

Когда думаешь о Хаджияне, невольно вспоминается известный литературный герой Остап Бендер, приходит в голову целый ряд тревожных мыслей. Оба — незаурядные, в общем-то, люди, имеющие целый ряд положительных качеств, но использующие эти качества во вред обществу.

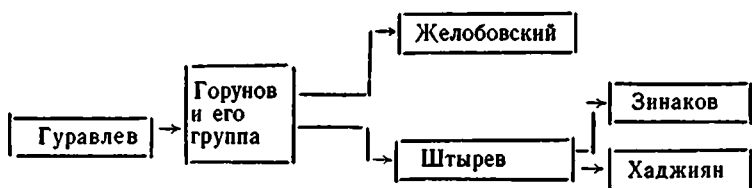
Противоречия между внешними приятными качествами человека и его антиобщественной сутью не лежат на виду, глубоко спрятаны, и это порой дезориентирует, сбивает с толку.

Примитивный преступник типа Штырева все-таки уходит в прошлое. По крайней мере, он полностью понятен нам, видны и собственные недоработки в отношении к таким людям, и способы борьбы с ними.

Но у того же Штырева есть, хотя и слабо развитые, свои понятия о чести и совести, у него есть родные и знакомые, в отношении которых он придерживается определенных нравственных норм, а что можно спросить с «сына турецкого подданного», не имеющего ни семьи, ни родины, ни друзей, с человека, сознательно отвергающего выработанные в течение веков человеческие духовные ценности?

Хаджиян, конечно, не Остап Бендер, но та изумительная легкость, с которой он переходит от честности к нечестности и обратно, свидетельствует о том, что в основе его поведения лежат всего лишь расчет, выгода, так называемый голый рационализм, приукрашенный снаружи внешним обаянием и юмором.

Кропотливая работа следователей подошла к своему завершению. Можно было передавать дело в суд. Графически схема преступления выглядела строго.



Шесть прямоугольников — двадцать два человека, привлеченных к суду. Трудно подсчитать, сколько энергии, ума, профессионального мастерства затрачено было, чтобы добиться этой ясности. И получили ли следователи удовлетворение от своей работы?

Да, конечно. Тут сомневаться не приходится. Только есть один нюанс.

Когда врач выписывает выздоровевшего больного, эти два человека расстаются друг с другом, уже связанные незримой родственной цепочкой. Больной благодарен врачу, а тот, в свою очередь, хоть и странно об этом говорить, тоже благодарен больному за то, что с его помощью смог укрепить в себе чувство собственной полезности конкретному человеку и через него — всему человечеству.

Учитель, расставаясь с выпускным классом, не всегда может сдержать слезы. И не только оттого они подступают, что приходится расставаться с близкими людьми, — уходит в прошлое еще один этап его жизни, насыщенный тревогами и радостями, огорчениями и незабываемыми минутами яркого ощущения родства с человеком и Человечеством.

Строительная бригада сдает дом в эксплуатацию — подписан акт о приемке... Машинист довел поезд до конечной станции, сдал смену товарищу...

У всех этих людей остается по завершении дела ощущение удовлетворенности от положительного результата.

Что остается у следователя?

Все эти восемь месяцев «подопечными» Вотякова были люди, сбившиеся с пути истинного, и хочешь не хочешь, вошли они в память, в ум, в сердце следователя... Не может он вычеркнуть их из своей жизни теперь, как бы ни хотел этого.

Из тех двадцати двух — а вообще из нескольких сотен за всю его профессиональную деятельность — некоторых Вотякову откровенно жаль.

Гуравлева — не жаль, нет, как бы жалко он ни выглядел сейчас, этот получил то, чего добивался. Хватило бы ума не поддаться ущербной мыслишке схватить то, что плохо (и сознательно) положил сам на вверенном ему участке, — не угодил бы на скамью подсудимых.

Не жаль Зинакова, хотя он всего лишь расплачивается за воспитательный брак своего папаша. Скольким, к сожалению, родителям суждено еще увидеть горькие плоды педагогической необразованности, неумения соразмерить сегодняшнюю заботу о своем чаде с тем результатом, к которому она ведет. Отдаленность во времени не позволяет им трезво оценить свою деятельность. Пройдет десять, пятнадцать, двадцать лет, когда схватятся они за голову, увидев, к чему это привело. И тогда еще не каждому суждено понять свою вину: будут ругать общество, обстоятельства, других воспитателей...

Немного жаль Хаджияна. Не его самого, точнее. Жаль энергии, пропадающей зря, оптимизма его неиссякаемого, черт характера, которых так недостает многим. Жаль, что этот человек не смог принести ту пользу обществу, на которую «был рассчитан». Что не нашел себе достойного места в обществе. И теперь уже вряд ли найдется. Хотя и со скамьей подсудимых вряд ли после отбытия наказания встретится вновь, научится «уважать Уголовный кодекс».

Штырев... Что сказать о Штыреве? Мотыльком летит по жизни, кто знает, что будет с ним дальше...

Двадцать два человека. И у каждого свой характер, свои особенности, своя судьба — и не только прошлое, но и будущее.

И о ней — о судьбе каждого из своих «подопечных», о том, что нужно делать, чтобы не повторили этот печальный путь от легкого проступка до скамьи подсудимых другие, не раз задумывался, ведя следствие, Геннадий Григорьевич Вотяков.



С. КУЗНЕЦОВ

«ГОЛУБОЙ МАВРИКИЙ»

Придя на работу, Беков сразу же заглянул в кабинет начальника. Не терпелось поделиться соображениями по поводу квартирной кражи, которая, точно бельмо на глазу, не давала покоя работникам отдела. Вчера вечером инспектору удалось

обнаружить одну важную деталь, и теперь ключ к разгадке запутанного дела был у него в руках. Беков открыл дверь. Начальник отдела уголовного розыска, склонившись над столом, внимательно читал какую-то бумагу.

— Разрешите, я не помешал?

— Заходи, присаживайся, Владимир Федорович.

Дочитав, Целиков захлопнул папку и спрятал ее в массивный металлический сейф, окрашенный под дуб.

— Слушаю.

За долгие годы совместной работы инспектор Беков усвоил способность начальника мгновенно отключиться от мыслей, только что занимавших его, и сконцентрировать всю свою волю и энергию на решении новой проблемы, знал, что тот не любит длинных витиеватых разговоров. Докладывать нужно четко, конкретно, лаконично. Он был готов к такому разговору, он заранее обдумал все детали. И все же разговор не состоялся. Всего несколько слов успел сказать инспектор, как раздался телефонный звонок. Целиков поднял трубку.

— Да, понял... Адрес?

Услышанное по телефону явно было не из приятных. Беков заметил, как помрачнело лицо начальника, резче обозначились морщины на лбу.

— Передай Мамедову и Никитенко: всем в машину, выезжаем немедленно.

Беков выскочил из кабинета. «Вот не везет нашему району в этом году», — промелькнуло у него в голове.

Машина быстро мчалась по улице. Сотрудники уголовного розыска сосредоточенно молчали, каждый думал о своем. Но, скорее всего, думали они об одном и том же, только каждый по-своему. Сообщение начальника отдела заставляло задуматься, строить догадки. Оказывается, позвонили из пожарной части и сообщили, что при тушении пожара в доме обнаружили тела людей. Хозяева пытались сами потушить огонь, да не рассчитали вовремя, не выскочили из дома — вот и задохнулись.

— Странно все это,— нарушил молчание Беков,— время такое, утро... Неужели никто не видел, не помог?

— Может быть, с вечера поддали крепко. Пьянка до хорошего не доводит.

— А может, самогон гнали?

— Чего гадать, узнаем, что за люди были,— разбе-ремся.

Вскоре машина остановилась у небольшого добротного дома. Вокруг толпились люди. Из двери и выбитых окон тянулись струйки дыма, пахло гарью. Подъехало еще несколько машин. На место происшествия прибыли начальник отдела милиции Максимов, прокурор района Строгов, сотрудники Управления внутренних дел. Прокурор отдавал распоряжения.

Расследование началось четко, чувствовалось, что каждый сотрудник хорошо знает свое дело, действует по заранее отработанной схеме.

Могло показаться, что повышенное внимание к происшедшему не более чем дань служебным инструкциям. Произошел несчастный случай, приведший к человеческим жертвам, однако нет состава преступления. Врач констатировал: медицинская помощь не требуется, дым сделал свое дело. По всей видимости, неосторожное обращение с огнем привело к пожару.

Тщательно осмотрев место происшествия, специалисты высказали противоречивые предположения. Внимание Максимова привлек обуглившийся конец веревки на теле старика.

— В доме еще до пожара побывал кто-то, — заключил он,— и возможно...

Целиков уже действовал. У места происшествия он выставил охрану, приказывал инспекторам Мамедову, Никитенко и Бекову обследовать улины, по которым могли уйти побывавшие в доме. Трагические события произошли утром, когда было уже светло и кто-то из жите-

лей микрорайона мог обратить внимание на незнакомцев. В таких случаях дорога каждая минута.

Целиков приступил к опросу соседей. Важно было не упустить ни одной, даже малейшей, детали, зафиксировать все подробности, пока у людей свежи в памяти происходившие события, пока они готовы отвечать на все вопросы, искренне стараясь помочь следствию.

— Кто-то промелькнул под окном в синей куртке, — сообщила одна из соседок, — я не присматривалась особенно, мало ли кто здесь ходит. А когда дым повалил, вышла: батюшки — пожар! Соседей стала кричать, а потом вместе огонь тушили да в пожарную часть позвонили. Правда, когда они приехали, мы все водой залили, дым только шел.

— Хорошие старики были. Жили дружно, не ссорились, да с Анной Васильевной захочешь — не поссоришься: уступчивая такая, благородная женщина, всех ей жалко, всякому сочувствует. К ней, у кого какая нужда, все соседи обращались, — рассказывали люди, хорошо знавшие семью. — Дед построже: общественник, партийный, командиром на фронте был. Ордена и медали у него за боевые заслуги. Местных дебоширов да выпивох часто осаживал. Так отчитает, что только держись. Но его уважали, с ним не ссорились. «Дядя Боря, извини», — только и слышали. Внучка еще у них живет, Наташа, нелюдимая она какая-то, пройдет: «Здравствуйте, здравствуйте» — и все. С соседями ни с кем не дружила, ни подруг, ни ребят у нее не видели, вот только накануне ночью провожал ее какой-то в кожаном пиджаке.

Осмотр квартиры ничего существенного не дал, правда, удалось обнаружить отпечатки пальцев, но чьи они? В доме могли побывать многие люди: соседи, пожарные, гости. С маршрутов инспектора вернулись ни с чем. Тем временем экспертиза установила, что хозяева квартиры погибли насильственной смертью еще до начала пожара. На трупе старика обнаружены следы пыток. Выходит, совершено тяжкое преступление, но каков мотив и кто убийца?

...В то утро Наташа, как обычно, пришла на работу в положенное время. Вчера она побывала в театре. Спектакль не понравился, но зато кавалер у нее оказался щедрым: угощал шоколадом, а потом приглашал в ресторан, но она, конечно, отказалась. Неожиданно ее воспоминания прервали, вызвав к начальнику. Войдя в ка-

бинет, Наташа не обратила внимания на незнакомца, стоявшего у окна к ней спиной. Но вот он обернулся и шагнул навстречу:

— Инспектор уголовного розыска Беков.

Девушка вздрогнула и побледнела.

— Пойдемте со мной,— сказал он негромко, пряча удостоверение.

Она шла молча, не решаясь ни о чем спрашивать.

«В руках моих тонкая ниточка»,— подумал инспектор, провожая девушку в машину.

В кабинете, куда инспектор доставил Наташу, находилось несколько человек в штатском, глаза одного из них скрывали темные очки. Девушке предложили сесть. Начался допрос.

Еще утром, по рассказу Наташи, бабушка готовила ей кофе, угощала завтраком, а дед отпускал свои неуместные шутки. Потом она ушла на работу. Почему ее об этом спрашивают, она понятия не имеет. Когда ей наконец-то объяснили все, она заплакала.

— Кто из посторонних бывал у вас дома? — спросил мужчина в темных очках.

— К нам часто приходили гости: пионеры, какие-то ребята. Были и взрослые,— отвечала, всхлипывая, Наташа.

— Зачем?

— Обменяться марками, посоветоваться или просто посмотреть у дедушки альбомы. Дедушка был филателистом, у него большая коллекция. Он даже переписывался с другими городами.— Наташа говорила тихо, то и дело подносила платочек к глазам. Из ее рассказа выходило, что хозяин охотно принимал гостей, вел с ними дружеские беседы. Раньше он сам был активным членом городского клуба филателистов, но с годами уединился: тяжело стало ходить — как-никак стукнуло семьдесят пять. Бабушка не бранилась, что в дом народ ходит — полы топчут. «Что стар, что мал»,— говорила она добродушно, глядя через толстые стекла очков на деда, окруженного ребятами. Зрение у нее слабое: человека с двух метров в лицо не узнавала, не то что марки.

Девушку попросили описать посетителей, вспомнить, о чем они разговаривали с хозяином.

— Я не обращала на них внимания,— сказала она виновато,— помню, как-то один парнишка в пионерском галстуке был, волосы у него светлые и лицо в веснуш-

ках. А из разговоров ничего не запомнила. Кажется, называли какой-то «Голубой Маврикий».

Допрос окончился, когда стало ясно, что о своем знакомом Наташа ничего не скажет.

— Вы свободны,— сказал человек в темных очках.

Полученная информация была малозначительной и даже усложняла поиск.

— Все надо тщательно проанализировать,— распорядился Целиков,— выявить все связи покойного, их характер.

На месте происшествия удалось разыскать старые письма и сохранившиеся каталоги почтовых марок с отметками филателиста, здесь находилась и часть альбомов, большинство же из них, судя по отметкам в каталогах, исчезли. «Но когда? — размышлял Беков.— Возможно, преступники приходили сюда ради них, а если нет? Если дед сам продал неизвестному покупателю часть коллекции, получив за нее кругленькую сумму? Не исключено, что у стариков и без того могли быть какие-то ценности.

Возможны и другие мотивы преступления: месть, наследство, страховка, жилплощадь и так далее. Марки могли быть похищены уже после пожара или с целью сбить следствие с правильного пути», — терялся в догадках Беков.

Из всех предположений верным могло быть только одно. Возможно, придется отработать все версии, а может быть, удастся «выйти на финишную прямую» с первой попытки.

На пути к разгадке сразу же возникли серьезные препятствия. Наташа не могла дать исчерпывающие сведения о своем знакомом, сказала лишь, что познакомилась с ним на улице, он назвался Артуром, а работает в каком-то институте. И больше никаких подробностей. Когда же ее спросили о свидании с ним, ответила, что Артур уехал в командировку, когда вернется, не сказал, обещал позвонить на работу. Все это настораживало. Конечно, можно было бы заняться поиском этого молодого человека, но это потребовало бы больших затрат времени и сил.

На совещание пришел Беков, можно сказать, с пустыми руками. Когда еще появится этот Артур, да и появится ли? Целиков подводил итоги первого дня работы. Товарищи Бекова оказались более удачливыми.

— Около пивного бара,— докладывал Никитенко,— нами задержан мужчина в синей спортивной куртке. Установлено, что он нигде не работает, занимается перепродажей антикварных вещей. При допросе задержанный не мог объяснить, где находился в момент совершения преступления. Он был сильно пьян и перепачкан кровью.

«Понятно,— подумал Беков,— не поделили награбленное и свели счеты». Версия с Артуром потеряла остроту.

Наступил вечер. Меньше стало прохожих на улицах. В домах засветились окна, люди отдыхали после работы. Закончился трудовой день и для инспектора уголовного розыска, но, пожалуй, только формально. Беков вновь и вновь перебирал в памяти все детали происшествия, стараясь установить между ними взаимосвязь. «Может быть, разгадка таится в старых письмах?» — мелькнула догадка.

Когда он пришел домой, жена и дети уже спали, они смирились с тем, что отец возвращается поздно. Беков тихо прошел на кухню, поужинал без аппетита. «Опять не удалось поиграть с малышом,— подумал с досадой,— ну уж в выходной займусь с ним обязательно, только когда он будет, выходной-то?»

Для расследования загадочного дела была создана оперативная группа, возглавила которую старший следователь областной прокуратуры Ольга Васильевна Васильева. Приступая к работе, она располагала сведениями, далеко не обширными. Установлен факт убийства. Попытка преступников инсценировать пожар провалилась, более того, выисковывался облик этих людей, жестоких и хитрых. Характер содеянного свидетельствовал о том, что на месте преступления находился не один человек. Не исключено, что кто-то из них уже попал в поле зрения уголовного розыска: это задержанный мужчина в синей куртке либо скрывшийся Артур, которого остается только найти.

Тем не менее Васильева начала не с этого. За долгие годы своей работы она раскрыла немало запутанных преступлений. Хитрым и осторожным правонарушителям не удавалось уйти от возмездия. Она обратила особое внимание на одну деталь: следы истязаний на теле хозяина. Это могло означать: месть, желание получить нужную информацию либо заставить что-то сделать. Воз-

можно также, что преступление совершено маньяком, садистом.

Найденные в доме письма помогли выявить иногородние связи филателиста. В одном из них адресат из Подмосковья упоминал «Голубой Маврикий». Как выяснилось, это название редчайшей марки.

Инспектор, направленный в Подмосковье, нашел нужный адрес. И вот перед ним сухонький, сгорбленный старичок. Он принял гостя радушно и охотно рассказал о своем прошлом увлечении.

— Сейчас уж не до марок, стар стал.

— А с Борисом из Саратова вы знакомы?

— Как же, это мой фронтовой друг.

— А что вы знаете о «Голубом Маврикии»?

— «Голубой Маврикий»? — глаза старика заблестели. — Это чудо! Таких марок всего несколько штук во всем мире. А стоит она, если мне память не изменяет, два миллиона!

— И такая марка была у вашего друга?! — воскликнул инспектор.

— Вот этого не скажу, — лицо старика стало задумчивым, — здесь, сынок, целая история.

— Интересно, какая же, расскажите!

— Ну, коли время есть, слушай. — Старичок прокашлялся. — Было это летом 1944 года. Наш полк освободил небольшой городок. Поступил приказ: удержать населенный пункт до подхода основных частей. Мы с Борисом заняли массивный особняк на центральной улице, установили пулемет.

Немцы пошли в контрнаступление. Начался мощный артобстрел, с воздуха бомбили самолеты. Одна из бомб угодила в наш дом и часть его разрушила. Мы перетащили пулемет в уцелевшую комнату. Это был, кажется, кабинет или библиотека. Вдоль стен стояли шкафы с книгами. От удара артиллерийского снаряда рухнула одна из стен. Когда пыль рассеялась, то первое, что я увидел, был кляссер с марками. Он вылетел из какого-то шкафа и лежал на полу, раскрывшись посередине. В те годы я был уже большим знатоком филателии. Забыв об опасности, я принялся рассматривать марки. Боже! Передо мной был «Голубой Маврикий»! Кажется, я даже закричал. Борис подбежал ко мне, не понимая, что случилось. А я стал рассказывать ему о «Голубом Маврикии».

Что было потом, не помню. Кажется, снаряд угодил в окно. Очнулся я уже в санчасти. Сестра сказала, что мой товарищ вытащил меня из-под развалин и передал санитарам, а сам ушел в атаку.

Ранение мое оказалось серьезным, на фронт я уже не вернулся. А вот с Борисом переписываемся. Он стал настоящим филателистом, видно, пробудил в нем такую страсть в тот кошмарный день «Голубой Маврикий». О, если бы вы только видели эту марку!

Долго слушал инспектор рассказчика. Это была нужная информация, но как она была далеко от того, что хотелось узнать сегодня, немедленно. Что касается этой злополучной марки, то не является ли «Голубой Маврикий» мотивом преступления?

Проверка иногородних адресатов ответа на поставленные вопросы не дала. У покойного были слишком обширные связи, и это осложнило поиск, однако собранные сведения убеждали в том, что преступников надо искать в Саратове.

За недостаточностью улик вскоре отпала версия с задержанным в первый день тунейдцем в синей спортивной куртке. В соответствии с разработанным планом в местах возможной реализации марок организовали наблюдение, заполучили списки местных филателистов, которых оказалось более трехсот, выявили лиц, занимающихся перепродажей марок.

— Придется тебе, Владимир Федорович, стать на время филателистом,— сказал Бекову начальник уголовного розыска.— Преступники должны находиться среди них или иметь с ними тесную связь... Правда, еще остается Артур, который так и не появлялся.

Тяжело переживала навалившуюся на нее беду Наташа. Окружавшие ее люди много говорили о случившемся, строили догадки, сочувствовали, жалели при встрече, отчего ей становилось еще тяжелее, она замкнулась, сникла. В эти тяжелые минуты не было возле нее человека, с которым можно было бы поделиться своими раздумьями, излить душу. Беда отдалила ее от людей, даже тех, с кем работала вместе. Порой ей казалось, что за всеми сочувственными словами и взглядами таится подозрение, какая-то страшная, жестокая догадка. Служивцы знают, что за ней приезжали из милиции. Такое внимание могли расценить по-разному. Не исключено, что кто-то и скажет вскользь, что, мол, дыма без огня не бы-

вает. Подозреваемая! Это ужасно, когда на тебе лежит такая печать!

И все же в это трудное для Наташи время был человек, почти незнакомый, но который искренне желал помочь ей, стремясь раскрыть эту ужасную тайну. Несколько раз беседовал с ней инспектор уголовного розыска, и с каждым разом укреплялась надежда девушки на то, что он поможет ей.

Беков свои отношения с собеседником привык строить, исходя из того, что перед ним не кто иной, как помощник в поисках истины. Он никогда не стремился вырвать нужные показания любой ценой, избегал внешне эффектных приемов «раскручивания» подозреваемого. Как опытный психолог, наблюдал он за состоянием Наташи, пытался как бы «заглянуть» в душу девушки, сделать правильные выводы. Для проверки версии с Артуром нужна была ее откровенность, желание помочь следователю.

Проходили день за днем. Жизнь Наташи превратилась в кошмарный сон. Каждый телефонный звонок отдавался болью в сердце, она ждала его и одновременно боялась. Она сможет успокоиться, лишь когда преступники будут установлены. А если их не найдут совсем? Хоть бы появился Артур, почему он не звонит? На улице она инстинктивно всматривалась в прохожих и каждый раз вздрагивала, увидев мужчину в кожаном пиджаке.

Резко зазвонил телефон. С тревогой Наташа подняла трубку.

— Артур? Почему так долго не звонил? — Она чуть не заплакала. — Подъезжай к институту, я сейчас выйду!

— Давай вечером. Я только приехал из командировки, звоню с вокзала.

— Нет, сейчас, нужно поговорить!

— Ну ладно, выходи в два часа, я только домой заеду.

Когда они встретились, Наташа сразу рассказала о случившемся.

— Пойдем в милицию, — сказал он решительно, — у меня железное алиби.

— Не сейчас, — возразила она, — я обещала позвонить им, когда ты приедешь, раньше, чем встречу с тобой.

— Тогда до вечера, в семь у фонтана.

Он шел не спеша по улице. Рыжие листья шуршали под ногами.

— Вот пижон, и не здороваются,— окликнул его закадычный друг.

— Да, влип с этой Наташей,— буркнул с досадой,— ходи теперь оправдывайся. Еще, чего доброго, придут домой с обыском, а там кое-какой дефицит — привез из командировки. Начнут расспрашивать, зачем да почему, на работу сообщат. А как жить?

— Понятно. Приноси ко мне. На зарплату-то шибко не разгуляешься.

В раздумье Артур дошел до дома. У подъезда остановился, закурил, швырнул спичку на асфальт. «Да ну ее, эту Наташу!» — решил он, направляясь в подъезд. На встречу ему шагнул мужчина.

— Инспектор уголовного розыска.

Подтвердились опасения Артура. В один миг рухнула созданная его воображением иллюзия конспирации, пришлось рассказывать о своем побочном занятии, которое он так тщательно укрывал от постороннего глаза. Виноват, но к убийству не причастен! На такое преступление он никогда бы не пошел. Он, как ему казалось, честный человек: добросовестно работает, выполняет общественные поручения, живет культурно, правда, немного лучше, чем другие. А для этого нужны деньги. Сами понимаете, рестораны, подарки — за все это надо платить. Зарплаты не хватит. Конечно, можно пойти на станцию разгружать вагоны, он, собственно, так и делал, когда был студентом, но тогда деньги были нужны, чтобы купить бутылку кефира и булочку. А теперь он хочет пить коньяк, ездить в такси, одеваться по моде. А что в этом предосудительного? Он же не ворует, не грабит! Люди сами обращаются к нему: достань то, привези это. Хорошо платят, да еще благодарят. Они тоже хотят чего-то лучшего, чем у других, они не хотят ограничивать свои желания возможным, не довольствуются тем, что можно купить свободно в магазине. Так что он ни в чем не виноват, его зря задержали!

— Я буду жаловаться! Вы не имеете права,— возмутился он.

Первый снег, легкий и чистый, лег на землю, укрыл дома, газоны, деревья. Весь город преобразился, стал светлее, наряднее. Однако настроение у Бекова было мрачным. Расследование затянулось. Путь к истине ока-

зался нелегким. Инспектор стал своим человеком среди филателистов, многое узнал из их жизни, но не было главного: не проявлялись похищенные марки. Между тем внимание его привлекли два малоизвестных филателиста. Они иногда бывали в клубе, но в последнее время куда-то исчезли. «Надо познакомиться с этой парочкой поближе», — решил инспектор.

В разношерстной толпе собирающихся филателистов есть начинающие, случайные люди, ничем не приметные личности, есть и корифеи, специалисты по обменам и перепродажам, местные знаменитости. Некоторые знают друг о друге понаслышке, другие знакомы в лицо, у третьих более сложные взаимоотношения. Марин и Крап, по мнению знающих людей, были заурядными спекулянтами, или, как их еще именуют, фарцовщиками. Один имел жену, ребенка, нигде не работал, был молод. Другой, постарше, побывал за кражу в исправительном учреждении и теперь вынужден был работать, семьи не имел, но на отсутствие женского внимания не жаловался. Его сожительница, в прошлом студентка, имела привлекательную внешность и на зависть подругам модно одевалась, хотя работой на производстве себя не утруждала.

Те, кто привлек внимание инспектора Бекова, раньше частенько встречались в пестрой толпе филателистов, где бывал и Рыжий — подросток со светлыми волосами. Это он рассказывал приятелям о «Голубом Маврикии», который якобы имеется у одного старого коллекционера.

— Я спросил деда, — говорил Рыжий, — видел ли он «Голубой Маврикий», а он отвечает: «Не только видел, но и в руках держал». Только эту марку старик никому не показывает.

Эти слова услышал Марин и между прочим поинтересовался, что за дед, где живет.

Бекову также стало известно, что Марин и Крап встречаются не только в клубе, но и в чисто мужской компании на квартире.

Эта встреча с работниками уголовного розыска для Крапа была большой неожиданностью, хотя выглядел он внешне спокойно. При обыске в его квартире ничего существенного не обнаружили. Правда, наличие новой шубы стоимостью в две с лишним тысячи рублей и других дорогих туалетов его сожительницы послужило темой для разговора. Однако подозреваемый объяснял это просто: «Деньги дали родители». В дальнейшем подтвердилось,

что от своей матери он получал некоторую сумму. На вопрос, знаком ли он с Мариным, Крап ответил уклончиво: «Возможно, и знаю, у меня много знакомых». И еще один важный факт. На запрос милиции из организации, где работал подозреваемый, поступил ответ, что в день совершения преступления последний находился на рабочем месте. Такое алиби заводило расследование в тупик, пришлось оставить Крапа в покое.

Тем временем Беков и его товарищи сбились с ног в поисках таинственной дачи Марина, которую он якобы приобрел недавно и теперь поселился там. Ни жена, ни родители не могли ничего сказать о месте нахождения дачи. Беков предположил, что такую информацию можно получить у приятельниц Марина. И не ошибся. Вскоре обнаружилась особа, посвященная в тайну. Дача была взята под наблюдение. Ее обитатели и гости об этом не догадывались, их веселая жизнь продолжалась.

Бекову не терпелось завершить операцию. Обыск на даче должен был поставить последнюю точку: не было сомнений в том, что именно здесь окажутся неоспоримые вещественные доказательства. Однако Васильева почему-то медлила, откладывая завершающую акцию. Уже собрана информация обо всех посетителях дачи, но результаты не удовлетворяли следователя, не хватало главного.

Прошедшие несколько дней ничего нового не принесли, ждать дальше не было смысла, нужно принимать решение. Действия следователя могли показаться излишне осторожными: в перспективе показания гостей и самого хозяина дачи, результаты обыска обязательно должны были выявить что-то существенное. С другой стороны, приходилось пожертвовать шансом увидеть на даче еще кого-то. Что делать?

Посовещавшись, решили действовать. Хозяина дачи внезапно задержали, произвели обыск. Но ни марок, ни тем более альбомов не обнаружили, вся компания оказалась «мелкой рыбешкой», которую можно было обвинить разве что в аморальном поведении. Единственная зацепка — на даче при обыске обнаружили обрез, который к данному преступлению отношения не имел, однако не сулил ничего хорошего своему владельцу.

Марин давал сбивчивые показания, однако твердо отрицал свою связь с Крапом, заявив, что знал его когда-то раньше, но давно уже не встречался.

— Вот так ситуация,— сокрушался Беков,— выходит, версия с «Голубым Маврикием» дала осечку. Следствие пошло не по тому пути. А что, если все-таки Артур? Его знакомство с Наташей, длительная командировка, рассуждения о красивой жизни, да и сам он какой-то наглый, изворотливый... Надо им заняться получше, жаль, столько времени упущено.

Васильева тем не менее не спешила отказаться от версии с «Голубым Маврикием». Было установлено, что у Марина в другом городе есть брат, который коллекционирует марки. Но встречались ли они в последнее время, поддерживают ли связь?

Когда на очередном допросе Марина спросили о брате, он вздрогнул и попытался уклониться от ответа. Марину сказали, что в таком случае придется поехать к брату и расспросить его самого, возможно, память у него более надежная.

— Завтра какое число? — неожиданно спросил Марин и, опустив глаза, сказал, что завтра у него должна состояться встреча с человеком, который знает об убийстве.

— Где?

— У входа в Крытый рынок, в шесть часов вечера.

Кажется, лед тронулся. В назначенное время автобус, в котором находились Марин и трое сопровождающих, остановился в указанном месте.

— Ищи своего знакомого,— сказал Беков,— и мы пригласим его сюда.

Марин усталился в окно.

Люди парами и в одиночку проходили мимо; озабоченные и смеющиеся, они, кажется, не обращали внимания на находящихся в автобусе.

— Я его не знаю в лицо,— сказал мрачно Марин,— выведите меня на улицу, он сам ко мне подойдет.

Сопровождающие переглянулись. Предложение, видимо, озадачило их.

«Но зачем же тогда ехали,— подумал Беков,— и какой ему смысл обманывать?»

— Пойдем на улицу.

Марин быстро поднялся с сиденья и шагнул к выходу. Но Беков преградил ему дорогу. Щелкнули наручники, приковав руку Марина к руке инспектора.

— Пойдем,— повторил Беков.

Тот, кого ждали, не пришел. Объяснения Марина бы-

ли неубедительны. Однако было непонятно: если это выдумка, зачем она ему понадобилась?

— Не будем терять времени,— решила Васильева,— отправляйтесь на Дон, будьте там повнимательней.

Был поздний вечер, когда Беков с товарищем нашли нужный дом. Однако на звонок никто не отозвался, в квартире, видимо, никого не было.

— Что будем делать,— обратился Беков к товарищу,— ждать или пойдем в гостиницу поспим, а утром чуть свет сюда?

Последнее было удобнее, однако все же решили ждать, уж очень затянулось это дело.

Медленно шло время. В четвертом часу скрипнула дверь в подъезде, и женские каблучки застучали по бетонным ступеням. Возвращалась хозяйка, она была явно навеселе. Супруг ее отбыл в командировку, и она задержалась у знакомых.

Встреча с работниками уголовного розыска в такой неподходящий момент смутила хозяйку. Она без утайки сразу же рассказала о недавнем визите своего родственника из Саратова.

— Да, он, кажется, привозил марки, но какие, право, не знаю. Смотрите, вон их здесь сколько!

В квартире были десятки альбомов и множество марок рассыпью. Какие здесь из Саратова, поди догадайся!

— А когда вернется муж?

— Недели через две.

Неужели придется его ждать или можно вызвать немедленно?

«Увязли мы в этом деле,— подумал Беков,— тянется, как резина». Пришлось захватить несколько альбомов, указанных хозяйкой, на экспертизу: должны же на них быть отпечатки пальцев, остальные переписали и строго наказали хозяйке их не касаться. Коллеги из местного уголовного розыска помогли провести экспертизу. Однако нужных следов не обнаружилось. Хозяйка что-то путает.

Пришлось вновь отправиться к ней на квартиру. И тут такая неожиданность!

— Утром, чуть свет, кто-то позвонил в дверь,— рассказала она.— Я подумала, что вы обратно вернулись, открыла. Какая-то девушка, вижу первый раз ее, говорит: «Я из Саратова, мне с вами поговорить надо». А по-

том шепотом: «Если к вам милиция придет...» — «Да только что ушли, говорю, марки какие-то разыскивают». Она и убежала сразу.

— Опять какой-то подвох, — сказал Беков товарищу, — что за девушка, откуда взялась? Но проверить придется.

— А если поездом прикатила или, чего доброго, на машине, где будешь искать?

— Будем надеяться на лучшее, на самолет.

На этот раз надежда оправдалась. Скоро визитерша уже в Саратове давала показания.

Итак, кольцо замкнулось. Добытые факты лишили Марину последней надежды замести следы. Все его доводы оказались несостоятельными. Теперь-то он признался, что готовился бежать тогда через Крытый рынок. Народу там много, значит, стрелять не стали бы. А коли ушел бы — сразу к брату, и — все концы в воду. Но ему всю жизнь не везет. Он мечтал разбогатеть — не вышло, замышлял провести инспектора — не получилось. Его обходят. И во всем виноват Крап, это он обманывал его в карты, обманул в жизни, он погубил его.

Крапа арестовали. Однако он по-прежнему все отрицал, а показания Марина характеризовал как оговор: дескать, он, Марин, должен ему крупную сумму денег, вот и пытается очернить. А к пожару в доме филателиста он вообще никакого отношения не имеет, у него алиби — справка с места работы о том, что в тот день он находился на стройплощадке, на расстоянии десяти километров от места происшествия.

Логика утверждает, что в одно и то же время нельзя находиться в двух местах. Выходит, Крап не был на месте преступления в момент его совершения? Это был, пожалуй, последний ребус, который предстояло разгадать.

Сотрудниками уголовного розыска были опрошены по отдельности все члены бригады, в которой работал Крап. Им задавали один и тот же вопрос: какую работу они выполняли такого-то числа? И тут выяснилось, что названное число было днем, следующим за днем выдачи заработной платы.

— Какая уж там работа, — признавались рабочие, — бригадир вынужден был отпустить нас домой, чтобы пришли в себя, а в табели всем поставил рабочий день, чтобы не было прогула. В ближайший же выходной бригада отработала свой долг, а потом этот эпизод забылся.

Так, по случайности, у преступника появилось надежное алиби.

Наконец-то все улики собраны, доказательства сформулированы. В поисках и установлении истины приняли участие десятки людей. Основная часть работы легла на плечи инспектора уголовного розыска Владимира Федоровича Бекова и старшего следователя областной прокуратуры Ольги Васильевны Васильевой. Картина преступления вырисовывалась достаточно четко.

...Выписав в каталоге несколько редких марок, преступники отправились по известному адресу, якобы для обмена. В дом вошел один Марин, Крап остался ждать на улице. Хозяина предложение заинтересовало, и он стал показывать гостю свои марки. Марин, однако, заявил, что ему нужно подумать. Этот разведывательный заход утвердил их намерения.

Несколько дней выслеживали воры квартиру, наблюдение вел Марин, устроившись на скамейке неподалеку в скверике. Однако составленное им расписание дважды дало осечку. Так получалось, что бабка не ходила на рынок, оставалась дома. Крап начал терять терпение. Подгоняемый страхом, что сообщник вовсе откажется от дела, Марин предложил новый план:

— Утром девица уходит на работу, а старик обычно подолгу гуляет по Набережной, вот тогда и пойдем. Бабка совсем слепая, нас не разглядит. Привяжем ее веревкой к кровати.

— А вдруг она нас запомнит?

— Возьмем с собой пионерские галстуки, повяжем, пусть подумает, что ребята из школы,— захохотал Марин.

В то утро грабители подошли к дому, осмотрелись. На улице тихо, пустынно. Все шло, как и было задумано, если не считать одной случайности. В то утро хозяин, почувствовав боль в пояснице, решил не ходить на прогулку, но об этом грабители не знали.

Решив, что настал самый подходящий момент, они постучали. Открыла хозяйка. Они вошли в дом. Но тут из спальни появился дед. Изменившаяся ситуация спутала планы преступников, которые предусматривали лишь похищение марок. Потеряв над собой контроль, они совершили страшное злодеяние и только тогда опомнились. Но теперь им завладел страх неминуемой расплаты за содеянное. Они решили имитировать пожар.

Прихватив с собой часть марок, преступники скрылись, уверенные, что следы их никому не удастся распутать. А после того, как Марин совершил удачную поездку к брату и реализовал там украденные марки, они вообще почувствовали себя неуязвимыми, но из предосторожности старались не встречаться на людях. До них дошел слух, что ведется расследование, но Марин и Крап предположили, что оно ни к чему не приведет.

Однако преступники просчитались, притом значительно раньше, еще задолго до совершения преступления. Они стали жертвой собственных иллюзий. Им казалось, что они лишь слегка нарушают закон, уклоняясь от честного труда, и ничего страшного в этом нет. А затем сработала инерция: от «невинной» спекуляции до тяжчайшего преступления оказался всего один шаг. На таком же пути стоял и молодой инженер Артур, и неизвестно, чем бы для него это могло кончиться.

Закономерен финал уголовного дела, о котором рассказано выше. Исследовав материалы дела, суд признал подсудимых виновными и определил им высшую меру наказания. Собственно, к этому они приговорили себя сами, избрав паразитический образ жизни, а ведь им было немногим более двадцати лет.

* * *

Мы беседуем с Ольгой Васильевной у нее в кабинете. Эта женщина работает в органах прокуратуры уже более сорока лет. На ее счету десятки сложных уголовных дел, которые ей удалось раскрыть.

— Ну, а что «Голубой Маврикий»? — спрашиваю.

Она открывает тяжелую дверцу сейфа и достает фотографии. На одной из них — изображение марки. Ничего особенного: в квадратике — бюст красивой женщины. Стоило ли из-за этого терять голову? Выписка из каталога «Ивер» гласит, что в 1847 году на острове Маврикий выпущена эта марка. Во всем мире насчитывается всего 15 экземпляров «Голубого Маврикия». Стоимость ее 1 650 000 франков.

— И такая марка была у саратовского филателиста?

— Нет. Марка, о которой рассказали нашему инспектору, так и осталась в том полуразрушенном доме. Не до марок тогда было. А фотография сделана с репродукции.

ДВА ДЕЛА СЛЕДОВАТЕЛЯ КУТЕПОВА



История с телогрейками

История, казалось бы, проще и придумать трудно. Стали пропадать в столовых города пальто. Есть еще немало таких небольших столовых, где нет ни специальной, отведенной под гардероб комнаты, ни гардеробщика. Просто в самом зале стоит несколько вешалок. Человек оставляет на них свою верхнюю одежду и обедает. Обедает и поглядывает туда, где пальто висит. Одни чаще поглядывают, другие реже. Третьи вовсе не смотрят: куда оно денется, это пальто, кому оно нужно...

И тут вдруг пальто стали пропадать. Три случая подряд. Три заявления из трех разных столовых. Почерк один: вместо пальто каждый раз на вешалке остается телогрейка.

Поручили это дело Кутепову. Работал он к тому времени следователем два года. Достаточно долго, чтобы понять: профессии, которую он избрал, нужны мастера, наделенные многими и многими качествами. И бесконечно мало, чтобы качествами этими овладеть. А овладеть хотелось как можно быстрее. И работа этого требовала, и самолюбие.

Простейшая история, примитивнейшая. Все ясно, все просто, как колесо, убеждал себя Кутепов ознакомившись с заявлениями. Если человек за такое взялся, то он не остановится. Должен пойти за четвертым пальто. Тут его и брать. Прямо в столовой. И делу конец. Только в какой столовой? И когда он туда пойдет?

Чем больше размышлял Кутепов, тем тоскливей ему становилось. Потому что в городе столовых много, и в которую из них придет преступник — неизвестно. Даже если посадить в каждой столовой по оперативному работ-

нику, что само по себе невозможно, то разве запомнит он всех, кто пришел пообедать, кто в чем зашел и в чем выходит.

Он раскрыл тонкую папку «Дела» и снова стал читать, пытаясь найти хоть какую-нибудь ниточку, за которую можно ухватиться. Раз перечитал, другой, но так ничего и не нашел.

Назавтра он встретился с потерпевшими, уточнил, как выглядят украденные пальто. Потом тщательно описал каждое. Описание раздали всем, кто мог проследить, не появятся ли вещи на базарах или в комиссионных магазинах.

Пока те, кому положено, искали, он взялся за изучение телогреек. Кутепова учили, что любая вещь, если ее внимательно рассмотреть, всегда может что-нибудь рассказать. И о себе, и о своем хозяине. Только вначале осмотр этот не особенно много дал. Размер телогреек разный: от сорок восьмого до пятьдесят второго. Значит, вроде бы их разные люди носили. А мог и один. Телогрейка вещь такая, что можно носить и на пару размеров больше, и на размер меньше... Одна почти новая, две другие — старенькие. А вообще — обычные телогрейки, и ничего в них особенного.

Но все-таки кое-что обнаружил. Во-первых, на всех трех оказались масляные пятна. Люди, носившие их, имели дело со смазочными материалами. Во-вторых, в наружных швах Кутепов нашел мельчайшие частицы белой пыли. Как будто туда мука попала. А может, и не мука. Кутепов собрал немного на кончик пальца, лизнул — никакого впечатления: не кислое, не сладкое...

С этими двумя находками отправился Кутепов к криминалистам. Те поколдовали и дали заключение, что пыль силикатного происхождения. В таком количестве и такого состава может попасть только на заводе силикатного кирпича. На масляных пятнах обнаружили микроскопические следы металла.

Это уже была ниточка. Стало возможным предположить, что хозяин, или хозяйка, телогреек работает на заводе силикатного кирпича. Причем работает у каких-то машин или механизмов. Можно идти на завод, говорить с людьми. Показать телогрейки: «Не узнаете ли?»

Кутепов понимал, что все это стопроцентного успеха не гарантирует. Много здесь имелось поворотов, которые могли завести в тупик. Телогрейка — спецодежда. Выда-

ют ее на определенное время, скажем на год. Вряд ли люди на заводе помнят, кто в прошлом году в какой телогрейке ходил. Они же, на первый взгляд, как близнецы друг на друга похожи. Да никто и не присматривается особенно. Кроме того, можно допустить, что все три телогрейки украдены... Но побывать на заводе надо. В любом случае ниточка тянулась туда.

Так и не успел Кутепов побывать на заводе. Задержали вора. Прямо на месте преступления.

Пришел он в одну из столовых, пообедал. Потом схватил вместо своей телогрейки очень даже неплохое пальто с дорогим воротником и двинулся к выходу. Владелец пальто как раз в это время и увидел его. Оказался он человеком неробким, решительным. Окликать вора не стал, не спугнул. Тут же в столовой догнал и схватил его. Позвонили в милицию, и его, голубчика, доставили куда следует. А через некоторое время Кутепову сообщили, что преступник, которого он разыскивает, задержан.

И вот он сидит перед Кутеповым. Одет как будто в театр собрался: коричневый костюм, белая рубашка, галстук — все как положено.

«Понятно, почему ты так разоделся,— думал, разглядывая его, Кутепов.— В таком костюме — выбирай самое хорошее пальто, никто не обратит внимания. С виду вполне порядочный парень. Рослый, в плечах широк, лицо приятное. Держится спокойно. Почему же он так спокойно держится, на месте преступления ведь взяли, с поличным? Или он бывалый, привык к таким делам, или на что-то надеется...»

Тут же Кутепов провел первый допрос. На первый допрос он вообще-то не особенно надеялся. Полагал, что в подобных случаях он многого дать не может. Но важно, для начала, получить четкое представление о человеке, с которым имеешь дело. Тогда и работать с ним будет легче. Так что старался он вести этот допрос как можно тщательней. Задавал вопросы и по сути самого дела, и самые неожиданные, никакого отношения к делу не имеющие. Какая-нибудь мелочь, казалось бы, незначительная деталь потом очень и очень могут пригодиться.

Кутепов неторопливо спрашивал, вроде беседовал. Парень так же неторопливо отвечал на вопросы:

— Корпачов Сергей Васильевич, 29 лет, Образование

среднее. На заводе силикатного кирпича работаю семь лет...

«Все-таки правильно я наметил завод», — с удовлетворением отметил Кутепов.

— Слесарь по ремонту оборудования. Работа трехсменная. Сегодня в третью смену заступать. Женат. Жена тоже на этом заводе работает. Сейчас в отпуске, уехала к матери в село. Детей нет. Имеем отдельную квартиру. Фотографией увлекаюсь. В школе в кружке занимался, с тех пор и тянет. Люблю это дело...

Обмяк как-то, когда заговорил про фотodelo.

— Нет, никогда не задерживался. Под следствием не был, к судебной ответственности не привлекался.

Заполнял Кутепов протокол допроса, а сам думал, что вот преступник пойман, причем пойман с поличным. И вроде бы дело к концу. А оно фактически только теперь по-настоящему и начинается. Надо найти виновника еще трех краж... Или доказать, что это работа Корпачова. Тем более что и четвертая телогрейка, с которой привели его, тоже имела масляные пятна. Но даже если он украл те три пальто, то это еще доказать надо. Сам Корпачов, судя по всему, добровольно не признается.

Кутепов взял со стола телогрейку, внимательно осмотрел ее и нашел в швах, как и ожидал, силикатную пыль.

— Вашу телогреечку, Сергей Васильевич, вполне можно в нашу коллекцию включить. Это у нас уже четвертая будет.

— Неужели тронх с такими телогрейками задержали?

— Задерживаем первого, — в тон ему ответил Кутепов. — А вот телогрейки друг на друга очень похожи. Уж не ваши ли они, все четыре?

— А почему же это вдруг мои?

— Эта вот — ваша? — Кутепов дотронулся до телогрейки, с которой Корпачова задержали.

— Эта моя.

— Эта ваша... А у нее, Корпачов, очень много общего с остальными тремя. Хотя бы силикатная пыль. Во всех четырех телогрейках она абсолютно одинаковая.

— Мало ли у кого на телогрейке силикатная пыль может быть. На нашем заводе, наверно, не меньше тысячи человек работает.

— Но задержали за кражей пальто вас, и теперь, естественно, подозрение в трех остальных кражах падает тоже на вас.

— Так я же пальто совершенно случайно взял. Я же говорил, мне сегодня в третью смену. Жена уехала, сам готовить не люблю. Пошел в столовую пообедать. А стал уходить, увидел это пальто. Давно о таком мечтал, но никак купить не мог. То денег свободных нет, то пальто такого не вижу. И что-то со мной стало. Сам не знаю, как взял.

«Ну и нахал.— Кутепов с интересом разглядывал собеседника.— Затмение на него нашло. Еще, глядишь, к психиатру попросится. Те три, значит, не его, а это — случайно, в состоянии шока».

— Между прочим, другие телогрейки тоже в масляных пятнах. Можете убедиться.— Кутепов подвел Корпачова к столу, где лежали остальные телогрейки.

Тот осмотрел телогрейки внимательно, по-хозяйски.

— Не, не мон. Первый раз вижу. И зачем мне четыре пальто?..

То ли действительно не его, то ли уверен, что доказать невозможно.

Кутепов, и верно, пока ничего доказать не мог. Тем более не исключалась и другая версия. Он над этим уже думал... Может, их там, на заводе, компания целая. Один украл, рассказал друзьям, и те пошли. Такое тоже нельзя исключить. Но тогда Корпачов к трем прошлым кражам отношения не имеет.

Мог бы, пожалуй, что-нибудь прояснить обыск. Если украл он, то вполне возможно, что пальто эти у него дома. Вряд ли за короткое время он успел их сбыть. С той поры, как первое украл, и двух недель не прошло.

Кутепов получил разрешение на обыск, собрал группу, и вскоре они были дома у Корпачова. Пригласили соседей в понятие.

Квартира у Корпачовых небольшая. Отдельная однокомнатная секция. Осмотрели ее быстро, все ведь на виду. Одежда в шкафу и на вешалке в прихожей только та, что ему или его жене принадлежит. И никаких чужих пальто.

Все это вроде бы подтверждало невиновность Корпачова в прошлых кражах. Но уж очень не нравилось Кутепову, как тот себя держит. Если человек невиновен, он и то нервничает во время обыска. Неприятно, когда в твоих вещах чужие люди роются. Поэтому, вероятно, и обыск разрешается делать только тогда, когда есть для этого веские основания. Чтобы не унижить человеческое

достоинство. А Корпачов не нервничал, ни разу даже не поморщился. Он с любопытством, совершенно спокойно наблюдал, как шел обыск.

— Неприятно, не правда ли? — спросил Кутепов.

— А мне что... Мне бояться нечего. Ищите. У меня все на виду.

«Сам факт обыска его нисколько не смущает,— утвердился в своем мнении Кутепов.— А должен бы возмущать, если он невиновен. А если виновен? Тогда он может быть спокоен только в том случае, если пальто дома нет. Уверен, что мы ничего не найдем...

Значит, это его работа...»

Обыск закончили быстро. Все, что можно, осмотрели, и довольно тщательно, но результатов никаких. Корпачов посмеивался, понятия не имел. Оперативные работники посматривали на Кутепова: «Нет ничего, пора уходить...»

Кутепов и сам понимал, что пора уходить. Но не мог. Масляные пятна, силикатная пыль, поведение Корпачова — все в одну точку сходилось. И если украл пальто он, то должны быть дома какие-то следы. Кутепов понимал, что если уйдет сейчас, то потом следы эти уже не разыскать. Надо думать сейчас, искать сейчас, пока «горячо».

Неторопливо ходил Кутепов по комнате, разглядывая то шкаф, то сервант, то кровать, а сам думал, мучительно думал, как быть, что делать дальше? И ничего толкового придумать не мог. Одно только было ему ясно: надо отойти от стандарта. Все время искали пропавшие пальто, но не нашли. И не найдут их здесь. Надо искать что-то другое, какие-то другие улики. Но что искать — этого он себе представить не мог. Твердо знал одно: уходить нельзя. Значит, надо тянуть время. И думать. А как его оттянуть, время? Не чай же пить. И просто так сидеть нельзя. «Есть! — вспомнил вдруг. — Он же фотолюбитель!»

— Послушайте, Корпачов, — подошел Кутепов к хозяину квартиры, — вы мне про свое увлечение фотографией рассказывали. Покажите свои работы. Интересно, каких вы вершин достигли?

— Какие уж там вершины, — застеснялся вдруг Корпачов. — Так, щелкаю понемногу. Кое-что, правда, есть. Не хуже, чем у других.

Открыл Корпачов тумбочку, что стояла возле крова-

ти, вынул оттуда три больших альбома. И сели они за стол, рядышком, как лучшие друзья, фотографии рассматривать. Один сухощавый, подтянутый, русоволосый, в неброском сером костюме. Другой — хоть и моложе, но уже полнеющий, с густой черной шевелюрой, в новом костюме, словно на праздник собрался, но вот задержался на минуту. Оба склонились над раскрытым альбомом. Один с удовольствием показывал, другой с любопытством рассматривал.

Понятые, возможно, подумали, что так и должно быть, оживились, ожидали чего-то. Оперативные работники тоже подумали, что Кутепов напал на след, и тоже ждали...

Один только Кутепов представления не имел, что делать дальше. Сидел рядом с Корпачовым, разглядывал фотографии.

Корпачов показывал с удовольствием. По ходу рассказывал, как снимал, как печатал. Кутепов постепенно втянулся, стал рассматривать снимки с интересом. Фотографии, действительно, были неплохие, особенно пейзажи и портреты. Жанровые получались похуже.

Рассматривал Кутепов страницу за страницей и все больше убеждался, что с фотографиями он придумал удачно. Время идет медленно, а впереди еще два альбома, так что подумать есть возможность. И еще одна польза. Должны же на фотографиях у Корпачова дружки быть. Узнать их крайне необходимо. Вполне возможно, что придется с ними знакомиться. Потому что раз нет у Корпачова дома пальто, то, наверно, спрятал он их у кого-то из дружков.

Вдруг, где-то в середине второго альбома, увидел Кутепов еще одну фотографию самого Корпачова. Поясной портрет на рабочем месте. Улыбается во весь рот. Шапка на нем и телогрейка. Правой рукой прижал к груди гаечный ключ. Посмотрел Кутепов на телогрейку — его даже в жар бросило. Одна из трех. Тех самых. Столько он на них смотрел, что они у него буквально перед глазами стояли, со всеми подробностями. Точно, красуется Корпачов в той самой телогрейке, которая сейчас в отделе лежит. Обычная телогрейка с черными пластмассовыми пуговицами. Только на самом виду, третья снизу, вместо пластмассовой — металлическая. Так хорошо знакомая Кутепову армейская пуговица. В войну эти пуговицы у него на гимнастерке были покрыты зеленой защитной

краской, а после войны драил Кутепов такие пуговицы зубным порошком так, что сияли они, как солнце. И эта, на фотографии, блестела. Точно такая же, третья снизу, блестела на одной из телогреек, доставленных из столовой.

Очень Кутепову захотелось вынуть из альбома эту фотографию и сунуть ее под нос Корпачову. Но что-то удержало. Сделал вид, что не заметил пуговицу, не обратил на нее внимания, и спокойно, как и о других фотографиях, спросил:

— Это когда фотографировались?

— В позапрошлом году, на работе.

— Кто снимал?

— Не помню. Кто-то из наших,— и перелистывает страницу. Медленно перелистывает, словно нехотя.

«Играет,— понял Кутепов.— Вот артист! Значит, тоже пуговицу заметил и насторожился. А нам торопиться некуда. Мы еще к этой фотографии вернемся».

Корпачов страницу перелистал, опять повеселел.

«Внимательней надо фотографии смотреть,— думал Кутепов.— Может, и остальные телогрейки в этих альбомчиках найдутся».

Листали-листали, долистали третий альбом до конца, но ничего интересного для себя Кутепов больше не встретил. Правда, запомнил всех дружков Корпачова и всех родственников.

«Итак,— стал он размышлять,— одна телогрейка есть. Здесь ему не отвертеться. И время определим. И кто снимал, найдем... Сейчас сказать или подождать? Подожду. Где-то еще поискать надо».

Раз прошелся по комнате, другой. Корпачов совсем успокоился, сидит, зубы скалит, посмеивается.

— На второй круг пошли, товарищ следователь?

«Веселишься, чувство юмора у тебя прорезалось,— рассердился Кутепов.— Недолго тебе веселиться осталось».

— Ничего,— сказал он вслух.— Надо ведь до конца разобраться.

— Так я же не против,— продолжал зубоскалить Корпачов.— Ищите, у вас работа такая. Только я сразу сказал: нет у меня ничего, зря время теряете.

Он ведь знал, что украденных пальто дома нет.

Кутепов продолжал блуждать по комнате. Что-то здесь можно было найти. Он был уверен в этом. Но что?

В сервант заглянул: посуда, чашки, плошки, тарелки, сервиз чайный, рюмки. В тумбочку возле кровати — тоже ничего особенного. Шифоньер опять открыл. Костюм висит, пальто. Неплохое, между прочим. Судя по всему, ничуть не хуже краденого. Дорогой воротник. Плащ, рубашки. Одежда жены... Все то же, что и в прошлый раз, ничего не убавилось, ничего не прибавилось. А внизу, в левом углу, небольшой узелок. Его раньше и не смотрели. Не спрячешь же в него пальто.

«А если искать не пальто,— думал Кутепов.— С одной телогрейкой разобрались, фотография помогла. Посмотрим, что здесь».

Потянулся он за этим узелком, достал и понес к столу. Глянул на Корпачова. Тот наблюдал безо всякой опаски.

Положил Кутепов узелок на стол, развязал и сразу же пожалел об этом. Потому что лежали в нем лоскутки материи, обрезки. Редко какая хозяйка такого узелка не имеет...

Но поскольку развязал узелок — делать нечего. Стал Кутепов перебирать лоскутки, никакого отношения к делу, которым он занимался, не имеющие.

А Корпачов подначивает:

— Гражданин следовательно, неужели вы думаете, что, если бы я пальто взял, я бы его на лоскутки порезал? Я бы его носил.

Сидит Кутепов за столом, перебирает лоскутки. Синие, красные, зеленые, в клеточку, в полоску... Большие и маленькие. И вдруг серенький попадает. Небольшой такой, с ладонь. Знакомый материал... Видел его где-то Кутепов совсем недавно. Поглядел он на Корпачова. Тот никак не реагирует. А Кутепов мучительно вспоминает, где он мог видеть этот материал, и никак не может вспомнить. Отложил он серенький в сторону и стал перебирать остальные. Перебирает, а сам все на серенький поглядывает. Чувствует, что непременно надо вспомнить. И никуда он отсюда не уйдет, пока не вспомнит.

Думал-думал и все-таки вспомнил. Точно из такого же материала на одной из телогреек заплата поставлена.

Кутепов даже глаза закрыл, представил себе эту телогрейку: заплата на левом рукаве, небольшая, квадратная. Материал этот же, серенький, с белыми прожилками. Вот теперь можно начинать с Корпачовым настоящий разговор.

— Вот что, Корпачов,— сказал Кутепов.— Парень вы, по всему видно, веселый, и жизнь я вам портить не хочу. Все, что могли, чтобы ее испортить, вы уже сделали. Но есть у вас еще время для добровольного признания. И полная возможность добровольно вернуть украденные пальто. Все три. Суд, как правило, такое учитывает.

— Нет,— не задумываясь, ответил Корпачов.— Не брал я этих пальто. За то, с которым задержали, готов отвечать. А к остальным никакого отношения не имею.

— Ваше дело. Потом жалеть будете. Я, видите ли, уверен, что вы имеете к ним отношение. Посмотрите на этот лоскуток и вспомните, была ли у вас телогрейка с заплаткой на левом рукаве? Заплата из этого самого серенького материала?

— Не помню,— как-то даже растерялся Корпачов. Впервые вроде за этот день растерялся.

Как потом оказалось, он, и верно, не помнил. Поставила жена заплатку и поставила. Мужчине, как правило, к заплаткам приглядываться не станет.

— А я помню. Возьмем мы сейчас, Корпачов, этот лоскуток, занесем его в протокол. Потом передадим специалистам. Они сравнят его с заплаткой на телогрейке и докажут, что заплатка и лоскут из одного куска материала. Значит, телогрейка ваша.

Если понадобится — исследуют шов. Он как почерк. У каждого человека своя манера шить, свой вид стежка. И специалисты очень просто докажут, что заплатку ставила ваша жена.

От такого натиска Корпачов приуныл. Перестал улыбаться, только головой вертит, как будто у него воротничок узким стал и шею давит.

— Ну, вы и даете,— вымолвил он наконец.— Ни в жизнь бы не подумал, что из-за этой тряпочки... Как же вы ее запомнили? Я и то только теперь, когда вы сказали, припомнил. Но я же ее полгода носил, с этой заплаткой. Моя. Я брал пальто.

— Хорошо. Запишем...— Кутепов заполнил протокол. Дал расписаться Корпачову и понятым.

Потом он взял альбом и открыл на нужной странице.

— Эта тоже у нас лежит. Пуговицу узнаете? Значит, еще одно пальто ваше?

— Заметили все-таки. Ну и работа у вас! Каждую пуговицу запомнить надо, каждый лоскуток...

— Такая уж работа. Пока ваш брат ворует, приходится. Третья телогрейка тоже ваша?

— И эту доказать можете?

— Пока не могу, но непременно докажем.

— Ладно,— согласился Корпачов.— Моя. Но хоть работаете вы здорово, эту никогда бы не доказали. Новенькая она у меня, никаких у нее примет нет.

— Доказали бы, Корпачов. Непременно доказали бы. Только время уйдет. Ведь вы ее на заводе получили как спецодежду. Значит, идем мы на завод. Когда вы последний раз спецодежду получали, узнать там нетрудно. Кто одновременно с вами получал — тоже известно. Просим всех, кому тогда телогрейки выдали, принести их. Сравним с той, что у нас. Эксперты определят, что все они из одной партии. И окажется, что у всех остальных телогрейки имеются, а вашей нет. Ваша у нас. Значит, пальто брали вы. Так и докажем. Я понятно объясняю?

— Чего уж понятней. Выходит, я все-таки дурака сваял. Хоть так, хоть эдак — все равно взяли бы?

— Это точно. Просто нам надо побыстрее, пока вы эти пальто никуда не девали. Надо вернуть их людям, у которых они украдены.

Дело было в Озинках

Кутепов приехал в Озинки в марте. До этого он не имел представления ни о районе, ни о самом райцентре. Знал, что район степной, что находится далеко за Волгой, на границе с Казахстаном. И еще помнилось, как кто-то рассказывал, что в степи под Озинками, на целинных землях, в мае расцветают тюльпаны. И что это зрелище неопишуемой красоты. Вот и все. Нельзя сказать, чтобы ехал он сюда с неохотой. Новые места посмотреть всегда интересно. Да и работа его на этот раз ожидала несложная. Поступила в райотдел жалоба от одного из рабочих, занятых на строительстве магазина райпотребсоюза. Он писал, что платят рабочим меньше, чем должны бы платить. Утверждал, что прораб прикарманивает часть денег из их зарплаты. Местный следователь беседовал с рабочим, приглашал для объяснения прораба и пришел к мнению, что злоупотреблений нет, зарплата начисляется правильно. Дело прекратили.

Но рабочий остался таким решением недоволен и написал жалобу уже в областное Управление внутренних

дел. Вот и поручили Кутепову разобраться, кто там прав, кто виноват. А если потребуется, и местного следователя подучить.

Кутепову, с его опытом, разобраться в таком несложном деле труда не представляло. Так что командировка предстояла недолгая. Как Кутепов прикинул, находится ему здесь дня три-четыре. И был этому рад. Потому что погода здесь стояла очень уж скверная. Вроде бы юг области, а тут мороз и холодный степной ветер. На таком юге полушубок нужен и валенки. А Кутепов приехал в обычном, стандартном, не для больших морозов, пальто. Легкие полуботинки, в которых можно ходить по Саратову, тоже оказались не для местной погоды.

В райотделе выделили ему на время отдельный кабинет и дали тоненькую папочку «Дела». Посмотрел он ее внимательно, почитал, подумал и пришел к выводу, что по имеющимся материалам ни «да», ни «нет» сказать нельзя. Поверхностно как-то подошли к этой истории. И заявление рабочего без доказательств: мало платят, а надо бы больше, вот и все... С другими же рабочими поговорить не сообразили или не посчитали нужным. И прораб, по сути дела, ничего толком не объяснил. То ли у следователя опыта оказалось маловато, то ли несерьезно отнесся, только поверхностные получились протоколы-чипки и заключение необоснованное.

«Придется начинать все сначала,— решил Кутепов.— Может быть, рабочий и не прав. Горелов, кажется?..— Он открыл папку, проверил.— Точно, Горелов Петр Сергеевич... Может быть, и не прав Горелов. Есть еще такие, которым все мало...— Кутепову и с такими приходилось встречаться.— А может, и прораб что-то крутит. Дело мелкое, но разобраться надо. Посмотрим объем работ, познакомимся с расценочками. С людьми поговорим. Вот у нас и ясность появится. А прежде всего с Гореловым надо увидеться. Человек две жалобы написал...»

Он попросил вызвать завтра утром Горелова, а к двенадцати часам прораба Косачева и отправился в гостиницу.

Кутепов пришел в райотдел, как обычно ходил на работу, к девяти. В коридоре, возле дежурного стоял мужчина лет пятидесяти. Роста он был приблизительно такого же, как и Кутепов, где-то сто семьдесят, но гораздо

шире в плечах. Из-под просторной стеганки виднелся коричневый толстой вязки свитер. Еще были на нем стеганые брюки и белые валенки с калошами.

«В такой одежде здесь, в Озинках, в самый раз,— позавидовал Кутепов.— В такой можно и на улице работать. Наверно, это и есть Горелов».

— Петр Сергеевич? — задержался он возле посетителя.

— Он самый,— повернулся тот к Кутепову.

— Значит, ко мне. Заходите. Приехал по вашему заявлению. Я следовательно, Кутепов Анатолий Гаврилович.

Горелов кивнул. Молча прошел за Кутеповым в кабинет. Молча сел на стул.

Кутепов помолчал, ожидая, пока Горелов начнет рассказывать. Это очень удобно — дать собеседнику выговориться, не прерывать его. Пусть говорит все, что хочет. Во время такого монолога хорошо вырисовывается характер. А когда собеседник закончит, точными вопросами направить дальнейший разговор в нужную, интересующую следователя сторону.

Но Горелов тоже молчал. Пришлось все-таки начинать разговор Кутепову.

— Петр Сергеевич,— Кутепов решил первым же вопросом определить направление разговора,— мне хотелось бы кое-что уточнить у вас. Прежде всего, на чем вы основываетесь, когда пишете о недостаточно высокой оплате за ваш труд?

— На работе.

— Как это?

— Работаем как следует. А денщина семь рублей.

— Сколько же, по-вашему, должно быть?

— Больше.

Горелову стало жарко. Он снял шапку, положил ее на колени и скрестил на ней толстые пальцы больших, красных, обветренных на морозе рук.

«Крепкие руки,— отметил Кутепов.— Без перчаток ходит. Таким рукам перчатки ни к чему. Работник».

— С расценками вы знакомы? — спросил он.

— Нет.

— С прорабом беседовали? Что он говорит?

— Жулик он.

— Это доказать надо, что жулик.

— Вот вы и докажите.

До чего же скуп на слова был этот Горелов. Выдав-

ливая короткие фразы, он от напряжения вспотел и растегнул телогрейку. Кутепову тоже стало жарко. Он и с одной стороны заходил, и с другой, а набрал, в общем, не так уж много. Но одна любопытная деталь все-таки проявилась. Зарплату, как правило, выдавали по пятницам. Но иногда прораб собирал рабочих и говорил, что придется подождать до понедельника: ведомости еще не готовы. Рабочие, настроившиеся получить зарплату, возмущались. Под их нажимом прораб обычно уступал, давал кассиру указание выплатить деньги. Но предупреждал, что придется расписываться в незаполненной пока ведомости. Потом, мол, бухгалтер заполнит ее, проставит суммы, сделает все, что положено. Жулик, как утверждал Горелов, прораб или не жулик, но такая система давала возможность для злоупотребления.

Горелов ушел. А Кутепов смотрел в окно, как тот неторопливо пересекает площадь у райотдела, и думал о том, что хоть доля правды в заявлении Горелова должна быть. Понравился ему Горелов. За силу, за уверенность, с которой говорил. А еще за то, что молчалив. «До чего же он чудесно молчит,— думал Кутепов.— Работать с таким трудно. Но как же хорошо, видно, с ним отдыхать. Можно за день ни слова друг другу не сказать». Кутепов и сам не любил лишних слов, лишних разговоров. Предпочитал помолчать. А уж если завязался разговор, то послушать других.

Ровно в двенадцать прибежал прораб Косачев. Этот появился в новой коричневой дубленке и ондатровой шапке. Райпотребсоюз! Был он таким же плотным, как Горелов. «Но у того мышцы,— отметил Кутепов,— а у этого жирок». И еще в отличие от Горелова оказался прораб суетлив и не в меру разговорчив. Так что первое впечатление сложилось у Кутепова не в его пользу.

— Здравствуйте! Приехали разбираться...— Он не стал ждать вопросов Кутепова.— Очень рад познакомиться! Очень рад, Анатолий Гаврилович!

«Этот уже знает, как меня зовут»,— отметил Кутепов.

— Я Косачев, прораб. Вы меня хотели видеть в двенадцать, и вот я здесь. Я довольно хорошо представляю себе, зачем вы меня вызывали. Ох эти кляузышники! Как будто у вас там других дел нет. Но во всем уже разо-

брались. Очень деловой человек у нас следователь Валентин Петрович. Год всего работает, молод. Но энергичен. Он быстро во всем разобрался и доказал, что доказывать нечего... Но я все равно рад, что вы приехали. Такой опытный человек, как вы, положит конец всем этим лишним разговорам и кляузам. Я полностью в вашем распоряжении. Спрашивайте все, что надо.

Косачев легко выскользнул из дубленки, забросил ее вместе с ондатровой шапкой на вешалку, и присел к столу.

«Резвый, очень резвый,— думал, слушая и разглядывая его, Кутепов.— Энергичен и находчив... Вот и хорошо. Дадим тебе полную возможность выговориться».

— У меня к вам пока один вопрос, Александр Семенович,— Кутепов смотрел на прораба спокойно и доброжелательно.— По каким дням вы должны выдавать зарплату?

— Так я и знал, что вы об этом спросите.— Косачева вопрос ничуть не смутил. Он как будто даже обрадовался этому вопросу.— Мы должны выдавать рабочим зарплату второго и семнадцатого числа каждого месяца. Вы сейчас спросите меня: «Товарищ Косачев, а почему вы довольно часто выдаете зарплату не в эти дни? Почему у вас получается, что люди получают зарплату в пятницу?» Я отвечу. Если мы выдадим зарплату в понедельник, то во вторник у меня человек десять не выйдут на работу. Пристрастие к выпивке. Некоторые даже в среду не выйдут. А если я дам зарплату в пятницу, то в понедельник они все будут на работе. Два дня им вполне хватает. Вот такие маленькие хитрости. Я понимаю, что это не по правилам. А что бы вы стали делать на моем месте? Стройку надо закончить к сроку, а она горит.

— Но ведомости все-таки надо оформлять, как положено.

— Вы и об этом знаете. Странно, если бы вы не знали. Но мы не успеваем. Я понимаю, что это нарушение. Но они же на меня жмут. Если бы вы знали, как они на меня жмут! Но если вопрос ставится так, я могу выдавать им зарплату даже и по понедельникам. Лично мне хуже от этого не станет.

— Александр Семенович, ну зачем так: «могу», «не могу»... Вы ведь прекрасно знаете, что выдача зарплат по неоформленным ведомостям — это серьезное нарушение. Оно может привести к злоупотреблениям.

— Анатолий Гаврилович, за кого вы меня принимаете?! Разве я похож на человека, который может допустить финансовые злоупотребления?

— Не особенно, Александр Семенович, не особенно. Но знаете, случается, что серьезные финансовые нарушения делают люди, которые совершенно не похожи на преступников.

— Хорошо. Раз вопрос ставится таким образом, то больше этого не будет. Мне тоже не нужны лишние разговоры.

— Договорились. — Кутепов внимательно присматривался к тому, как держит себя, как ведет себя его собеседник. К его жестам, взглядам, манере говорить и манере слушать. И не заметил ни одного неестественного жеста, ни одной фальшивой нотки в голосе. Все выглядело совершенно естественно. Вот такой он, мол, и есть, прораб Косачев, со всеми своими достоинствами и недостатками. И конечно же, с мелкими нарушениями.

— Я бы, Александр Семенович, хотел ведомости на зарплату посмотреть. Скажем, за последние шесть месяцев. Надеюсь, они у вас сохранились?

— Пожалуйста. Можно даже за весь год! — Косачев улыбнулся, да так широко, как будто эта просьба доставила ему большое удовольствие. — Сделаем все, что нужно. Можете на меня рассчитывать. Пойдемте пообедаем. А после обеда вам все принесут прямо сюда, в кабинет.

— Я немного позже пообедаю, — отказался Кутепов. — А ведомости пусть принесут, скажем, к трем часам.

Косачев ушел. Кутепов стал сводить воедино впечатления от состоявшегося разговора... С выдачей зарплаты по пятницам он ловко придумал. Если у него есть любители выпить — это мера. Хотя и не положено. Такое следует прекратить. А вот ведомости незаполненные — это совсем плохо. Здесь надо смотреть и смотреть. Надо встретиться с рабочими, поговорить с ними. Если Косачев путает следы, они помогут разобраться.

Понравился ли ему Косачев?.. Вроде бы понравился: открыт, весь нараспашку. Характер легкий, компанейский. Ведет себя непринужденно... И в то же время не понравился. Слишком суетлив. Зачем суетиться, если у тебя все в порядке? Хотя, может быть, у него характер такой.

А то, что пригласил пообедать, тоже характер? Почему бы и нет. Гостеприимный человек, вот и пригласил.

Ведомости Косачев прислал, как Кутепов и просил, ровно в три часа. Для начала Кутепов бегло просмотрел их. Аккуратные ведомости, ничего не скажешь: ни помарок, ни подчисток. Все точно обозначено — кому сколько причитается, у кого сколько и почему высчитали. И сколько положено на руки.

Затем нашел Горелова: «Как у тебя, Горелов, дело обстоит?» Выписал гореловскую зарплату за полгода, по месяцам... Неплохо у Горелова обстояло. Не меньше двухсот тридцати в месяц. Доходило и до двухсот пятидесяти. Если взять в среднем — двести сорок. Это уже не «семь рублей денщина», а все десять.

«Такие-то, Горелов, дела. — Кутепов вспомнил большие, покрасневшие от ветра и морозов руки Горелова. — Получается, что зарабатывал ты подчас даже двести пятьдесят. Это по ведомости. А ты говоришь, что платили тебе сто восемьдесят. Но ведомости, Горелов, документ. А твои слова пока не документ. Посмотрим, как у остальных получается...»

Кутепов взял чистый лист бумаги, аккуратно разграфил его, выписал из ведомостей столбиком фамилии рабочих и против них проставил зарплату. За каждый месяц отдельно. Разная получилась зарплата. От ста пятидесяти до двухсот пятидесяти, как у Горелова. Теперь можно и с рабочими поговорить. Должны же они помнить, какую зарплату получали, хотя бы за последние месяцы. Потом можно будет сравнить их данные и суммы в ведомостях. И все станет предельно ясно.

Кутепов еще раз просмотрел составленный им список. Отметил, что текучести кадров почти нет. Одни и те же фамилии. За полгода никто не ушел, никто не пришел. Это и понятно. Озинки — поселок небольшой. Здесь с работы на работу бегать не будешь — некуда. Но три человека в списках выделялись. Месяц они работали, потом два не работали, затем опять месяц работали. И здесь, значит, свои летуны есть. Увольнялись они, что ли, через каждый месяц? А Косачев их каждый раз снова на работу принимал. Если стройка действительно «горит», то понятно. Приходится иметь дело с кадрами, которые тут на месте. Из другого города не выпишешь.

Наутро забежал Косачев.

— Анатолий Гаврилович, как у вас идут дела? Вы уже во всем, наверно, разобрались? Может быть, чем-нибудь нужно помочь? Учтите, райпотребсоюз, по нашим временам, организация почти всесильная.

Косачев выразительно посмотрел на легкие, не по сезону, и далеко не модные полуботинки Кутепова.

— Позвольте заметить, легковато вы по нашим местам одеты. В ваших полуботиночках, в прямом смысле, далеко не уйдешь.

— Очень благодарен вам за заботу, — улыбкой на улыбку ответил Кутепов. — Но я же никуда и не хожу. Все в кабинете да в гостинице время провожу. А помочь вы действительно можете. Хочется мне, Александр Семенович, наряды посмотреть, скажем, за последние два месяца. И расценки на работы, которые вы ведете. Не на все, на основные виды работ.

— Анатолий Гаврилович, сразу говорю: будут расхождения, — откровенно признался Косачев, и это понравилось не ожидавшему такого поворота в разговоре Кутепову. — Расценки не завышаем, но набор работ немножко увеличиваем.

— Зачем вам это нужно? Насколько я понимаю, вам лично это выгоды никакой дать не может. А неприятности могут быть.

— А как прикажете? — Косачев говорил доверительно, с нотками грусти в голосе. — Без этих приписок никто работать не будет. Все хотят иметь большую зарплату.

— Но ведь не положено.

— Ай бросьте, Анатолий Гаврилович. Как будто вы сами не знаете. Вы же следователем работаете. Должны все это знать. Не только я так делаю. Если бы такое делал только я, вы могли бы прямо сейчас меня арестовать. Но вы меня не арестуете, потому что прекрасно знаете: так делают почти все. А может быть, и все. И я вам скажу, вреда от этого никакого. Просто расценки устарели. И кто-то должен их привести в порядок. Министерство этого не делает. Приходится делать прорабам.

— Нелегка, значит, жизнь у прораба?

— А вы думали!

Они хорошо поговорили в этот день, дружелюбно и доверительно. Именно этого, именно такого разговора Кутепов и хотел. Он вообще считал, что между следова-

телем и подследственным должен установиться психологический контакт. Атмосфера взаимного доверия. Но при всем этом собеседник должен знать, что следовательно ни на шаг не отступит от своих принципов, от буквы и духа закона.

Когда Косачев уже собирался уходить, Кутепов вспомнил:

— Александр Семенович, мне надо побеседовать с вашими рабочими. Сделайте так, чтобы в течение двух ближайших дней они по одному ко мне заходили. Скажем, с получасовым интервалом. И начнем, если не возражаете, с завтрашнего утра.

Косачев обещал, что все сделает, и убежал. Через какой-нибудь час наряды на производство работ за два месяца и справочники с расценками лежали у Кутепова на столе. Он изучал их весь день. Потом захватил в гостиницу и там долго сидел над ними.

Часов в двенадцать Кутепов отложил все бумаги в сторону. Все-таки он основательно устал за этот день. Лет двадцать тому назад мог следовательно Кутепов работать, не отдыхая, и сутки, и двое, не чувствуя при этом особой усталости. Теперь уже не то... Кутепов подошел к окну, распахнул форточку и впустил в комнату тугую струю колючего морозного воздуха. Потом налил из термоса крепкого чаю, предусмотрительно захваченного во время ужина из столовой, и, неторопливо попивая его, стал размышлять над сложившейся ситуацией.

Первым к Кутепову пришел, как оказалось потом, приятель и напарник Горелова, Иван Петрович Дубовой.

— Можете ли вы точно сказать, какую получали зарплату конкретно по месяцам? — спросил Кутепов.

— Так ведь по-разному, разве все упомнишь. А если точно...— Дубовой наморщил лоб и прищурил правый глаз, не то припоминая, не то подсчитывая что-то, — то меньше ста пятидесяти не бывало. Больше двухсот тоже не выходило.

— Хотелось бы точно. Хоть за два последних месяца, за февраль и март.

— За два месяца — это можно, — согласился Дубовой. — Еще свежо в памяти. Февраль месяц короткий, получили на руки по сто пятьдесят два рубля. В марте — сто восемьдесят пять. Такая сумма получается. И у Го-

релова то же самое. Мы с ним парой работаем, и зарплата у нас одинаковая. Что ему, то и мне.

— Вы суммы назвали точные? Подтвердить чем-то можете?

— Жены подтвердить могут. Они у нас самая точная бухгалтерия и народный контроль,— хохотнул Дубовой. Но закончил серьезно: — В ведомости все записано, так что вы не сомневайтесь.

— Вы видели, что записано в ведомости?

— Может, и видел, кто его знает... Раз расписывался за нее, то должен был видеть.

— А вы помните, только точно, какая сумма была проставлена в ведомости?

— Расписывался, это точно,— стал припоминать Дубовой.— А сумма, значит, так... Когда аванс получал, сто рублей, так в ведомости ничего написано не было, кроме моей фамилии. Точно вспомнил, кассир не успел ведомость оформить. А когда под расчет — восемьдесят пять рублей, так все в ведомости было записано.

— Понятно. Я с ваших слов записал, посмотрите. Если правильно — распишитесь.

Дубовой с интересом прочел и охотно поставил подпись — замысловатую закорючку.

И пошли к Кутепову один за другим строители. Одни помнили сумму зарплаты весьма приблизительно. Другие точно могли назвать два-три последних месяца. Третьи вынимали записную книжку и диктовали цифры и за этот год, и за прошлый.

Почти два дня ушло у Кутепова на эти встречи. Хотелось побыстрее разобраться, и он не считался со временем. На второй день, ближе к вечеру, поток рабочих иссяк, и Кутепов с полчаса ждал еще четырех, числившихся в его списке. Так и не дождался и стал собираться в гостиницу, но тут дверь стремительно распахнулась, и на пороге остановился молодой парень в распахнутом полушубке и сдвинутой набекрень ушанке.

— В заключение...— он широко улыбнулся и развел руками,— как это и положено, к вам прибыл сам Зенкин. Но...— парень с трудом натянул на лицо маску серьезного человека, — надеюсь, не для заключения, — скаламбурил он.

— Почему, интересно, Зенкина в заключение пустят

ли? За какие такие заслуги? — поинтересовался Кутепов.

— Я со службы только полгода как пришел. А был там помкомвзвода. А что такое помкомвзвода? Самый надежный человек. И на любом марше его пускают замыкающим, чтобы подтягивать отстающих. Вот и меня бригадир на этой должности держит.

— Но какой же ты, Зенкин, замыкающий, если за тобой еще три человека?

— Неужели бригадир промахнулся? — обрадовался Зенкин. — Вот это номер. Или он решил меня разжаловать и заменить на более достойного? Кто же там остался, товарищ следователь? Если это, конечно, не тайна.

— Тайна, Зенкин. Но тебе я доверяю. Скажу по секрету... — Кутепов глянул в список: — Корнеев остался.

— Какой Корнеев?

— В. П.

— Нет у нас Корнеева. Ошибочка, товарищ следователь.

— Как же нет? — Кутепов перелистал наряды и нашел нужные. — Он у вас весь март штукатуром работал.

— Я сам штукатур. Нас пять человек. Никакого Корнеева нет.

— Пошутили, Зенкин, и хватит. Мне делом заниматься надо. Я серьезно говорю.

— И я серьезно.

Интересная получается ситуация. Кутепов как-то сразу поверил Зенкину. В ведомостях Корнеев есть, а в действительности его вроде бы и нет... «Один только звук неосязаемый», — вспомнил Кутепов «Мертвые души». — Но их там еще двое...»

— Садыкова знаете?

— Не знаю, — повел плечами Зенкин.

— Тоже у вас работал, каменщиком.

— Я, товарищ следователь, всех знаю. Народа у нас на стройке немного. Все всех знают. Только Садыкова у нас нет.

Карпова Зенкин тоже не знал. А в ведомостях стояли росписи в получении зарплаты и Корнеева, и Садыкова, и Карпова. Каждый получал около двухсот рублей в месяц.

Кутепов записал показания Зенкина и отпустил его. Занятная получалась история. Кутепов встал, разми-

наясь, прошелся по кабинету: рабочие шли одни за другим, и он, не поднимаясь, весь день просидел за столом, даже пообедать не выбрался. Не любил Кутепов, чтобы люди его ждали. «Энергичный ты человек, Косачев. Ох и энергичный! И с зарплатой у тебя концы с концами не сходятся, и мертвые души появились. А ты мне увеличенный набор работ подсовываешь. Лихо, очень лихо. Если тебя не остановить, можешь довольно далеко зайти. Может быть, уже и зашел?.. Ничего, мы тебя остановим... Надо бы пойти пообедать, но уж очень интересно узнать, насколько ты, Косачев, нагрел свой любимый коллектив. Подождет обед. Вечером схожу пообедать. Заодно и поужинаю. А пока подсчитаем, как выглядят два последних месяца. За это время все рабочие сумму своей зарплаты называли, так что картина должна получиться довольно четкой. Счеты бы сюда. Только где их сейчас взять? Ну да ладно, мы люди не гордые. По такому случаю не поленимся и столбиком сложить».

И Кутепов стал подсчитывать разницу между суммами, проставленными в ведомостях и названными рабочими. У одних все сходилось точно, до рубля. У других разница составляла от десяти до тридцати рублей. А у некоторых — пятьдесят-шестьдесят.

Сколько же получается? Получается, что в феврале рабочим недодано 672 рубля. В марте — 550. «Мертвые души» в феврале не числятся. В марте им выписано 570. Итого — в марте 1120 рублей, в феврале — 672 рубля. Всего за два месяца 1792 рубля. Неплохие у тебя доходы, Косачев. Хотя и приходится тебе с кем-то делиться. С бухгалтером, например, и с кассиром. Без них ты ничего сделать не сможешь.

«Вызвать Косачева или не вызывать? Не вызывать, — решил Кутепов. — Сам придет, тогда мы с ним и поговорим. Его неожиданно брать надо, спокойно. Чем уверенней буду я себя держать, тем быстрее он расскажет правду. Значит, надо, чтобы он мою уверенность почувствовал. Утром он непременно придет, вот мы с утра им и займемся.

Кутепов собрал со стола бумаги: протоколы допросов, свои подсчеты, — порядочно уже накопилось этих бумаг. Теперь можно и поужинать, и пообедать, и на досуге наметить план допроса Косачева.

Тут Косачев и появился. Как черт из коробочки. Круглый, румяный, веселый, он остановился на пороге и при-

ветливо помахал рукой. Кутепов с тоской подумал, что плакали теперь и обед и ужин.

— Здравствуйте, Анатолий Гаврилович! Теперь вы довольны? Все у вас побывали?

Косачев не унывал. Видно, долго ему все с рук сходило. Потому так уверенно и держит себя сейчас. Уверен, что и сейчас сойдет, что ни в чем Кутепов не разбежится...

— Спасибо,— сказал Кутепов без особого энтузиазма.— Вы все организовали очень удачно. Можно сказать, что у меня побывали все ваши рабочие.

— Может быть, еще что-нибудь нужно? Все от меня зависящее, Анатолий Гаврилович. Можете быть уверены.

«Все от него зависящее... Вот нахал! Ведь уверен, что сойдет. Никаких у него сомнений на этот счет.— И такая охватила Кутепова злость на этого жизнерадостного жулика, что он уже не мог сдержаться.— Нет, я ему испорчу настроение! — решил Кутепов.— Посмотрим, как он линять начнет. Посмотрим, как он вертеться будет...»

— Вы проходите, садитесь, гражданин Косачев,— спокойно, без нажима, но с нужной долей официальности сказал он.— У нас с вами сегодня долгий разговор будет.

— Что, уже гражданин? — застыл Косачев.

— Да,— подтвердил Кутепов.— Так что садитесь, вот вам бумага, ручка. Обо всем подробно напишите.

Косачев как-то сразу потерял свои яркие краски. И румянец куда-то исчез, и глаза потухли, и даже, кажется, дубленка из ярко-коричневой превратилась в темно-серую. Он подошел и сел, не снимая ни шапки, ни дубленки.

— Я бы хотел знать, в чем меня обвиняют,— наконец спросил он каким-то дребезжащим, охрипшим голосом.

— Бойтесь написать то, о чем я еще не знаю?

— Честное слово, далек от этой мысли. Но вы же должны задавать вопросы.

— Только без честного слова. Как-то не подходит по теме нашего сегодняшнего разговора,— поморщился Кутепов.— Хорошо, я вам подскажу. Во-первых, напишите о зарплате. Как вы до этого додумались, кто вам помогал и сколько вы взяли из зарплаты столь уважаемых вами рабочих?

— Анатолий Гаврилович... Разрешите мне по-прежнему вас так называть.

«Пережил-таки мой клиент новость,— отметил Кутепов.— Выровнялся. И голос набрал».

— Да, конечно,— согласился он.

— И называйте, если это можно, меня тоже по-прежнему. Привыкать к переменам надо постепенно.

— Это тоже можно. Так вот, есть у меня к вам, Александр Семенович, еще один вопрос: кто такие Карпов, Корнеев и Садыков? Напишите и о них как можно подробней.

— И о них тоже?

— Александр Семенович, вы слишком плохо обо мне думаете. Знаете, у меня создается впечатление, что мы оба ошибались друг в друге: я считал вас человеком честным, а вы полагали, что я не смогу разобраться в ваших хитроумных махинациях. Как видите, мы оба ошиблись.

— Анатолий Гаврилович, тут вы не правы. Я всегда думал о вас с большим уважением.

— Может быть... Кстати, в ваших возможностях добиться того, чтобы я думал о вас несколько лучше, чем думаю сейчас.

— И что для этого надо сделать?

— Написать обо всем достаточно откровенно.

— Анатолий Гаврилович, клянусь вам, брал не для себя. Для нужд организации...

— Александр Семенович, не надо,— остановил его Кутепов.— Вы же неглупый человек. Вы ведь понимаете, что мы допросим и бухгалтера и кассира. Они в этом деле лица второстепенные и все расскажут. Так что пишите откровенно, для вас же лучше.

«Не признается,— думал Кутепов.— Ни за что не признается. Интересно, как он будет петлять, как путать следы?»

Но Кутепов ошибся.

— Вы, как всегда, правы,— вздохнул Косачев. Он подвинул к себе стопку бумаги, вынул из кармана замышляющую инкрустированную ручку и стал писать.

Кутепов вернулся в Саратов в конце марта. Привез с собой два пухлых тома — все протоколы допросов. А еще привез ведомости, наряды, справочники и материалы для почерковедческой экспертизы. Надо было подтвердить, кто расписывался за «мертвые души».

Почерковедческая экспертиза подтвердила, что в ведомостях за Карпова, Садыкова и Корнеева расписывались Косачев, бухгалтер и кассир. В отношении же нарядов в Управлении решили, что их изучением следует заняться на месте. Без анализа объема работ определить их точность и законность невозможно.

Так что выехал скоро Кутепов опять в Озинки. А вместе с ним эксперт по вопросам строительства Николай Тимофеевич Осокин.

Осокин был строителем по любви, по призванию и профессии. Где он только не работал, и чего он только не строил за многие годы. Но прошло время, стал он пенсионером, и теперь его часто использовали как эксперта. Он охотно помогал, а благодаря большому опыту помощь оказывал весьма квалифицированную и серьезную. Кутепову несколько раз приходилось прибегать к его услугам, и впечатление от совместной работы осталось у него самое благоприятное.

Озинки опять встретили Кутепова негостеприимно. В Саратове еще стояла зима. А здесь дождь со снегом, грязь, распутица. Днем в зимнем пальто жарко, по улице не пройдешь. Но одеваться легко тоже нельзя. Вечером морозец и холодный, просекающий нетолстую ватиную подкладку ветер.

Назавтра утром, прежде чем отправиться в райотдел, Кутепов зашел к Осокину.

— Хочу поделиться с вами одним предположением, Николай Тимофеевич. Понимаете, не дает мне покоя этот Косачев. Жулик он, это ясно. И хитер. А стоило его зацепить, как он сразу признался во всех своих грехах.

— Так это же естественно.

— Нет, для Косачева, кажется мне, не естественно. Не должен он был, по своему характеру, вот так сразу признаться.

— Уж и не знаю, чем я могу вам здесь помочь.

— Сможете. Выслушайте меня внимательно. Признался он сразу. И все очень подробно, очень обстоятельно написал. Почему, вот вопрос. Совесть заела? Стыдно стало?.. Ничего подобного. Не такой он человек. А он сразу: «Да!» И следствие закончено. Больше нам делать нечего. Может быть, ему и нужно, чтобы следствие на этом закончилось? Здесь у него грехов тысяч на шесть, максимум — на восемь. Да и то не все ему перепало. Де-

лился с бухгалтером и кассиром. А у него в руках строительные материалы.

— Думаете, пускал налево?

— Думаю. И прошу вас, особенно внимательно проверьте, сколько он выписывал стройматериалов и сколько пущено в дело. Должна быть разница.

— Но если бы он продал партию строительных материалов, это вскрылось бы очень быстро.

— Не знаю я, что он с ними делал. Это как раз и надо выяснить. Прежде всего с вашей помощью. Посмотрите, подумайте, вы ведь опытный строитель, вам это должно броситься в глаза.

— Хорошо, Анатолий Гаврилович. Я вас понял. Буду по каждому виду стройматериалов сравнивать, насколько это возможно.

На третий вечер их пребывания в Озинках Николай Тимофеевич Осокин пришел к Кутепову в номер. Высокий, худощавый, с небольшой седой бородкой, он напоминал Кутепову Дон-Кихота. И лицо, как у Дон-Кихота, у него было грустное и доброе.

— Можно, Анатолий Гаврилович?

— Конечно, проходите, садитесь,— встал ему навстречу Кутепов.

Осокин прошел, уселся в широкое, выдавшее виды гостиничное кресло и вытянул длинные ноги.

— Что-нибудь новенькое? — спросил Кутепов.

— Как вам сказать. Вам ведь все нужно точно. А у меня пока все приблизительно. Но не сходятся у меня концы с концами.

— Стройматериалы?

— Они самые.

— У вас не сходится или у Косачева?

— У него не сходится, поэтому и у меня.

— Чаю хотите? — Кутепов оттягивал разговор, давая Осокину еще раз продумать, собраться с мыслями.

— Не откажусь.

Кутепов сполоснул стаканы, налил из термоса крепкого, почти черного чая.

— Теперь рассказывайте.

— Начал я проверять объем плотницких работ,— Осокин рассказывал неторопливо, с удовольствием отпивая из стакана маленькими глотками.— Сравнивал вы-

полненную работу с нарядами и начисленной зарплатой. Здесь все более или менее правильно. Есть отступления, кое-где расценки завышены, но это, можно сказать, в порядке допустимого. Потом взял, как вы просили, накладные на лес, пиломатериалы. И создается впечатление, что получил он леса раза в четыре-пять больше, чем израсходовал. Имелись, конечно, отходы. Но это мизер. Не в таком же количестве.

— Можете документально доказать?

— Сейчас — нет. Впоследствии — да.

— Значит, все-таки продавал?

— Не думаю. Продавать он, пожалуй, не мог.

— Верно. Не мог. Еще стакан?

— Не откажусь. Хороший у вас чай, бодрит.

— Озинки — поселок небольшой, — продолжал Кутепов, разливая по стаканам чай. — Если стал бы продавать, то как бы скрытно он это ни делал, через неделю все в округе, да и мы тоже знали бы, что Косачев торгует казенным лесом... Правильно я рассуждаю?

— Полагаю, правильно. Я именно это имел в виду.

— А лес куда-то девается?

— Вот именно...

Осокин ушел. Спал уже, наверно, Осокин, а Кутепов все думал над его словами...

Если Осокин прав, то становится ясно, почему Косачев так быстро и легко сознался. Почувствовал, что пахнет жареным, и решил уйти от главного. Одно дело отвечать за шесть-семь тысяч, другое дело — стройматериалы. Тут многое может выплыть... Хитер ты, Косачев. А вначале я тебя недооценил... Надо поездить по району, искать эти исчезнувшие стройматериалы в окрестных селах. Хорошо бы завтра и сделать первый выезд...

Весь день Кутепов, вместе с участковым, провел в ближайшем к Озинкам селе. Участковый знал все. Он показывал, кто построил новый дом, кто баньку соорудил, кто заготовил строительный материал, ждал весны. Знал он, и где искать хозяев, которые в это время работали на фермах, в поле, в мастерских. Кутепов поинтересовался, где люди берут строительный материал. Участковый и это знал.

— Понятно где, в райпотребсоюзе. У нас, в Озинках, склад-магазин. Там и покупают.

— А колхозы выделяют?

— Редко. Колхозу самому строить надо. То коровник, то мастерские. Жилье тоже возводят. Сами с трудом достают, да еще и не хватает.

Кутепов получил возможность убедиться, что участковый прав. Все, с кем они встретились, подтвердили, что строительные материалы покупали в райпотребсоюзе. Показали накладные. Везде указано, что продано и сколько заплачено. Подпись кладовщика и подпись купившего. Сверх того, что положено, все утверждали это в один голос, ни копейки не платили.

Кутепов составил протоколы. Попросил отдать ему накладные. Накладные отдавали неохотно, спрашивали, в чем дело? Кутепов отвечал, что просто проверка. Это и в самом деле получалась просто проверка, и не больше. И, право же, ничего другого Кутепов сказать не мог.

По дороге в Озинки, трясясь на сердито рычащем милицейском «уазике», Кутепов обдумывал результаты своей поездки.

Получалось — потерял день. Почему потерял? Если у колхозников со строительными материалами все в порядке, значит, эта версия отпадает. Да нет, не отпадает. Одно село — это не район. Надо побывать во всех. А если и у тех все в порядке?.. Но Осокин говорит, что не сходится. Он зря не скажет. Так куда же девается лишний лес? Косачев брал лес через магазин-склад, колхозники покупали там же. Косачев брал больше, чем ему нужно, но никому не продавал. А если он выписывал больше, чем ему нужно, а брал ровно столько, сколько надо? Тогда у кладовщика оставался лишний лес. И его можно продать колхозникам за наличные. Надо срочно провести ревизию на складе...

— Приехали, товарищ подполковник, — прервал его размышления шофер.

Кутепов не заметил, как они подъехали к гостинице. И машина уже неизвестно сколько стояла у крыльца.

— Извините, задумался. А что это у вас, сержант, машина всю дорогу так сердито рычала?

— Так это она на дороге, товарищ подполковник. Видели, какие они у нас. Ни одна машина их спокойно перенести не может. Рычит.

— Понятно. Ну что же, спасибо. До свидания. Може-

те быть свободны.— Кутепов вышел из машины, захлопнул дверку, и «уазик», ворча, пополз по глубокой колее.

«На чем же я остановился? — Кутепов машинально взял у дежурной ключ от комнаты, прошел в свой номер и разделся.— Предположим, Косачев выписал двести кубометров леса. Сто он забрал для своей стройки, а сто оставил на складе. Кладовщик эти сто кубометров продал колхозникам... Надо посоветоваться с Осокиным. На то он и эксперт, чтобы с ним советоваться».

Осокин в своем номере читал какой-то журнал.

— Пойдемте ко мне, чайком побалуемся,— предложил Кутепов.

— Охотно. Как съездили? Много ли узнали?

— Это я потом, к чаю, вместо бубликов.

— Погрызем, посмотрим, что у вас за бублики...

Они перебрались в номер Кутепова. Осокин опять устроился в кресле, Кутепов уселся против него на стуле, и принялись за чай. Тут же Кутепов рассказал о результатах своей поездки и о мыслях, которые у него появились.

Выслушав рассказ Кутепова, Осокин задумался.

— Может быть,— сказал он наконец.— Вполне может быть. Комбинация несложная. В простоте своей безотказна и почти безопасна. Если действовать оперативно, никакая ревизия остатков не обнаружит. Да и ревизии частенько проводят довольно поверхностно.

— Как же с накладными? — Кутепова сейчас больше всего беспокоило, каким путем уходили на сторону стройматериалы.— У него тогда по накладным не должно сойтись.

— Ему при продаже колхозникам не обязательно выписывать накладные. Отпустил товар, принял деньги и — будьте здоровы.

— Но те восемь человек, с которыми я встречался, накладные имеют.

— Так ведь и лес для продажи населению выделяют. Часть леса он продает законно. Вам такие и встретились. А другую часть леса продают без накладных. Поездите по селам, встретите и таких, которые без накладных покупали.

— Нет, Николай Тимофеевич, такого быть не может. Слишком грубая работа. Он должен выписывать наклад-

ные каждый раз при продаже стройматериала. Понимаете, человек деньги заплатил и должен получить какой-то документ. Иначе он будет чувствовать себя неудобно. И слухи пойдут. С другой стороны, согласен, что кладовщику выписывать накладные опасно. По накладным всегда подсчитать можно.

В командировке работать удобно, ничто тебя не отвлекает. В Саратове придешь с работы и уже занят какими-нибудь своими делами. Следовательно ты или не следователь, а дел дома хватает. Здесь же ты от всего свободен. И забота у тебя лишь одна — дело, которым ты занимаешься. Рабочий день кончился, а ты забираешься вечером к себе в номер и думаешь. Никто тебе не мешает, ничто тебя не отвлекает.

«Итак,— думал Кутепов,— получается весьма простенькая схема. Косачев, от него ниточка к кладовщику Литвиненко, от кладовщика к покупателям. Положим, этот клубочек хорошо бы начинать разматывать с Косачева. Но доказательств у меня пока никаких. И пока нет доказательств, говорить с ним — дело бестолковое. Литвиненко?.. С ним до окончания ревизии говорить — пустое дело. Значит, пока ревизия закончится, пока закончит свою работу Осокин, надо ездить по селам... А может быть, все-таки поговорить с Косачевым? Интересно, как он станет реагировать, если ему намекнуть, что мы решили заняться строительными материалами? Пожалуй, стоит попробовать...

Косачев по-прежнему был энергичен и разговорчив. Только румянец со щек сошел, а во всем остальном это был прежний Косачев.

И Кутепову он обрадовался, как старому знакомому. И разговор у них пошел легко.

— Смотрю, вы не унываете, Александр Семенович,— отметил Кутепов.

— Анатолий Гаврилович, ну почему я должен унывать? Случилась со мной неприятность, так с каждым может случиться.

— Не с каждым,— поправил его Кутепов.

— Не ловите меня на слове. Я не смог удержаться от соблазна. Но я все понял и сделал все, что мог, чтобы

ликвидировать последствия своего поступка. Вы насчитали за мной пять тысяч рублей с копейками...

— Зачем же так,— прервал его Кутепов.— Давайте будем обращаться с фактами точно. Не я насчитал, а мы вместе с вами подсчитали.

— Совершенно верно. Разве я это отрицаю? И все, что мы с вами насчитали, я внес в кассу. Фактически я возместил ущерб. И думаю, что мне дадут минимум. Так почему же я должен унывать? Я даже благодарен вам, что вы меня вовремя остановили, пока сумма не выросла до размеров, карающих особенно сурово.

— И никаких угрызений совести?

— Неприятно, конечно. Знаете, я бы сейчас не смог посмотреть в глаза своим рабочим.

— Пожалуй. Они, знаете ли, о вас очень нехорошего мнения.

— Вы затем и хотели увидеть меня, чтобы напомнить, какой неприличный поступок я совершил? Это с вашей стороны не гуманно, Анатолий Гаврилович.

— Может быть,— согласился Кутепов.— Может быть, и не гуманно. Но я должен выяснить все подробности этого дела. А тут еще эти строительные материалы...

Косачев хотел что-то спросить, но удержался. А Кутепов ждал этого момента. Ему было важно видеть, как поведет себя Косачев после этих слов.

«Вполне естественно, если бы ты сейчас задал вопрос, не раздумывая,— отметил он.— Если ты стал раздумывать — спрашивать или не спрашивать, значит, тема эта для тебя скользкая, и ты чего-то опасешься. А именно это мне и нужно было узнать. Пока только это».

— Какие стройматериалы? — вынужден был все-таки спросить Косачев после затянувшейся паузы.

— Да знаете вы все сами,— нехотя протянул Кутепов.

— Ничего я не знаю про строительные материалы.

— И я пока, по правде сказать, не особенно много о них знаю. Там еще много работы. Так что успеем поговорить когда-нибудь в другой раз.

— Это вы о перерасходе? — попытался уточнить Косачев.— Так это же вполне естественно.

— Бросьте, Александр Семенович,— добродушно остановил его Кутепов.— Я же говорю, что это не к спеху. Если у вас, конечно, не появится потребность рассказать мне о работе склада-магазина райпотребсоюза.

— Не понимаю вас.

— Значит, не появилась еще. Вот и хорошо. Когда-нибудь в другой раз...

Другого Кутепов от разговора с Косачевым и не ожидал. Теперь он был уверен, что со стройматериалами дело нечисто. А Косачев пусть подумает. Ему полезно подумать. Глядишь, к тому времени, когда материал подберется и надо будет говорить с ним на эту тему обстоятельней, он как раз и дозреет.

Кутепов понимал, что поездки по району займут много времени. Но и представить себе не мог, что так много. Вот уже месяц он колесил из одного колхоза в другой, из одного села в другое, но едва побывал в третьей части сел района. Толстели, распухали папки с протоколами и накладными на кирпич, стекло, лес, гвозди, краску... А конца поездкам не было видно. Побывал он в это время и в областном управлении. Там его план действий обсудили и одобрили. Два раза в неделю Кутепов приезжал в Озинки, занимал свой, обжитый уже, кабинет и систематизировал материалы.

В один из таких приездов он узнал, что ревизия склада-магазина закончилась, но никаких существенных недостатков и нарушений в его работе не выявила. Кутепов самым внимательным образом изучил документы ревизии, беседовал с ее участниками и вынужден был признать, что согласно имеющимся документам и наличию материалов склад-магазин продал товара ровно столько, сколько получил. И что там все в полном порядке. А поездки Кутепова тоже не давали оснований отметить какое-либо нарушение. Все строительные материалы в селах были куплены через склад-магазин. Купля-продажа была оформлена по всем правилам, о чем говорили соответствующие документы. Это был основательный удар по Кутепову, по разработанной им версии.

Но данные Осокина говорили о другом. И сам Кутепов, несмотря на документы ревизии, которым он обязан верить и которым он верил, был убежден, что со строительными материалами нечисто.

Тогда он засел за накладные, которые собрал к этому времени в селах. Шесть дней он работал над ними. Он разобрал их по месяцам, потом по дням. Подсчитал, сколько каких материалов было куплено в тот или иной

день, тот или иной месяц. Добавил к этому все, что выписал Косачев. Теперь он имел перед собой данные о том, что было за определенный период куплено на складе-магазине. Правда, данные неполные, потому что не были еще собраны материалы в значительной части сел района.

Когда все было подсчитано, Кутепов сравнил свои данные с результатами ревизии, и они разошлись. По некоторым видам строительных материалов склад реализовал почти столько, сколько получил. По некоторым — больше. Но ведь у него собраны накладные только из одной трети хозяйств. А как это будет выглядеть, когда он соберет их со всего района! Значит, он все-таки был прав, склад продавал больше, чем получал. Косачев и кладовщик Литвиненко. Они действовали вместе. Теперь надо немедленно собрать накладные на стройматериалы в остальных селах района. Минимум еще два месяца работы, два месяца поездок. И оставалось все-таки непонятным, как они ухитрились все это делать? Ревизия ведь так никаких нарушений и не обнаружила...

Но скоро и это стало понятно. В один из приездов Кутепова в Озинки дежурный по райотделу доложил, что пришел человек, который хочет встретиться с приехавшим из Саратова следователем.

— Кто? — поинтересовался Кутепов.

— Некий Ручкин. Работает на мельзаводе. Знаю я его, раньше был кладовщиком райпотребсоюза. На складе.

— Давайте его сюда! — обрадовался Кутепов.

Высокий, худой и хмурый Ручкин уселся напротив Кутепова. Глаз не поднимал.

— Кладовщиком я был, — сказал он наконец, когда молчание затянулось.

— Знаю.

Снова помолчали. Кутепов ждал. Ручкин не решался начинать.

— Вы рассказывайте, рассказывайте, — поторопил его Кутепов. — Набрались мужества прийти, и хорошо сделали. Так что рассказывайте. Уверю, вам сразу легче станет.

Ручкин начал рассказывать. О том, как он работал кладовщиком. И как однажды Косачев предложил ему продать доски, которые выписал для строительства. Он же и покупателя прислал. Ручкину как раз деньги нужны

были, хотел мотоцикл купить. И он согласился. Считал, что продаст несколько раз и больше не будет. Потом втянулся. А когда задумался однажды, стало страшно, и он уволился. Пошел работать на мельзавод. Сколько он продал строительного материала и когда?.. Много продал, не помнит. Накладные? Накладные он всегда выписывал. Без этого нельзя. Раз человек покупает, он должен документ иметь, чтобы все выглядело законно. Иначе разговоры начнутся. А копии сжигал. Потому что если копии держать, то при первой же ревизии могли поймать... Это Косачев все придумал, научил, как делать... Как деньги делили? Из каждой сотни ему 30 рублей, Косачеву — 70 рублей. На его долю за это время пришлось пять тысяч. Он все вернет, до копеечки. У него и деньги приготовлены. Продал кое-что и собрал... Почему пришел только сейчас, почему раньше не пришел? Страшно было идти признаваться. Думал, может, пройдет. А как узнал, что следователь из Саратова приехал, так сразу и понял, что докопаются. Косачева взяли. Каждый день ждал, что и за ним придут. Не выдержал и сам явился... Рассказал сейчас, вроде бы, и верно, легче стало. А последние ночи вообще не спал. Деньги принес. Все, что брал, до копеечки. Ему бы сейчас их сдать, только не знает кому...

День этот был для Кутепова урожайным. Вечером в номер зашел Осокин и положил на стол плоды своего труда: шестьдесят две напечатанные на машинке через два интервала страницы.

— Все, что мог, Анатолий Гаврилович.

— Как там, в общих чертах?

— Крупно. Тысяч на пятьдесят-шестьдесят не хватает. Но это в общих чертах. Всего учесть пока не мог. Цемент, например. Материал ходовой. Получил он цемента много. А вот сколько ушло в дело, сказать трудно. Нужен анализ в специальной лаборатории. Образцы я подготовил. Вот посмотрите, Анатолий Гаврилович, мое заключение. Если дополнительные вопросы не появятся, мог бы завтра уехать.

— Хочется домой?

— Конечно, хочется. А вам разве не хочется?

— И мне хочется,— признался Кутепов.— Может быть, завтра вместе и поедem. У меня ведь тоже приятная новость. Приходил Ручкин, бывший кладовщик. Ра-

ботал до Литвиненко. Во всем признался, так что самое время допрашивать Косачева.

— Дело движется к концу?

— До конца еще далеко. Ущерб, причиненный государству, надо подсчитать до копейки. И прокурор, и суд в конечном итоге руководствуются материалами следствия. Неточность в следствии может привести к превышению меры наказания или к уменьшению ее. А это нарушение закона. Закон, сами знаете, не должен нарушать никто.

— У вас, я смотрю, как у бухгалтера при составлении годового отчета. Все должно сойтись точно, до копейки. Ни лишнего, ни недостачи.

— Совершенно верно. С той только особенностью, что здесь точность еще более нужна. Здесь от точности зависит судьба человека. И авторитет закона. Это тоже немало.

— Я, Анатолий Гаврилович, хочу спросить вас вот о чем... Как вы считаете, что все-таки лежит в основе этих хищений? Что делает их возможными?

— Что?.. Ответить на ваш вопрос, Николай Тимофеевич, и просто, и непросто. Социальную сторону мы, естественно, исключаем. Здесь почвы для хищений нет. А вот остальное... Могу высказать только свое мнение. Основанное на практике, на наблюдениях. Пусть вам это не покажется странным — состояние учета. Плохой учет материальных ценностей. Поверхностная работа ревизий. При четком, хорошем, постоянном учете материальных ценностей, всего, понимаете, всего, до копейки, при квалифицированном и строгом контроле хищений социалистической собственности быть не может. Возьмите любой случай, проанализируйте его, и вы в этом убедитесь.

— Пожалуй,— согласился Осокин.— Пожалуй, это главное...

Назавтра они выехали в Саратов.

Косачев вначале от всего отказывался. Крепко держался Косачев. Потом, когда Кутепов познакомил его с материалами экспертизы (основательно все-таки знал свое дело Николай Тимофеевич Осокин), анализом накладных, с протоколом допроса Ручкина, он полностью признал свою вину. Но этим дело для Кутепова не закончилось. Надо было еще допросить Литвиненко, закончить

поездки по району... Много еще работы оставалось у Кутепова. И вскоре он опять выехал в Озинки.

Однажды, когда Кутепов, вернувшись из своей очередной поездки по селам, работал над материалами по делу Косачева в Озинском райотделе, ему доложили, что с ним хочет поговорить Горелов.

— Горелов, поговорить? Это интересно. Пусть проходит,— распорядился Кутепов.

Вскоре дверь медленно открылась, и в проеме ее остановился большой, широкоплечий, во всю ширину открытой двери Горелов.

— Здравствуйте, Анатолий Гаврилович.

— Здравствуйте, Петр Сергеевич,— поднялся ему навстречу Кутепов.— Проходите, пожалуйста, садитесь.

Горелов осторожно сел. Стул жалобно скрипнул.

— По делу или так зашли? — теперь Кутепов не ждал, когда Горелов заговорит первым.

— По делу,— и опять замолчал.

— Слушаю вас, Петр Сергеевич. Случилось что-нибудь серьезное? Помощь нужна?

— Разобрались вы с этим Косачевым?

— В основном разобрались. Судить его будут.

— Уважаю,— Горелов осторожно встал со стула и пошел к дверям. На пороге остановился, обернулся: — Желаю вам здоровья,— и ушел.

У Кутепова после этого разговора весь день было праздничное настроение. . . .

«ПО ОСОБО ВАЖНЫМ»



Первое о нем впечатление при встрече — мужественность. Высокий, сильный, большеглазый, темные волосы с проседью, густые брови, крупные черты, голос крепкий. И вдруг улыбка — светлая, добрая. Вот такая-то мужественность, в сочетании с доброжелательностью и простотой в общении, с первых же минут располагает в его пользу. В беседе ловил себя на том, что разговариваю с едва ли не накоротке знакомым мне человеком. А ведь нет, не встречались мы с ним ранее. Это ощущение было рождено, в этом я разобрался позже, одаренностью Виктора Борисовича удивительно легко и естественно устанавливать контакты с людьми, его умением сначала «на ощупь», но безошибочно верно находить с ними точки соприкосновения по одинаковым интересам. А они, одинаковые интересы, обязательно найдутся почти с каждым, только самому надо быть натурой разносторонней, увлекающейся, любознательной, одним словом, натурой широкой. А это, уж извините, дар божий: кому дано, тому и счастье.

Разве легкой была стезя жизненная у старшего инспектора по особо важным делам Управления уголовного розыска Виктора Борисовича Петрова? Нет, конечно. Романтика? Она ведь потом. Когда вот так сидишь друг против друга в мягких креслах, в гарантированном тебе уюте и слушаешь рассказ о том, как...

...А было это в пятьдесят втором в Карпатах, на Западной Украине. И был он, сегодняшний подполковник милиции, тогда еще только лейтенантом, с иголочки, что называется. Года еще не прошло, как окончил он в Саратове военное училище, «пограншколу», как ее называли. Но уже тогда мог лейтенант Петров на слух без ошибки определить, из какого оружия была выпущена

просвистевшая над головой пуля: со «шмайссера» или из карабина, из чешского пистолета-пулемета или из нашего автомата ППШ, умел он и грамотно повести себя в скоротечном огневом контакте с противником, сориентироваться и правильно распорядиться вверенным ему подразделением. Не временем службы определяются боевые качества офицера. Вернее: не столько временем, сколько ее характером. А характер службы в те годы на Карпатах был сродни передовой на фронте. Коварными и жестокими были националисты-оуновцы. Под предводительством гестаповского выкорыща Бандеры они глумились над мирным населением. Как трусливые шакалы, из засады совершали нападения на мелкие группы советских солдат. В то время, когда Петров прибыл по назначению на Львовщину, бандеровцы уже не смели и не имели сил оказать нашим войскам сколько-нибудь значимое сопротивление, вступить в открытый бой хотя бы ротой. И путь через кордон им был закрыт погранвойсками. Им оставалось только одно (теша себя надеждой, искусно подогреваемой агентами спецслужб США и ФРГ, на то, что буквально вот-вот, не сегодня, так завтра, начнется третья мировая между Западом и Востоком) — наносить бандитские удары Советской власти на Украине. Порой удары эти в силу их изуверской жестокости были очень болезненны. Бывало, темной ночью вырезались бандитами весь хутор или вся семья советского работника. Рука бандита не щадила ни стариков, ни женщин, ни детей. А самосуд над учительницей-комсомолкой? А спаленная ферма, школа, пшеничное поле? Вошло в систему: сегодня ожидай здесь, а завтра жди там, и жди непременно. Урон становлению новой жизни на Западной Украине наносился серьезный. И меры надо было предпринимать тоже самые серьезные. Борьбу, самую беспощадную, самую энергичную и до абсолютного результата, — то есть до искоренения последнего оуновского недобитка, — обязаны были вести и вели в те послевоенные годы советские солдаты.

Красивы Карпатские горы в любое время года, а осенью особенно. И был сентябрь. Дни стояли теплые, порой даже жаркие. Правда, к ночи быстро холодало, а к утру, когда напал сизый туман, хорошо пробирало, если приходилось солдатам ночевать в лесу. Но дни! Березы на склонах гор горели кострами, шиповник куржал медной окалиной, буки, дубы и каштаны еще хранили

зеленый наряд, но и из них отдельные уже зазолотились с маковок.

Целый день с раннего утра водит свою оперативную группу лейтенант Петров. Задание серьезное: найти и ликвидировать банду Барвенко, скрывающегося, по поступившим сведениям, в районе слободы Болевской. Километров тридцать отмахали, не по ровной дороге, кружили на местности, через овраги, по крутым склонам, минуя завалы, переходя вброд горные речки. Молодые солдаты выдохлись, а ветерана в группе ни одного не случилось. Лейтенант из всех самый подготовленный, все-таки училище за плечами.

К вечеру, уже смеркалось, решились войти в село, вокруг которого и вели поиск. Пересекли его почти все, не встретив на улице ни одного жителя. Верный признак, что банда рядом. Уже на выходе попался им хлопчик, лет шести-семи. Сам подскочил к ним, усталым, обвешанным оружием и вещмешками.

— Дяденьки! — крикнул звонко и хитро глянул голубыми глазенками из-под льняного чуба. — А я знаю, кого вы ищете.

— Вот те раз! — удивились солдаты. — А кого мы ищем?

— Одноглазого, вот кого!

— Ишь ты, а ведь угадал. А ты откуда это знаешь?

— Та зна-аю, — и зашмыгал носом смущенно.

Одноглазый — это была вторая кличка бандглаваря Барвенко. Матерый оуновец, он еще в сорок третьем в стычке с партизанами потерял глаз.

— Ну, раз ты такой смысленый, тогда получай гостинец, — и лейтенант, скинув со спины рюкзак и ослабив тесемку, начал рыться в нем в поисках стограммового кулечка карамелек, купленных им в буфете офицерской столовой. Для малыша это была неслыханная роскошь: плохо снабжались городскими продуктами карпатские села в те годы.

— На-ка, держи.

Пацанчик цепко схватил грязной ручонкой завернутые в газету конфеты и намеревался уж было задать стрекача, но офицер остановил:

— Постой, хлопчик. А ты не знаешь, случаем, где он, одноглазый?

— А вон там, за речкой, с дяденьками горилку пьет и песни играет.

«Там, за речкой» оказалось метрах в двухстах от околицы села. За горной речушкой в стороне, куда махнул ручонкой мальчуган, стояла большая украинская хата. Года три назад здесь был хутор, да спалила его бандеровская банда, одна эта хата и уцелела. И стояла она совершенно на юру. От села и леса ее отгораживала бегущая с шумом по выложенному валунами и галькой дну холодная горная речка.

Берег был пологий, на нем перед хатой росло два-три низеньких кустика задичавшей смородины. Сюда же выходили и окошки. А в ту сторону было десяти-пятнадцать отвоеванной у леса пашни. Потому, видать, и выбрала эту хату местом своего пристанища банда, что просматривалось все вокруг.

Когда подошли к речке и затаились в кустах напротив, солнце уже уходило за горизонт, вернее, за поросшую лесом горную гряду. Крытая камышом хата чернела силуэтом на высветленном последними косыми лучами заката жнивье убранного в стога, поднимающегося полого от речки к лесу овсяного поля. Силуэтами обозначались и две фигуры вооруженных автоматами часовых, которые ходили вокруг дома навстречу друг другу. Из хаты доносились пьяные голоса.

Уже по голосам можно было определить, что бандитов более десятка. Когда наступила ночь и взошла луна, увидели в проеме открытой двери пулемет, установленный дулом через порожек. Стало ясно, что открытого боя с бандитами им, шестерым, не выдержать. Значит, банду надо застать врасплох и ударить дружно, в упор. Но как подойти? Ведь двое часовых, и нет, кажется, возможности подобраться к ним незаметно. Решили ждать. Всю ночь группа пролежала в кустах у речки, ведя наблюдение за домом. К счастью, с середины ночи небо стало затягивать тучами — вот бы дожди! Но дождя не было. Скоро и рассвет, а с рассветом банда может сняться и уйти в горы.

И тогда лейтенант решил действовать. Так или иначе надо снять часовых. Пойдут двое. Что идти самому — это ясно, но кого взять с собой? Выбор пал на Киреева, невысокого, крепкого, спокойного солдата. Вчера на привале рассказывал ребятам, что родом он с Урала, из семьи охотников, что с детства брал его с собой отец охотиться на зверя, что даже рысь приходилось ему стрелять. А рысь — это зверь коварный.

Поставил Петров задачу напарнику, объяснил, как действовать остальным.

Бывает в горах такой момент, когда кончается ночь и начинается утро: как-то сами собой гаснут вдруг звезды, сгущается мгла, наползает туман. А видимость становится наименьшей. Длится этот период пять-семь минут, не больше, потом начнет светлеть, а воспользоваться этим отрезком времени можно и нужно.

Когда, как почуялось лейтенанту, такой момент наступил, подал он команду солдату «За мной!» и пополз по-пластунски к реке. Неглубокую речку перешли незамеченными и затаились за чахлыми кустиками. Часовые ходили в десяти шагах, но как их преодолеть, эти десять шагов? Помог «его величество случай», или «госпожа удача», как в песне поется.

Бандеровцы — затравленные звери, — годами шастая по лесам, выработали в себе особую осторожность. Автомат всегда наперевес и на боевом взводе, палец на спусковом крючке; бьют мгновенно, на любой шорох. Птица ли вспорхнет неожиданно, кабан ли отпрянет с тропы — тут же очередь в полмагазина, россыпью. Сколько зверья загубили зазря, но и людей положили.

Трудно застать бандитов врасплох. Вот только с дисциплиной было у них все-таки слабовато. Остановились вдруг, сойдясь, часовые, перемолвились о чем-то вполголоса, и вот один из бандитов вошел в хату, откуда раздавалось хмельное разноголосье. Видать, невтерпёж ему стало: решил хватить стаканчик для согрева души и тела. А второй пошел своим маршрутом вокруг дома уже без подстраховки.

Петров действовал, не колеблясь. Оставив Кирееву автомат, с ножом в руке он забежал за угол хаты и, изготовившись к броску навстречу подходившему часовому, замер, прижавшись к мазанной глиной стене. Ну? Кому на роду написано остаться сегодня живым? И опять его счастье: бандеровец, не дойдя до угла одного шага, повернулся и пошел в обратную. Мягко пружиня босыми ногами — сапоги оставил там, — Петров настиг бандита.

Тошнотное чувство придет уже после — противоестественно человеческой природе убивать себе подобных, — но в те мгновения лейтенант действовал без эмоций. Подхватив обмякшее тело не успевшего ни вскрикнуть, ни нажать на спуск автомата убитого им часового, с помощью подбежавшего к нему Киреева оттащил его к реке

и бросил в кусты. Дал знак остальной четверке бежать сюда, к хате, а сам припал к щели окошка, заткнутого изнутри периной. Пуховыми перинами, которые не берет и пуля, были заложены и все остальные окна. Сквозь щель он увидел: в довольно большой комнате, освещенной подвешенной к потолку керосиновой лампой, стоит длинный стол, заставленный выпивкой и снедью. Вокруг на скамьях сгрудилась пьяная, продолжающая пиршество орава. Лейтенант понял: бандитов слишком много, чтобы взять кого-либо живым. Значит, надо действовать гранатами. По его указанию на этот вариант заранее на том берегу были приготовлены связки по три противопехотных гранаты и длинный шест. Этим шестом было выбито стекло и сброшена на пол хаты перина. Туда же полетела и связка. Взрывом подняло в воздух крышу хаты. От второго осели стены. После третьего на месте хаты образовалась куча обломков. С бандой Барвенко, терроризирующей округу, было покончено. Бандитов оказалось двадцать человек. Эта акция была по-настоящему боевым крещением лейтенанта и его группы.

Как-то раз оперативный отдел части получил разведданные, что в районе горного поселка Танява вновь появилась ранее действовавшая там бандитская группа, бандглаварь которой по кличке Черный за особые «заслуги» по части расправ над мирным населением оуновским центром был удостоен звания «герой Украины». Вот этого-то «героя», которого население называло не иначе как злодием или катом, и дано было задание теперь уже старшему лейтенанту Петрову найти и ликвидировать.

В его оперативную группу вошло двенадцать человек. Когда прибыли в район поиска (этот поселок был в труднодоступной горной местности), Петров разделил группу на две, наметив маршруты поиска и договорившись о связи. Искать в лесных чащах небольшую банду все равно что иголку в стоге сена. Надо было разработать план, в основу которого легли версии, подсказанные оперативной обстановкой. Посылки были таковы, что все более и более сказывались последствия изоляции местных националистических банд от закордонного центра и от населения. Первое было заслугой наших пограничников, надежно закрывших границу, второе — результат мероприятий, проводимых среди населения органами Советской

власти. Организация кооперативов, улучшение снабжения, школы для ребятишек, больницы и поликлиники для населения, работа партийцев — все это вело к тому, что народ готов был с оружием в руках давать отпор бандеровским бандитам. В силу этого оуновское движение, физически иссякая, начало терять последнюю политическую окраску, проявляя окончательно то, что было присуще ему органически с самого зарождения, — свою уголовную суть. Загнанные и озлобленные националисты заботились только об одном — как бы уйти от возмездия, выжить, просуществовать хотя бы лишний денек. Глухими темными ночами совершали они разбойничьи набеги с целью грабежа на хуторян (в села уже не отваживались), подламывали замки на магазинах, убивая, если случалось, сторожа. Как волки, разбойничали в округе своего логова. «Чужаков» изгоняли со своей территории огнем, не вступая в переговоры. Следовательно, и тропы у них были постоянные.

Задача оперативникам — угадать, вычислить, когда, куда, каким путем пойдут на очередное дело бандиты. Наконец решение было принято.

Пять ночей провели две оперативные группы (командиром второй группы Петров назначил лейтенанта Ермакова — тоже выпускника саратовского училища, и все без результата. Днем группы проводили поисковую работу в населенных пунктах, выявляя связников и бандпособников.

В эти дни произошел с Петровым случай, когда он чудом остался жив.

После полудня пришли они на один из хуторов, где, по полученным сведениям, хозяин имел связь с бандитами. В доме, пятистенке под шиферной крышей, никого не оказалось. Из сеней — сени большие, на полдома, — лестница, ведущая на чердак. Петров, оставив солдат внизу, стал подниматься по ней: нет ли кого на чердаке. Поднялся, стал осматриваться, привыкая к полумраку. В правом углу чердака — куча рухляди, посредине — кирпичная труба-дымоход, большая, в таких трубах коптят свиное сало. Только сделал шаг в правый угол, как почти в упор над самой головой, сбив пилютку, ударила ему навстречу автоматная очередь. Едва отпрянул за трубу и встал там, словно распятый, замерев, как пули ударили справа и слева, отбивая куски кирпича. Затем — тишина.

— Товарищ старший лейтенант,— кричат снизу солдаты,— что такое? Вы стреляли?

Люк рядом, и Петров видит их встревоженные лица.

— Нет, не я,— кричит в ответ.— В правый угол, ребята... Бейте в правый угол!

Его слова заглушает очередь из автомата, и снова — осколки кирпича с двух сторон.

— Афанасьев,— крикнул Петров своему пулеметчику, как только очередь смолкла,— бей в правый угол!

Понял команду Афанасьев и, подняв дуло пулемета, выпустил сквозь потолок один за другим два диска. В щепы разбил и растрепал сваленные в углу ящики, тюки, доски. По чердаку — дым, запах гари и пороха.

Вышел Петров, сделал два шага, видит: лежит убитый малый, и автомат в вытянутой руке.

На этом же хуторе, когда осматривали надворные постройки, были убиты наш солдат — им оказался сибиряк Афанасьев, только что спасший своего командира,— и бандит, стрелявший в него. Этот бандеровец прятался в загоне для овец.

Когда несли убитого товарища к вызванной по рации машине, один из солдат сказал Петрову: «Товарищ старший лейтенант, у вас волос в мелу». — «Где?» Вынул зеркала, а на виске седая прядка.

— А банда Черного получила возмездие? — задал я вопрос Виктору Борисовичу.

— Сполна.

— А как это было?

На шестой день поиска к вечеру состоялась встреча обеих групп. Из центра Петрову поступила команда возвращаться в часть. Банда Черного или ушла из данного района, или затаилась в схроне — такой был, по-видимому, сделан вывод.

Последняя ночевка в лесу. Погода установилась отличная. Тепло, сухо. Конец мая. Свежая зелень, аромат цветения, щебет птиц.

Уже солнце всходило, как разбудил Петрова часовой: «Товарищ старший лейтенант, послушайте!» Петров вскочил, стряхнул сон и слышит (что такое?): откуда-то совершенно явственно доносит бодрую музыку, и голос диктора считает: «Раз, два, три, четыре! Вдох, выдох!» Да это же физзарядку Москва передает! Но откуда доносит? Из Танявы? Ветерок дует со стороны междугородного шоссе. Наверное, из Танявы... Хотя нет, ведь до

нее километров десять, не меньше, а музыка — вот она, где-то совсем рядом. И Петров, приказав часовому не тревожить спящих, пошел осторожно на звук. Вдруг (что за чудо!) за букром стоит человек, стоит без обеих ног, а перед ним на земле немецкий десантный автомат. Стоит и курит. Благодушно-похмельное на лице выражение. Спрятался офицер за куст. Пригляделся и понял, что человек стоит в открытом лазе бункера, на ступеньке лестницы, ведущей вниз. Наверняка здесь в бункере и вся банда Черного. А из бункера и доносится под музыку из радиоприемника голос: «Вдох, выдох». Вернулся Петров назад, поднял своих, поставил задачу взять бандитов живыми или мертвыми.

Выждал офицер, пока его бойцы окружают поляну, и командует тихо так и убедительно: «Слышь, парень, поднимай-ка руки, сдавайся». Но тот в ответ даже не оглянулся, отреагировал мгновенно — прыгнул в бункер и «шмайссер» успел схватить. Затем выставил его из лаза на вытянутой руке и параллельно земле дал очередь на полный круг. Покосил пулями сучки и листья, посыпавшиеся на головы успевших залечь солдат. Хорошо, что успели. В это время сбоку из невысокого холма ударили еще три автомата. Огонь был неприцельный, но настильный. Головы не поднимешь.

— У меня сержант был, Чашин, — рассказывает Виктор Борисович. — Здоровый, крижистый, голос зычный. Кричит он им, как в рупор: «Хорош, хлопцы! Хватит! Сдавайся!» А те шпарят в боевые отдушины схрона в три стороны — сектор обстрела и небольшой, но опасно, прижимают к земле.

По указанию командира бросили в лаз дымовую шашку, но она эффекта не дала. Подземный ход, ведущий в бункер, имел колена, которые закрывались калитками — деревянными щитами. Дым весь вытянуло через лаз, а из боевых отдушин — новые очереди.

Тогда Петров разработал тактику: бросить в люк несколько гранат и, как только отгремят взрывы, двум «старичкам» броском вперед занять отдушины и обстрелять, насколько позволят их узкие щели, обитателей бункера. И это было в точности выполнено.

Отгремело. Наступила тишина. Тревожная, выжидательная. В бункере — ни звука. Стоит дымится. Минута проходит, вторая, третья. Надо проверять. Задача не из легких: кого послать? И решать ее старшему группы.

Был в группе лейтенант Ермаков. «Я полез», — говорит. Спокойно сказал, без рисовки, храбрый был человек. А ведь риск отчаянный. «Иди», — сказал ему Петров, а солдат предупредил, чтобы были начеку и — не дай бог! — не открыли бы огонь по Ермакову, когда покажется из лаза.

Взял лейтенант в обе руки по пистолету и прыгнул в лаз. Через минуту в бункере раздались выстрелы. И... вот что значит нервное перенапряжение: молодой, еще не обстрелянный солдат не выдержал и, находясь, как видно, в стрессе, швырнул гранату в лаз. Внизу раздался взрыв. Сорвался с места Петров и сам не помнит, как оказался в тоннеле перед входом в бункер. Смотрит: лежит через порожек человек в хромовых сапогах. «Ну все! Конец Ермакову!» — обожгла мысль. Ворвался офицер в подземелье: «Сдавайтесь, гады!»

Сдаваться было некому. В перестрелке Ермаков убил последнего из оставшихся в живых, четвертого бандита. Главная радость, что сам он остался жив, всего лишь был сбит с ног и оглушен взрывной волной нашей гранаты.

Почти пять лет отдал Петров борьбе с националистами на Западной Украине и в Латвии. Десятки эпизодов, связанных с ликвидацией уголовно-политических банд оуновцев, «айсергов» (прибалтийских националистов). — страницы боевой биографии офицера. Сам Петров и его товарищи по оружию, еще мальчишками встречавшие возвращающихся с войны отцов и старших братьев, показали себя достойными славы воинов-фронтовиков, проявляя в мирные дни героизм и мужество, товарищескую взаимовыручку. На всю оставшуюся жизнь запали в его память образы героев, погибших в борьбе за укрепление Советской власти на западных рубежах нашей страны.

...Много воды утекло с той поры.

Мы сидим с Виктором Борисовичем у него дома и спокойно, раздумчиво продолжаем строить нашу беседу.

— Скажите откровенно, — мой собеседник берет из пачки сигарету, разминает, размышляя, курить или нет. Положил на край пепельницы, вздохнул: — Вот ведь вредная привычка: бросил, думал, что навсегда, а на пенсию пошел и опять начал. Да-а, если честно, — про-

должает прерванную мысль, — ждете вы от меня услышать снова о погонях, схватках, стрельбе?

— Конечно. Вы же в уголовном розыске потом...

— Без малого тридцать лет. С пятьдесят шестого.

— Ну вот. Разве мало было острых ситуаций? Тем более когда работали старшим инспектором по особо важным делам областного управления. Наверное, и оружие не раз приходилось применять?

Виктор Борисович смеется.

— Представьте себе, ни одного раза. Зачем? Вот, например, одно из дел, за которое я получил благодарность из Москвы. Судите сами, где в нем особая романтика. В восьмидесятом году на станции Сенная Вольского района был ограблен магазин «Культовары». Грабитель вскрыл два сейфа, взял золотых вещей на двадцать с лишним тысяч, деньги в купюрах. Проник в магазин через склад, умело отключив сигнализацию. Работал в перчатках. До меня местные оперативники и из управления недели две вели поиск. Перешерстили массу подозреваемых людей, а в результате — ноль. Чичваров Александр Андреевич — руководитель группы, опытный, вот о ком бы надо писать! — говорит: «Слушай, Виктор, съездил бы, посмотрел свежим глазом, что-то не идет у нас дело».

Поработал и я. Никаких зацепок. Сложилось мнение, что это гастролер. Вернулся в Саратов и думаю: пошло-ка я запросы в Ярославскую, Пермскую, Омскую области. Что-то потянуло меня в ту сторону. Ветка через Сенную ведет туда. Может, поэтому. Прошло с тех пор почти полгода. Приходит из Перми бумага: задержан за кражи из сберкасс и магазинов вор-рецидивист, некий Ребров, который на следствии показал, что проезжал, совершая вояж, и Саратовскую область. Имеет ряд судимостей за магазинные кражи и, что характерно, берет только золото и деньги. Замначальника УВД по оперативной работе говорит: «Давай, Петров, езжай в Пермь, проверь на месте». Приехал. Привели преступника из камеры. Принаскучило ему уже все порядком. Вижу, опытный представитель уголовного мира. Артист в своем деле. С этим, думаю, действовать надо в открытую. Поговорили. Дал он мне показания. Все точно описал, как, что и где. Не сразу, конечно, на третий день разоткровенничался. Ну, и где здесь романтика? — закончил вопросом Петров.

— А все-таки, Виктор Борисович,— говорю убежденно,— поединок между вами был. Только не в том смысле, когда решают сила и ловкость. Противопоставляли вы друг другу нечто иное. Вы, конечно, убежденность в правоте своего дела. Силу закона. Логiku жизни, наконец. А преступник...

— Ну, он свою блатную логику,— поддержал мои рассуждения Петров.— Сейчас вор— это человек, заранее обреченный. И те, у кого есть голова, приходят к этому пониманию. Рано или поздно, но приходят. Вот только не все силу имеют покончить с преступным прошлым. Это жаль.

— Да, конечно. А скажите, Виктор Борисович...— и я задаю вопрос, который меня искренне интересует и который я уже не раз задавал многим его коллегам. И несмотря на их убедительные ответы, продолжаю спрашивать о том, в чем заключается тайна их мастерства. Ведь профессия оперативного работника милиции требует каких-то особых, мне так до конца и непонятных качеств. У одного из них почему-то всегда и все получается, вернее, почти всегда (всегда— это только у комиссара Мегрэ, потому что его придумали). А у другого только иногда, да и то когда ему в чем-то помогут другие. У Петрова, я знаю, так мне его рекомендовало областное начальство, почти все получалось, на языке спецов— «была высокая раскрываемость». Потому и интересно, что же он ответит. Каждый, кто увлекается детективами, сумеет без труда перечислить большую часть из того арсенала профессиональных качеств, которыми обладают сыщики высокого класса: и по части интеллекта, и по части опыта, и по части «божьего дара». Мне важно было знать, что из всего этого выберет Петров. Вот в чем гвоздь! Что он поставит на первое место.

— Для себя я давно уже сделал вывод,— отвечает на мой вопрос Петров,— тот сотрудник имеет результат, кто умеет работать с людьми, мобилизовывать себе помощников. Ведь раскрытие преступления— это прежде всего труд коллективный. Большой, сложный, и прежде всего коллективный. Работают двое ли, пятеро, случается, десятки людей задействованы в поиске, а руководитель группы направляет работу, получает готовые результаты, делает выводы.

— Ну, а почему руководитель?— проявляю настойчивость.— По каким качествам назначают старшего?

Улыбнулся понимающе Петров и ответил:

— Потому, наверное, что опыт у него больше. Другой, может быть, тоже дойдет своим умом, логикой рассуждений до правильного решения, только времени затратит больше и лишние ходы сделает в розыске, а это все нежелательные факторы.

— Опыт — это, конечно, важно, — соглашаюсь я с Петровым, — но в чем же еще заслуга старшего?

— Заслуга? — задумался мой собеседник. — В умении доверять.

— Как это?

— Обязанность старшего — направлять людей, — поясняет свою мысль Петров, — и в то же время, это очень важно, он должен уметь доверять своим подчиненным самостоятельные действия. Если ты взял дело в свои руки и никого тем самым не освободил от личной ответственности, тогда работа еще сильнее закипит. Вносить в дело интерес, азарт — вот заслуга.

Перед этим моментом разговора Петров рассказал мне о поиске, в котором он принимал участие, и я хочу привести этот случай как пример вышесказанному.

Произошло это в Заволжье, в одном из степных рабочих поселков. Зверское убийство целой семьи: мужа, жены и ребенка. Убийца оценил их молодые жизни в золотой перстенок, небольшую сумму денег и узел с не такой уж дорогой и с не такой уж модной одеждой — скромно жили люди.

Приехали Петров и Чичваров в тот поселок уже на вторые сутки. Разумеется, ожидая их приезда, сотрудники местной милиции без дела не сидели. Собрали массу сведений о семье погибших, обо всех, кто так или иначе соприкасался с ними. Выстроили версию: убийство совершено на почве мести, а грабеж — для отвода глаз. И надо сказать, не на песке эта версия строилась, и сами «строители» были достаточно опытные, толковые сотрудники. Петров и Чичваров, когда вникли в дело, склонны были принять эту версию за основную. Если бы оправдалось, детектив можно было написать: жена с Кавказа, муж местный, добрачные связи, сложные отношения с его и с ее родственниками.

В общем, запутанный клубок. Но все оказалось проще... Заслуга в этом деле руководителей поиска — к такому выводу я пришел сам — заключалась в том, что они, склоняясь к предполагаемому мотиву преступления, не

позволили людям отбросить возможные иные варианты, но заставили их «забегать» с новой энергией, как если бы только что вместе с ними начали розыск. И в результате (это несмотря на уверения, что «просеяли» всех из местных) предстали перед ними новые свидетели. Среди них оказался и проживающий без прописки гражданин. Участковый привел его в предоставленный Петрову и Чичварову начальником уголовного розыска райотдела кабинет.

— Бродягу? — помнится, подсказал я.

— Гражданина без определенного рода занятий, — ответил Петров. — А по профессии он был художник. Спился. Начал пробавляться случайными заработками. По воле случая оказался в том поселке.

— А как участковый, куда он-то смотрел? — показал я свою компетентность.

— Да, вот именно, — согласился Петров. — Его и наказать надо было за то, что на его участке проживал без прописки гражданин. И наказали. А можно было бы и простить, — заключил неожиданно и пояснил, что именно через того бродягу было раскрыто преступление. А участковый хорошо понимал, когда вел к представителям областного управления своего нарушителя, что спросят с него за паспортный режим очень строго и выговор, по крайней мере, он себе обеспечивает. Но чувство долга взяло верх. И это, по мнению Петрова, надо было бы учесть.

— А дальше? — стимулировал я его повествование вопросом.

— Разговорили мы задержанного, — продолжал Петров. И тут же спросил: — Помните несколько правил Глеба Жеглова, если смотрели телесерию «Место встречи изменить нельзя»? Как он работал со свидетелями? Первое — расположить человека в свою пользу, считал он. Для чего разговаривать его на том, что ему должно быть интересно. А для этого нужно понять человека...

— Проявляя к нему неподдельный интерес.

— Точно! Помните, значит. Так вот, разговорили мы задержанного, и он сообщил, что видел подобного себе пьяницу и тунеядца, который на его глазах заходил в дом к потерпевшим. Стали выяснять у него словесный портрет незнакомца. А свидетель и говорит: «Да что я вам словами-то, дайте мне бумагу и карандаш, я нарисую, он у меня хорошо в памяти запечатлелся». И нарисовал.

совал. В пять минут. Ну, в точности того, кого мы вскоре задержали с помощью его рисунка и кто оказался настоящим убийцей. В общем, дело мы прокрутили за световой день. Причем мы так и не выходили из кабинета. Ожидалось это дело сложным, а все вроде бы оказалось просто. Главное, что сотрудники, задействованные в поиске, работали с полной отдачей.

— А если бы одному?

— Что вы! Физически и то сил не хватит. Да если бы я один это дело раскручивал, тот бродяга знаете где мог бы уже быть, в каком конце Союза?

После каждого удачного раскрытия, а их было достаточно, иначе «за что бы нам зарплату платили», Петров считал своим долгом писать рапорт начальству о поощрении своих помощников.

На полированном столике — часы. Именные. Москва поощрила.

Тогда в розыске преступника участвовали практически все райотделы города. А Виктору Борисовичу повезло. Он так считает.

— Ну да... И то сыграло роль, что труд многих замыкался на нас, сотрудников УВД. Мы имели возможность переварить информацию, стекавшую отовсюду. Тот, кого мы все искали, был задержан по подозрению сотрудниками одного из райотделов. Но потерпевшая его не опознала. Понимаете? Бывает такое. И его, преступника, должны были отпустить за неимением улик. Но позвонили мне на всякий случай: не взглянете, мол? Это был особо опасный преступник, совершил ряд преступлений, и свидетельских показаний набралось несколько томов. Основательно я изучил этого типа. Во сне видел, как я его беру, допрашиваю. И когда встретились, интуиция сработала. Ничего еще существенного от него не получил, а уже понял: все, приятель, приехали! И он это как-то скоро почувствовал. У них, у матерых, особое чутье, чуют они, когда кольцо вокруг них сжимается. Признался, в общем.

— Интересно... А все-таки не слишком ли это шедро, — продолжая заводить собеседника, — когда в розыске одного задействованы десятки сотрудников?

— Нет, — отвечает, — в данном случае нет. Характер преступления был таков, что необходимо было раскинуть сеть по всему городу. Десятки оперативных групп постоянно дежурили, чтобы отреагировать по первому сигналу.

— Это насильник, что ли? Маньяк?

— Что-то в этом роде. А потом, я вам вот что скажу: когда идет широкий поиск, одновременно осуществляется очень большая и очень нужная профилактическая работа.

И Виктор Борисович объясняет, что в ходе поиска проводится самая строгая проверка всех склонных к правонарушениям лиц, меры к ним применяются самые радикальные. И если раньше до кого-то, как говорится, руки не доходили, то сегодня кончилась им малина.

— Ищем одного, — рассказывает Петров, — а попутно с десятков готовящихся преступлений предотвратим.

— Выходит, оздоравливается обстановка от такого поиска?

— Безусловно.

Виктор Борисович откинулся в кресле, светло смотрит на меня открытым взглядом из-под густых, чуть тронутых сединой бровей. А я с удовольствием отмечаю про себя, что сумел-таки разговорить работника, проявляя к нему, по методике Жеглова — Высоцкого, неподдельный интерес. Целиком отдал свою жизнь человек одному делу — борьбе с преступностью... Любимому — не любимому? Может, и не задумывался над этим. Надо, и все — так считал. Но жизнь отдана, и вспомнить ему, подполковнику милиции, есть о чем. И он вспоминает:

— Был, знаете, такой случай... Я тогда оперуполномоченным в Кировском райотделе Саратова азы уголовного розыска осваивал. Начальником у меня был Иван Васильевич Яшин. Многие, дослужившиеся до «больших звезд», начинали свою службу под началом Ивана Васильевича. «Школа Яшина» — так это между нами зовется. Отличный специалист, многим я ему обязан. Ну так вот. Было это в начале шестидесятых. Замучили нас кражи. И все из магазинов. И почерк один — проникает в помещение через дымоход, следов не оставляет, товар грузит и увозит на салазках. За три месяца, пока шел поиск, мы такую профилактику провели, что у нас, кроме этих краж, ни одного преступления не было совершено. Попытки были, но пресекали тут же.

— А что же этого-то так долго искали, три месяца?

— Такой уж оказался.

— А как все-таки взяли?

— Это заслуга Яшина. Передал ему кто-то из наших подслушанный в трамвае разговор двух подозрительных типов. Жаловался один другому на некоего Кольку Кли-

ма: законы, мол, нарушает — на своих и то нажиться хочет. Я, мол, к нему как к старому корешу, выручай, мол, похмели, магазины уж закрыты. А он, сквалыга, гони, мол, монету, и вдвое взял за бутылку. «А откуда у него водка?» — «Сам пить завязал, а водка есть. Где-то в сарае держит: Бутылка аж вовнутрь промерзла». Переварил эту информацию Иван Васильевич и говорит нам: «Сегодня будем брать этого Клима. Как же это он у меня из поля зрения выпал!» Проницкий, Алхазов, Корженьянец были с нами. Нашли у этого Клима все краденое. Жил куркулем, скрытно, натащил добра полон домишко и все пристройки забил. А сбывал по мелочи. Такая уж порода: не глупый, знает, что рано или поздно попадется, но жадность обуяла, этот и человека убьет за копейку.

— Но есть, оказываются, справедливость...

— Есть.

— И вы, Виктор Борисович, и ваши товарищи, коллеги, эту справедливость и призваны восстанавливать, — заключаю я.

— Ну, зачем же так громко? У каждого ведь своя работа.

Он сказал это очень просто. Искренне и просто. Он так думает. Но я не хочу с ним согласиться.

— Работа, — говорю, — работе рознь. Вот риск, например, при задержании преступника... Да, кстати, Виктор Борисович, а как со степенью риска, можно ли свести ее к минимуму?

— Смотря как его понимать, этот минимум, — отвечает Петров, и вижу, что ему стоит труда удержать улыбку. Но, понимая, что ему рассказывать, а мне писать, продолжает, посерьезнев: — Каждая операция по захвату вооруженного преступника заранее планируется. Тщательно. Отбираются люди по особым качествам, и роли между ними распределяются тоже с учетом этих качеств. Если есть время, то проигрываются различные варианты. Но... — Виктор Борисович вздохнул, — проигрывай не проигрывай, а брать надо. И вот войти туда, где с оружием наготове находится преступник, — задача. И мы входили, и другие будут входить. Вот отсюда и степень риска. Но она действительно сводится к минимуму. Взять хотя бы и то в расчет, что вот я, например, и мои товарищи, с кем я служил не один год, благополучно дожили до пенсии. А из наиболее острых моментов в памяти у меня

остался случай, когда я, допустив непростительную промашку, сам себя поставил под угрозу. Обыскивая преступника, — с целью завладеть оружием он убил постового милиционера, — я не обнаружил пистолета, который убийца засунул за брючный ремень. Ездил с ним, вооруженным, в машине на место преступления, и он, ему-то терять было нечего, обязательно бы воспользовался моей оплошностью, если б я не догадался надеть на него наручники.

В заключение нашей беседы, как это водится, спросил Петрова о наградах, поощрениях различного рода, только ими будто и определяется истинная ценность человека. При этом вопросе всегда испытываешь некоторую неловкость, будто и сам склонен так считать, и еще про себя опасаясь: а что, если у него нет их, этих наград? Виктор Борисович почувствовал, видимо, мое состояние, отвел взгляд в сторону:

— Вам что, перечислить их? — спросил.

— Если можно.

— Да-а, — протянул озадаченно, а потом нашелся: — Я вам трудовую книжку достану, списывайте, если угодно. Только надо ли, — засомневался.

— Да это уж так заведено, — успокаиваю и обещаю, что перечислять их все не буду.

Откровенно говоря, уж и не помню, держал ли когда в руках такую книжку. Нет, не о количестве поощрений, в ней записанных, речь. Хотя только боевых наград обозначено семь, не считая золотого знака «Отличник милиции», который вручает министр внутренних дел, и медали «Ветеран труда». Удивило меня то, что на первой странице, где сведения о работе, две краткие строчки: «1948—1955 гг. Служба в рядах Советской Армии. 1956—1983 гг. УВД Саратовского облисполкома». И все. А дальше пенсия. Ушел солдат на заслуженный отдых. Две строчки — за ними целая жизнь...

ВЫСОКИЙ АВТОРИТЕТ

Этот сборник продолжает эстафету изданий Приволжского книжного издательства о работе саратовской милиции. Читатели, вероятно, помнят героев книг «Оперативная группа — на выезд» и «Следствие закончено», вышедших в 1977 и 1980 годах. Каждый очерк новой книги — очередной штрих на коллективном портрете солдат правопорядка Саратовской области. В них отражены искренняя любовь и глубокое уважение к нелегкой, порой ничем не примечательной, будничной, но в основе своей героической милицмейской работе.

Никто не произносит в описанных ситуациях торжественных слов: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, поступая на работу в советскую милицию, принимаю присягу и торжественно клянусь до конца оставаться преданным своему народу, социалистической Родине и Советскому правительству...» Но именно о постоянной внутренней готовности исполнить свой долг всех героев, от убеленных сединами, ушедших на заслуженный отдых офицеров милиции до членов ВЛКСМ, только начинающих свою служебную биографию, рассказывают авторы.

Саратовская милиция имеет славную боевую и трудовую историю. В первые годы Советской власти она не только успешно вела борьбу с преступностью и обеспечивала общественный порядок, но и участвовала в защите Саратова от белоказаков атамана Дутова, разгроме контрреволюционного «Союза фронтовиков», в подавлении антисоветского мятежа Антонова, в ликвидации банды Десяткина.

Многие сотрудники саратовской милиции отличились в боях за Родину на фронтах Великой Отечественной войны. Золотой Звездой Героя отметила страна подвиг Николая Васильевича Чихарева, сапера, служившего до войны в милиции. О его героизме при форсировании Днепра и рассказывает писатель А. Вольф.

После окончания Великой Отечественной войны, в период восстановления и развития народного хозяйства, работники органов внутренних дел делали все, чтобы залечить раны, нанесенные войной. Ряды саратовской милиции укреплялись фронтовиками. Свою пропыленную фронтовую гимнастерку Герой Советского Союза Н. В. Чихарев вновь сменил на милицкий мундир. Всю свою жизнь посвятили борьбе за укрепление правопорядка ветераны войны И. Л. Львов, А. А. Чичваров, А. Г. Кутепов, А. И. Начин, В. К. Зубарев, К. Ф. Отпущенников и многие другие, о ком нет возможности рассказать в книге.

Сегодня милиция области с честью несет высокое звание представителя народной власти. Проследивая путь становления и развития наших органов внутренних дел, нетрудно заметить главное: при изменении условий, методов работы, накоплении арсенала технических средств неизменно ее содержание — борьба с любыми нарушениями социалистической законности, опирающаяся на поддержку самых широких слоев общественности.

Славные традиции приумножает молодое поколение. Уволенные в запас воины Советской Армии с первых дней работы в милиции стремятся овладеть секретами мастерства. Да иначе и быть не может, ведь молодежь — это любознательность и энергия, обостренное чувство справедливости и юношеская смелость в постановке и решении сложных оперативно-служебных задач.

Самоотверженные действия работников органов внутренних дел — яркое подтверждение активной жизненной позиции, присущей людям социалистического общества. Образ работника милиции неразрывно связан с понятием о честности и справедливости, находчивости и смелости, мужестве и отваге. Яркие эти качества проявились в поступке Николая Егоровича Зиновьева, героя очерка А. Никифорова «И выполняя свой долг», погибшего при задержании вооруженного преступника.

Героизм, проявляющийся в критические моменты, как эстафета, передается из поколения в поколение. Основа его заложена в тексте присяги, которую принимает каждый вступающий в ряды советской милиции: «Я клянусь добросовестно и беспрекословно выполнять все возложенные на меня обязанности, требования уставов и приказов, не щадить своих сил, а в случае необходимости и самой жизни при охране общественного и государ-

ственного строя, социалистической собственности, личности и прав граждан и социалистического правопорядка». И на своем посту солдаты правопорядка верны данному слову. Даже получив тяжелое ножевое ранение, милиционер отдела внутренних дел Балаковского райисполкома младший сержант милиции В. А. Плечев продолжал удерживать пьяного хулигана, предотвращая более опасное преступление.

А сколько примеров, когда часовые правопорядка показывают себя людьми с горячим сердцем, холодной головой, чистыми и крепкими руками, надежными и верными друзьями.

Естественно, в современных условиях милиция должна обладать высоким уровнем профессионализма, но для этого необходимы компетентные и идейно зрелые кадры. В милиции не должно быть места людям с черствой душой. И это понятно, ибо поставленные партией на передний край борьбы за образцовый общественный порядок люди должны, в первую очередь, сами быть примером строгого соблюдения социалистической законности и норм коммунистической морали.

Советская милиция по праву называется народной. Выражением неразрывной связи органов внутренних дел с народом является пополнение ее рядов коммунистами, лучшими представителями трудовых коллективов, воинами, уволенными в запас. В очерке В. Котина «Скорость» подробно рассказано о гражданском становлении Сергея Мартынчева. Настоящую рабочую закалку получил до армии на Саратовском авиационном заводе и коллега Мартынчева Александр Сухоруков, инспектор дорожно-патрульной службы ГАИ УВД. Перед ним всегда был пример отношения к труду его отца, Сергея Ивановича Сухорукова, токаря авиационного завода, Героя Социалистического Труда. Свои служебные обязанности Александр Сухоруков исполняет так, чтобы быть достойным трудовой славы отца и всего рабочего коллектива завода.

Партия, государство предоставили милиции все необходимые права и полномочия, обеспечили всенародную поддержку с тем, чтобы ее действия надежно охраняли общественный порядок и при всей строгости и решительности всегда и во всем были законными.

Большинство материалов сборника строго документальны. Это как бы приближает читателя ко всему про-

исходящему, невольно заставляет сопереживать события вместе с описанными в очерках персонажами, мысленно определять свою гражданскую позицию в той или иной непростой жизненной ситуации.

Содержание сборника позволяет проследить на примере конкретных судеб исторические этапы становления и развития советской милиции.

В предлагаемом сборнике — очерки лишь о некоторых представителях славного отряда саратовской милиции. Все это простые и скромные труженики, беззаветно преданные своему долгу.

Такими людьми и сильна наша милиция.

В. П. БОМОНИН, начальник Управления внутренних дел Саратовского облисполкома, генерал-майор милиции

СОДЕРЖАНИЕ

В. Гольдман. Осенью сорок седьмого	3
А. Вольф. Летели журавли...	22
А. Никифоров. И выполняя свой долг (документальный рассказ)	49
В. Котин. Скорость	60
В. Серов. Доказательство аксиомы	78
С. Кузнецов. «Голубой Маврикий»	100
М. Исхизов. Два дела следователя Кутепова	117
А. Никифоров. «По особо важным»	153
Высокий авторитет (заключительная статья В. П. Бомонина)	171

Составитель **Владимир Борисович Разин**

«02 СЛУШАЕТ...»

Редактор *Р. Богданова*

Художник *В. Шурыгин*

Художественный редактор *В. Бутенко*

Технический редактор *Л. Андропова*

Корректор *И. Соколова*

ИБ № 1124

Сдано в набор 13.06.85.

Подписано в печать 07.02.86.

НГ14055. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага типографская № 1. Гарнитура

Усл. печ. л. 9,24. Усл. кр-отт. 9,45.

Уч.-изд. л. 8,461. Заказ № 10543.

Тираж 11000. Цена 30 к.

Приволжское книжное издательство.

Саратов, пл. Революции, 15.

Типография издательства «Коммунист».

Саратов, ул. Волжская, 28.